

АНТИЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

**АНТИЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ ИЗ РАСКОПОК
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Москва 1994

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ**

**Главные редакторы: Ю.Б.Симченко, В.А.Тишков
Ответственный секретарь - Л.И.Миссонова
Редакционная группа: Ерунов И.А., Квашнин Ю.Н.,
Крюкова С.С., Носова Г.А., Павлова Н.В.**

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Альманах "Российский этнограф" является изданием самого широкого профиля. Помимо академических работ в нем публикуются этнографические очерки, путевые заметки и другие материалы, представляющие интерес для этнологической дисциплины. Издатели разделяют не все высказываемые авторами альманаха положения.

**© 1994 г. Координационно-методический центр прикладной этнографии
Института этнологии и антропологии РАН**

**ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОСТИ
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А.М. ГОРЬКОГО РАН
(Группа "Античная архаика: литература и культура")**

Ответственный редактор:
доктор филологических наук И.В.Шталь
Литературный редактор:
Р.А.Гимадеев

От редактора

Эта книга выросла из докладов, прочитанных на II Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной проблемам "Свода мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи из музеев Советского Союза (IV в. до н.э., керченский стиль)", организованной в мае (II-IV) 1992 года в Москве группой "Античная архαιка: литература и культура" (ИМЛИ РАН) и Центром Изучения Античности. Тема конференции - история комплектования античных коллекций, преимущественно керамики (IV в. до н.э., керченский стиль), из раскопок Северного Причерноморья: музеи Центральной России, Урала, Украины, Крыма, Прибалтики, Закавказья.

Книга состоит из трех разделов. Первый - "Дарители, собиратели, хранители" - строится по хронологическому принципу, второй - "Место, время, обстоятельства находок" - по алфавитному, третий - "К истолкованию сюжетов вазовой росписи" - обосновывает не только исторический и искусствоведческий, но филологический и религиозно-мифологический интерес к материалу. Приложение содержит новые сведения по классификации и атрибуции ваз.

Книга воскрешает забытые имена коллекционеров, собирателей, дарителей XIX - начала XX вв. в России, восстанавливает разорванные связи, преемственность, в музейных коллекциях, по крупицам воссоздает утраченные паспорта музейных вещей, вводит новые источники в изучение духовного мира далекой Древности и ближайшей Современности.

Доктор филологических наук
И. В. Шталь

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	4
I. Античные музейные коллекции: дарители, собиратели, хранители	
1. В.Н.Даниленко. О первом музее на Юге России.	8
2. Э.Б.Петрова. Феодосийский Музей Древностей: античные памятники и их собиратели	20
3. Т.И.Костромичева, А.В.Шевченко. Коллекция античной краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса. К истории комплектования.	35
4. Г.А.Солнцева. Собрание I гильдии купца Д.Г.Бурылина, основателя Иваново-Вознесенского музея	40
5. А.С.Стабровский. Из истории собрания древностей Художественного фонда Музея истории Пермского Университета	47
6. Э.А.Хачатурова. Античные коллекции Кубанского Бойского Музея (Государственный историко-археологический музей-заповедник им.Е.Д.Фелицына).	55
7. М.И.Абикулова. Античная расписная керамика из коллекции Г.Л.Скадовского в Херсонском краеведческом музее	60
8. И.И.Вдовиченко. Севастопольский музей краеведения.	63
9. Л.Г.Попова. Греческая расписная керамика в Николаевском краеведческом музее	70
II. Античные музейные коллекции: место, время, обстоятельства находок	
1. В.Н.Боровкова. Керченское собрание краснофигурных пелик IV в. до Р.Х.	73
2. И.И.Вдовиченко. Коллекция краснофигурной керамики Крымского краеведческого музея	89
3. И.В.Гудименко. Греческая расписная керамика из фондов Азовского краеведческого музея.	92

4. И.П.Нерубенко. Коллекция краснофигурной керамики в Курском областном краеведческом музее	97
5. В.Н.Розов. О происхождении краснофигурной пелики из собрания Музея истории города-курорта Сочи	103
6. И.А.Харитюшкина. О Музее Уральского Общества любителей Естествознания и его фондах . . .	108
Ш. К истолкованию сюжетов вазовой росписи	
1. И.В.Шталь. Миф, культ, эпос в греческой вазописи керченского стиля (IY в. до Р.Х.).	111
1У. Приложение	
1. К.В.Петренко. Опыт уточненной классификации пелик керченского стиля по мастерам и мастерским	126
2. К.В.Петренко. Элементы орнамента на пеликах керченского стиля	137
Список сокращений	155
Коротко об авторах	157
Иллюстрации.	I - 40

**I. АНТИЧНЫЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ:
ДАРИТЕЛИ, СОБИРАТЕЛИ, ХРАНИТЕЛИ**

О ПЕРВОМ МУЗЕЕ НА ЮГЕ РОССИИ

В литературе существуют расхождения относительно времени основания южных музеев России. Так, одни авторы¹ называли временем открытия Керченского музея Древностей 1826 г., другие² считали, что это произошло спустя три года, в 1829 г. Н.И.Веселовский³ пытался примирить противоречие, предположив, что Керченский музей учрежден в 1826 г., а открыт в 1828 г.

Еще одно мнение о времени создания Керченского музея - 1823 г. - высказывает знаменитый мемуарист Ф.Ф.Вигель. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Ф.Ф.Вигель был назначен Керчь-Еникальским градоначальником с властью, по объяснению гр. М.С.Воронцова, Наместника Новороссии, "почти независимой и почти неограниченной". Вигель прибыл в Крым в марте 1827 г.⁵ и очерк о Пантикапее писал в том же году, находясь в Керчи⁶. В начале следующего года Ф.Ф.Вигель уже отбыл в Петербург, будучи заменен И.А.Стемпковским. Таким образом, свидетельство Ф.Ф.Вигеля, возможно, не лишено оснований. Как градоначальник, он имел все возможности подлечь лобные, самые достоверные сведения, и, вместе с тем, как будто ничего не должен был перепутать, поскольку писал по свежим следам. Можно было бы предположить, что Ф.Ф.Вигель под музейным собранием подразумевал коллекцию П.Дюбрюкса, которая часто также именуется "небольшим музеем", "первым неофициальным музеем в Керчи"⁷, но такое предположение едва ли основательно. Коллекция П.Дюбрюкса была собрана значительно ранее 1823 г., и уже в 1818 г. Император Александр I осмотрел ее "и в знак благоволения предоставил Дюбрюксу в собственность весь собранный им археологический материал"⁸.

Подобные неясности встречаются и в истории Феодосийского музея. Его основание относят к 1809 или 1811 гг. Неизвестно откуда, но в литературу проникло мнение о том, что впоследствии Феодосийский музей был присоединен к Керченскому и на некоторое время прекратил свое существование. Так, П.М.Леон-

тьез только со ссылкой на Анатолия Демидова, прибывшего из Парижа, беретс я утверждать, что в 1837 г. этот музей "еще существовал"⁹.

В такой ситуации остается вовсе неясным, какой же музей может оспаривать право называться первым по времени музеем на Дне России. Часто в литературе встречается утверждение, что первенство принадлежит Кабинету редкостей Черноморского Депо карт, основанному в 1803 г. в Николаеве¹⁰. Утверждение обычно не подтверждается ссылками на источники и имеет смысл общеизвестного, но недостоверного факта.

Между тем, в Государственном архиве Одесской области в составе фонда ООИД хранится дело под названием "Передача древностей Черноморской Штурманской роты Обществу"¹¹, которое включает ряд документов, относящихся к 40-м годам XIX в. Это записка Одесского общества к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору гр. М.С.Воронцову, отношение последнего к Командиру Черноморского флота и портов адм. М.П. Лазареву, опись древностей, передающихся Обществу, письма начальника Гидрографического Депо, одесского комиссионера Черноморского ведомства, касающиеся транспортировки коллекций из Николаева в Одессу, и т.д.

Материалы дела освещают всю историю Николаевского музея. Он создавался при Депо карт, преобразованном позже в Гидрографическое Черноморское депо. В связи с преобразованием последнего в конце 30-х годов хранившиеся здесь древности были переданы в ведение Черноморской Штурманской роты, "как не принадлежащие к прямым занятиям Депо"¹². Оказалось, что "к прямым занятиям" Штурманской роты древние вещи также не имели никакого отношения, т.е. они оказались никому на флоте не нужными, что и позволило Одесскому обществу поставить вопрос об их изъятии, а командованию флота без всяких возражений легко отказаться от них.

Но самое главное: то, что хранилось во флотских ведомствах, вряд ли составляло настоящий музей. Сейчас под музеем подразумевают учреждение, имеющее задачей собирать, хранить, выставлять и изучать материалы, относящиеся к какой-либо от-

расширения знания и культуры. Разумеется, нельзя ожидать, что почти 200 лет назад люди предъявляли к музею такие же требования, как в наши дни, но хотя бы частично те же функции у музеев были. Посмотрим же, из чего состоял и какие задачи ставил перед собой Николаевский Кабинет редкостей.

В Депо карт, естественно, хранились карты, разного рода планы городов, чертежи и модели кораблей, кроме того, здесь были коллекции минералов, раковин, окаменелостей, чучел животных¹³. Что же касается древностей, то их значится в ведомости, приложенной к письму адм. Лазарева от 21 февраля 1840 г.¹⁴ немного, всего 31 предмет из мрамора: скульптур и рельефов – 9, архитектурных деталей – 9, надписей античных – 10, надписей турецких – 3 и одна мозаика "из простого белого камня" (?). Вещи поступили из самых различных мест отдельными экземплярами или немногочисленными партиями. Больше всего находок из Ольвии – 9. И это вполне закономерно, если учесть близость древнего города и то обстоятельство, что уже в конце XVIII – начале XIX вв. в Николаеве были на виду вещи ольвийского происхождения. П.Сумароков в 1799 г. видел возле Николаевского собора древнее надгробие Стратона, а внутри алтаря еще одну плиту с надписью¹⁵. Можно думать, что именно ольвийские находки легли в основу коллекции. Две скульптуры и одна надпись, как следует из описи, вывезены из Афин, какая-то архитектурная деталь – из Греции (без указания места). Три предмета из Херсонеса, по два – из Пантикапея и Анапы, по одному – из Аккермана и с Березани. Для десяти – происхождение неизвестно (или не указано в описи). Наряду с античными скульптурами и надписями в ведомость включены три турецкие надписи, две каплели и "барельеф с изображением овна" из Херсонеса, скорее всего, средневековые.

Была в Кабинете и нумизматическая коллекция. Она включала 405 античных монет, медных, разных (вероятно, по большей части средневековых): из Херсонеса – 71, новейших времен – 33, разных европейских государств – 43, казанских татар – 32, российских – 15, а всего 599 экземпляров. На пер-

вый взгляд коллекция представляется достаточно солидной, но если сравнить ее с другими собраниями того времени, то сразу бросается в глаза ее весьма скромный объем: в Монц-кабинете Московского университета на 1839 г. зафиксировано 10 475 монет¹⁷ и проч. Надо иметь в виду, что все перечисленные редкости числились в коллекции кабинета на февраль 1840 г. В год же, который считается временем открытия музея (1803), их было значительно меньше. Например, мраморная плита с надписью из Керчи найдена в 1809 г., две капители и барельеф из Херсонеса, а также надпись с о.Березани поступили в 1826 г. и т.д. Как видим, материал Кабинета незначителен по количеству и разнороден по составу.

Что касается хранения, неотъемлемой обязанности всякого музея, то состояние николаевской коллекции можно охарактеризовать словами человека, надо думать, неплохо разбиравшегося в тех вопросах, о которых идет речь, — словами Н.Н.Мурзакевича: "... статуи и камни с древними надписями, не имея приличного и удобного помещения, от воздушных перемен сильно страдают"¹⁸.

Совершенно очевидно, что никакой научной работы с памятниками не велось¹⁹. Да и кто мог бы проводить такую работу? Среди морских офицеров было много людей эрудированных и высокоинтеллектуальных, но для того, чтобы заниматься наукой, этого недостаточно.

Наконец, последнее — показ хранящихся вещей, на что рассчитан каждый музей. Похоже, что николаевское собрание не только никто не посещал, но даже мало кто знал о его существовании. Во всяком случае, ни один из путешественников по Дугу России ни словом не упоминает Кабинет редкостей. В этом отношении особенно характерно молчание дважды посетившего Николаев в 1834 г. наполеоновского маршала Огюста-Фредерика Мармона. Мармон ехал не торопясь, основательно знакомился с тем, что встречалось на пути, проявлял жадный интерес к древностям, входил во все подробности. Проезжая в Трансильвании через деревушку, стоящую на месте *Ulpia Trajana* он услышал, что "у одного частного человека есть множество

древних предметов, открытых здесь"; маршал горестно сетует на то, что "не мог видеть этого собрания, потому что хозяин его был в отлучке". С Николаевым Мармон знакомился особенно внимательно, город ему очень понравился: и хорошо выбрано место, и прекрасные дома, и пышные насаждения. "Я осматривал дом, построенный Потемкиным, и сад, насаженный по его приказанию в несколько дней для приема императрицы Екатерины II"²⁰. А вот значительного собрания древностей он почему-то не осмотрел, скорее всего, он даже не слышал о нем, иначе вряд ли упустил бы возможность хотя бы упомянуть его.

По меньшей мере столь же многозначительно молчание Захария Андреевича Аркаса, который даже вскользь не сообщил ни о каком музее в Николаеве ни в одном из своих исторических трудов. Хотя уж этот-то человек должен был знать о нем досконально: до 1816 г. он обучался в николаевском Штурманском училище, с 1839 г. был смотрителем Штурманской роты. При его повышенном интересе к истории, археологии, музеям (знавшие его подчеркивают среди его заслуг то, что он "усердно содействовал увеличению Музея /Одесского/ Общества")²¹, он просто не мог пропустить такой важный факт. В глазах современников николаевское собрание было не музеем, а обычной коллекцией: во всех документах переписки 1840 г. оно нигде не называется музеем, но везде коллекцией. "Нередко формой коллекционирования было создание так называемых кабинетов "куриозных" вещей"²². Именно Кабинетом николаевское собрание официально и именуется.

Итак, мы имеем дело с коллекцией, каких именно в то время создавалось в России немало²³. Возникали коллекции частные, при научных и общественных организациях. Известны небольшие археологические, этнографические, ботанические собрания, украшавшие кают-кампании некоторых кораблей. Эта традиция распространялась и на морские собрания. Русские офицеры, в первую очередь, флотские, относились к числу высококультурных людей. Программы военных учебных заведений предусматривали подготовку личностей, обладающих широтой и глубиной интересов и разнообразием знаний. Часто на протя-

жении всей службы с ними проводились занятия, повышавшие их образовательный уровень²⁴. Плавания вызвали желание привезти что-нибудь на память о дальних странах²⁵. Из дальних путешествий везли ручки копий, стрел, луков с колчанами²⁶, семена и луковицы цветочных растений²⁷. При всеохватывающей моде на древность и особенно на античность²⁸, наиболее ценной "добычей", конечно, должны были представляться древние памятники. Благоприятствовали удовлетворению увлечения древностями, кроме достаточно высокого образовательного ценза, большой резерв свободного времени в условиях мира и даже бездействия и скука повседневной корабельной или гарнизонной жизни²⁹, наличие даровой рабочей силы (матросы), без которой не организуешь перевоз объемных и тяжелых памятников. Именно такие люди и составили николаевскую коллекцию.

Но если николаевское собрание не было музеем в полном смысле этого слова, то какое же может претендовать на звание первого музея Юга России? Из поля зрения историков как-то выпал ханский дворец в Бахчисарае. А именно он, судя по всему, с очень раннего времени постепенно начал превращаться в музей, хотя долго и не имел такого официального статуса. По мнению одного из исследователей, только незадолго до революции "было положено начало музею при Бахчисарайском дворце"³⁰. Факты показывают, что дворец стал музеем значительно раньше, чуть ли не сразу после присоединения Крыма к России.

Русские получили наследство, среди которого Бахчисарайский дворец был настоящей жемчужиной. Уже с первых дней он рассматривался, как памятник, как раритет, не только российским обществом, представители которого приезжавшие в Крым, обязательно его посещали, но и властями. Огромное помещение можно было бы превратить в казарму, разместить в нем какое-нибудь гражданское или военное учреждение и т.п. Даже если бы дворец рассматривался только как архитектурный памятник, то его можно было бы чем-то занять, — и это толк ко пользе бы на пользу, поскольку необитаемое здание приходит в упадок и разрушается быстрее, — а фасады были бы доступны осмотру. Но и так не сделали. Оставили все как было. Однако, поскольку

ку здание обветшало, а из внутреннего убранства Шагин-Гирей вывез все, что смог, вскоре начались реставрационные работы, которые связывались с предстоящим приездом в Крым Императрицы Екатерины II, и продолжались с 1784 по 1787 гг.

Направление ремонтных работ определялось тем впечатлением, которое дворец производил на приезжих. Так, герцог К.И. де Линь, путешествовавший в свите Екатерины, образно писал: "При приезде в Тавриду я думал, что душа моя возвысится великими происшествиями... в ней случившимися. Дух мой уже исполнился героизма с Митридатом, волшебства с Ифигенией, воинственности с римлянами, изящных искусств с греками; буйности с татарами; промышленности с генуэзцами. Со всеми сими людьми я довольно знаком; но клянусь вам, что я нашел здесь совсем иное; все они исчезли, и остались только тысяча и одна ночь. Теперь я в гареме последнего крымского хана... В чертогах наших, которые сооружены отчасти в арабском, китайском и турецком вкусе, находится множество водоемов, маленьких садилов, живописи, позолоты и надписей... Я не знаю более, где и в каком веке я нахожусь"³¹. Бахчисарайский дворец превращался в музей восточного быта и искусства. Несмотря на то, что реставрация проводилась неумело (а откуда было взяться умению, опыту?), желанный эффект был все же достигнут.

Нужно иметь в виду, что вторая половина XVIII в. и начало XIX в. — это время, когда в обществе зарождается ягучий интерес к Востоку: "... интерес к далеким азиатским странам и составлял одну из характерных черт интеллектуальной и политической жизни Европы того времени..."³². Вместе с тем, естественно, делает первые шаги и наука, изучающая эти экзотические страны³³, — востоковедение. Проводывается большая работа по описанию востоковедных коллекций Кунсткамеры, появляются популярные статьи в журналах, предназначенных для широкой публики³⁴. Готовятся кадры ориенталистов: с 1783 г. начинают преподавать арабский и китайский языки³⁵, а чуть позже (1804 г.) учреждаются кафедры восточных языков в университетах³⁶. Пробуждение интереса к Востоку — это и спонтанный, рационально немотивированный феномен, выражение позна-

вательного инстинкта, и в то же время чисто практическое действие. Россия все глубже проникает на Восток, но для захвата земель "достаточно было военной силы в соединении с техническим и экономическим превосходством... для управления завоеванными странами - в одних случаях, для удержания в зависимости от себя стран, сохранявших политическую самостоятельность, - в других, нужно было всестороннее знание этих стран"³⁷. В такой обстановке поддержание в порядке Бахчисарайского дворца очень органично вплетается в ряд мероприятий, призванных удовлетворить интерес и нужды общества по отношению к Востоку.

К приезду Екатерины дворец спешно приводят в порядок. Один из иностранных путешественников признается: "Я был поражен всем, что видел, мне казалось, что я вижу волшебную палочку феи, которая всюду создает дворцы и города"³⁸. Внутреннему убранству пытались придать такой вид, какой дворец имел "при своих прежних обладателях". Для этого подножается позолота, росписи, закупается мебель и иные необходимые вещи в разных местах, в том числе, в самом Бахчисарае и даже в Константинополе, для чего посланнику Я.И.Булгакову было дано соответствующее поручение. При этом, есть сведения, что ткани для обивки стен и мебели приобретались "по образчикам прежних изорванных кусков"³⁹. На ремонт было истрачено более 37 тыс. рублей⁴⁰, что по тем временам составляло весьма внушительную сумму. "Уехала Екатерина - опустели и выстроенные для нее дворцы. Не прошло года с ее отъезда, - и там, где пировала Северная Семирамида, - водворилась мерзость запустения. Дворцы были обворованы, вещи растасканы, попорчены и изъедены мышами, в садах бродили стада, в покоях образовались течи, штукатурка обвалилась, крыши грозили падением"⁴¹.

Чуть ли не единственным исключением оказался Бахчисарайский дворец. Он не только не пришел в упадок, но напротив, поддерживался в порядке, на что ежегодно отпускалась определенная сумма, а каждые несколько лет и в экстренных случаях (например, приезд Царя или Царской Семьи) произво-

дились крупные ремонты. При дворце состояли смотритель и 12 инвалидов, охранявших постройки. Судя по всему, помимо своих обязанностей, они выполняли и роль гидов, показывали дворец желающим: у путешественников при рассказе о дворце постоянно встречаются выражения "рассказывают", "нас впустили"⁴² и т.д.

Сложился четкий экскурсионный маршрут: дворец, Успенский монастырь, Чуфут-Кале (с хранилищем древних рукописей), Иосафатова долина⁴³. Иными словами, выработался музейный комплекс из нескольких памятников, центр которого занял Бахчисарайский дворец-музей, отражающий быт крымских ханов и — шире — восточных владык, наглядно демонстрирующий восточную культуру и искусство. При создании музея одну из центральных его задач видели в увековечивании памяти о пребывании в Крыму Русской Императрицы. Этот аспект неоднократно подчеркивался впоследствии в документах самого различного характера. Так, еще недавно по традиции показывали кровать, на которой якобы спала Екатерина, в экспозиции висел ее портрет.

Силой обстоятельств еще в конце XVIII — начале XIX вв. именно Бахчисарайский дворец стал первым музеем на Дне России.

П р и м е ч а н и я

1. К.Зеленицкий. Жизнь и ученая деятельность Бларамберга. — 300ИД, II (1848), с. 225.

2. Тетбу-де-Мариньи. Павел Дюбрюкс. — 300ИД, II (1848), с. 230.

3. Н.И.Веселовский. История Императорского Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896. СПб., 1900, с. 4.

4. Записки Филиппа Филипповича Вигеля. М., 1893, ч. УП, с. 98.

5. Там же, с. 148.

6. Там же, с. 156.

7. Напр. Ф.Т.Гусаров. Керченскому музею — 125 лет. —

АИБ, I (1952), с. 7.

8. В. В-в. Добрукс Павел. - РБС. Т. 6, с. 736.

9. П.М.Леонтьев. Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря. - Пропилеи. I² (1856), отд. II, с. 77.

10. А.Л.Монгайт. Археология СССР. М., 1955, с. 39; А.С.Амальрик, А.Л.Монгайт. В поисках исчезнувших цивилизаций. М., 1959, с. 30; А.М.Разгон. Исторические музеи в России (с начала XVIII в. до 1861 г.) - В кн.: Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. V, с. 239; И.В.Тункина. Кабинет редкостей Черноморского Депо карт. - В кн.: Проблемы исследований античных городов. Тезисы. М., 1989, с. II7-II8; автор статьи о музеях в СИЗ (столб. 773-774) по какому-то недоразумению считает музеем само Николаевское Черноморское Депо, а не Кабинет древностей при нем.

11. ГАОО, ф. 93, оп. I, д. 39.

12. Записка о монетах и древних мраморах, находящихся в Черноморской Штурманской роте в Николаеве (ГАОО, ф. 93, оп. I, д. 39, л. 2).

13. И.В.Тункина, ук. соч., с. II8.

14. ГАОО, ф. 93, оп. I, д. 39, л. 8-II.

15. П.Сумароков. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М., 1800, с. 16.

16. Л.П.Харко. Монц-кабинет Московского университета. - Тр. ГМИИ. М., 1960, сс. 352, 358.

17. В.С.Иконников. Николай Петрович Румянцев. Очерк из русской историографии. - РС, 1881, окт., с. 246.

18. ГАОО, ф. 93, оп. I, д. 39, л. 2.

19. И.В.Тункина, ук. соч., с. II8.

20. О.Ф.Мармон. Путешествие... в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря... М., 1840. Т. I, с. 104, 186.

21. Н.Мурзакевич. Захарий Андреевич Аркас. - ЗООИД, IV (1867), с. 422, 494.

22. ВСЭ. 3-е изд. Т. 12, с. 432.

23. Н.И.Веселовский, ук. соч., с. 8-10.

24. Краснознаменный Черноморский флот. М., ³1987, с. 30-31.

25. Записки Михаила Александровича Бестужева. - РС, 1881, ноябрь, с. 623, 624.

26. В.В.Стасов. Румянцевский музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860-1861. - РС, 1863, январь, с. 89.

27. Рассказы, заметки и анекдоты из Записок Е.Н.Львовой. - РС, 1880, сентябрь, с. 206.

28. Россия сто лет назад. 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса. П. - РС, 1877, май, с. 32, 37; Ф.Ф.Вигель, ук. соч., ч. П, с. 38-41, 137; И.Звинский. Гоголь как любитель античного мира. - Гермес. 1909, № 13(39), с. 420; № 14(40), с. 442, 444; А.В.Михайлов. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII-XIX вв. - В кн.: Быт и история в античности. М., 1988, с. 241-243.

29. С.Б.Окунь. История СССР. Лекции. Ч. 2. Л., 1983, с. 124.

39. А.И.Полканов. История музейного дела и охраны памятников культуры за десять лет советской власти. - ИТОИАЭ. IV (1931), с. 94.

31. Письма, мысли и избранные творения принца де Линя... М., 1809, т. I, ч. I, с. 54.

32. М.С.Мейер. Вступ. ст. к: Ян Потоцкий. Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году. - В кн.: Восток-Запад. М., 1985, с. 35.

33. В.М.Алексеев. Экзотика в филологической науке. - Наука о Востоке. М., 1982, с. 391.

34. Д.Е.Бертельс. Введение. - В кн.: Азиатский музей - Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972, с. 10.

35. П.И.Сумароков. Обзорение царствования и свойств Екатерины Великия. СПб., 1852, ч. 2, с. 165.

36. А.А.Формозов. Очерки по истории русской археологии. М., 1961, с. 90.

37. Н.И.Конрад. Запад и Восток. М., 1972, с. 9 ("Ста-

рое востоковедение и его новые задачи").

38. Лудольф, гр. де - Письма о Крыме. - РО, 1892, Т.П, март, с. 170.

39. Ф.Ф.Вигель, ук. соч., ч. УП, с. 213.

40. Г.В.Есипов. Путешествие Императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 году. - КС, 1891, сентябрь, с. 448.

41. М.Н.Ковалевский. Путешествие Екатерины II в Крым.,
21920, с. 104.

42. А.Демидов. Путешествие в Южную Россию и Крым. М.,
1853, с. 333, 335.

43. ОдВ. 1852. № 2.

© 1994г.

Э.Б.Петрова

ФЕОДОСИЙСКИЙ МУЗЕЙ ДРЕВНОСТЕЙ: АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ И ИХ СОБИРАТЕЛИ

Насыщенная памятниками разных времен и народов, крымская земля пленила многих выдающихся людей. Историки и археологи, художники и поэты, учителя и врачи, военные и политические деятели – всех их объединяла любовь к истории, памятникам старины, страстное желание сберечь их от недобрых глаз и рук, сохранить для будущих времен и поколений.

Один из старейших музеев в России, первый археологический в Крыму – Феодосийский Музей Древностей. Богата и украшена блестящими именами его история. Между тем, она до сих пор почти не освещалась в литературе, если не считать небольшого экскурса в "Очерках истории музейного дела в России"¹. Причина здесь в разбросанности материалов, хранящихся в разных архивах, и плохой сохранности довоенного раздела архива Феодосийского краеведческого музея. Имеет значение и то, что Феодосия и ее округа по сравнению с другими городами и поселениями Крыма археологически изучались не так интенсивно и несистематически. Поиски в фондах Одесского и Крымского областных архивов, архива Феодосийского краеведческого музея, работа с коллекциями этого и других музеев, хранящих памятники феодосийской старины, а также с опубликованными материалами позволяют открыть важную, познавательную и весьма поучительную страницу истории нашего края.

Феодосийский Музей Древностей был открыт 13 (25) мая 1811 г. В окрестностях Феодосии к тому времени уже было собрано немало античных и средневековых памятников; они находились в частных коллекциях. Дело не обошлось без любительских изысканий, печально известных в те времена в Крыму. Первые так называемые "раскопки" здесь, по преданию, проводили генуэзцы еще в XIII–XV вв. Их интересовало, разумеется, не прошлое края, а драгоценные вещи. Такие грабительские раскопки велись и позже. Полностью отсутствовала фиксация найденного, уничтожались археологические комплексы, памятники

рассредоточивались по разным коллекциям, включая заграничные. Однако в России было немало людей, любивших старину, оценивших находимые вещи и пожелавшие сохранить их. Вызывало их тревогу и систематическое разрушение памятников старины, по поводу чего шли многочисленные петиции в Петербург. "Чудная судьба Феодосии! Ее всегда и все разрушали: боспорцы, татары, турки, русские войска, коменданты и градоначальники!" – с болью в душе восклицал Н.Н.Мурзакевич².

Сохранились документы, свидетельствующие о внимании, проявленном таврическими властями к охране памятников, и стремлении изыскать денежные средства на их поддержание³. Одним из инициаторов создания музея стал градоначальник Феодосии в 1810–1816 гг. Семен Михайлович Бронеvский (1763–1830) – личность незаурядная, человек просвещенный, один из первых русских краеведов. Представляет интерес его переписка с феодосийской городской думой в 1811 г⁴. В рапорте градоначальнику дума признает полезность организации музея, но считает, что для создания экспозиции только феодосийских памятников будет недостаточно, необходимо употребить старание для умножения музейной коллекции за счет вещей из других мест. И далее: "Ныне же отыскала Дума собрание редкостей у здешнего купца Джеварди..., цена оным – 1250 рублей". Прилагается список редкостей, купленных у Джеварди для музея: мраморная женская головка, 37 глиняных фигурок и ваз, светильник, обломки сосудов, 134 монеты. В ответ Бронеvский сообщает, что он поручил Г.Галлере собрать и описать Керчь и Еникале с суммой в 100 рублей из средств думы. Градоначальник и сам занимался поисками вещей для будущего музея. Вот что рассказывает в своих воспоминаниях племянник Бронеvского: "Осенью приехал в Севастополь дядя Семен Михайлович для осмотра развалин древнего Херсонеса. В Феодосии тогда устраивался музей для древностей Крыма по проекту моего дяди, бывшего тогда градоначальником Феодосии... дядя отыскал несколько обломков древних греческих статуй, которые и отправлены были на военном транспорте в Феодосию"⁵.

Для музея выделили небольшое здание старой турецкой мече-

ти, ставшее на первых порах скорее хранилищем древностей, чем собственно музеем. Не случайно путешествовавший по Крыму в 1820 г. И.М.Муравьев-Апостол заметил, что "имя Музеум слишком громкое" для феодосийского хранилища⁶. Вещей было еще мало. Коллекция составлялась из древностей, приобретаемых у местных жителей, на что городская дума выделила 1 тыс. рублей. Первоначально это были памятники из самой Феодосии и ее округа, Керчи, Судака, Тамани и других мест⁷. Собрание росло благодаря дарениям и случайным поступлениям, позже — благодаря археологическим раскопкам. Еще в 1818 г. Цесаревич Николай Павлович, будущий император, пожаловал музею золотую монету царя Лисимаха и серебряную монету Филиппа III Македонского. Дарителями были Одесское Общество Истории и Древностей (ООИД), Керченский Музей древностей, Археологическая Комиссия, Е.Ф. де-Вильнёв, Н.Н.Мурзакевич, И.С.Верébросов, И.К.Айвазовский, А.И.Гинце, С.А.Крым и другие. Уже в 1828 г. П.Кеппен назвал феодосийское собрание древних вещей одним из самых богатых — наряду с одесским, николаевским и эрмитажным. Н.Н.Мурзакевич в 1837 г. насчитал в нем 64 предмета и около 350 греческих и римских монет; посетивший тогда же музей А.Н.Демидов назвал его "учреждением весьма любопытным" и перечислил некоторые привлекавшие его внимание памятники⁸.

На протяжении ряда лет — с 1811 по 1826 гг. — музей существовал за счет денежных пособий в размере 141 рубля, ежегодно выделяемых из средств городской думы⁹. Опека над ним возлагалась на начальника Феодосийского карантина. Первым заведующим музеем стал городской голова, генуэзский дворянин Георгио Галлера, по словам Л.П.Колли, археолог и нумизмат; след за ним — карантинный врач И.И.Граперон — доктор медицины член Парижской Академии, приглашенный в Россию по повелению Николая I и много потрудившийся в деле основания карантин в Новороссийском крае, любитель древностей¹⁰. В 1849 г. музей временно находился в заведовании члена Карантина И.М.Коцани, но вскоре встал вопрос о передаче заведования другому члену Карантина, корреспонденту ООИД Евгению Францевичу де-Вильнёву, с 1850 г. на долгие годы со-

единицею свою судьбу с музеем, археологическими раскопками, охраной и поддержанием в порядке средневековых памятников города¹¹. Еще раньше он поставили в Общество сведения о новых находках предметов старины в Феодосии.

Одесское Общество проявляло живейший интерес к феодосийским древностям, заказывало рисунки, чертежи древних построек, копии надписей, принимало меры к сохранению местных памятников. Эта забота вылилась в желание взять музей под опеку. Передача музея в ведение ООИД засвидетельствована многочисленными письмами и отношениями, датированными 1850-1851 гг.¹². Дело о передаче музея рассматривалось местными властями и Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором гр. М.С.Воронцовым. Общество намеревалось ежегодно выделять музею по 100 рублей для приращения коллекции. Местные власти назначили из татарского сбора такую же сумму на содержание сторожа и приобретение вещей. Была составлена смета в 204 рубля на ремонт здания музея; де-Вильнёву поручено подготовить опись музейным вещам и монетам, каковая и была составлена (впервые в истории музея) в 1850 г. и вызвала благожелательные отзывы Общества. Приращение коллекции шло довольно быстро. Уже через восемь лет понадобилась новая опись, в ней зарегистрировано более полутора сотен предметов из камня и глины, несколько десятков - из металла, а также 331 монета¹³. В новую опись были включены вещи, добытые де-Вильнёвым из вскрытых им в 1852 г. феодосийских курганов.

За 13 лет со времени передачи музея в ведение ООИД его коллекция заметно возросла за счет вновь приобретенных надписей (32), монет (около 600) и мелких вещей¹⁴. Общество следило за формированием фондов музея и их научной обработкой. Из Одессы в Феодосию шли древности и книги. По ходатайству ООИД в 1853 г. начальник Таврической губернии дал предписание феодосийской полиции наблюдать за сохранностью древних предметов в курганах и не позволять частным лицам проводить их раскопки, а через пять лет губернские власти отдали распоряжение о передаче в музей всех памятников, на-

ходимых при строительных работах в городе и округе¹⁵.

В связи с последним Общество просило Таврического гражданского губернатора предписать феодосийским жителям, строившим дома и проводившим земляные работы, не закладывать в новые постройки камни с надписями, обломки статуй, древние архитектурные украшения, но передавать их в местный музей. Большую переписку между Обществом Российских Железных Дорог и де-Вильнёвым в 1858 г. вызвала постройка Московско-Феодосийской железной дороги. В результате было вменено в обязанность инженерам срисовывать обнаруженные при работах в Феодосии и ее округе фундаменты древних зданий, а вещи и монеты сдавать в музей. В тяжелые годы Крымской войны ООИД проявляло беспокойство о сохранности коллекции и музея. Заведующему музеем было предложено понадежнее спрятать древние вещи и сообщить, какие он сделал распоряжения по сохранению музея¹⁶.

Большое внимание уделялось и начавшимся в Феодосии археологическим раскопкам. Речь идет о курганах, расположенных позади так называемой Карантинной Горки, южнее генуэзской цитадели. В 1852 г. "для раскопок... и исследования местности вокруг Феодосии был командирован состоящий при Кабинете Его Величества Камер-Юнкер Кн. Сибирский", - сообщалось во Всеподданнейшем Отчете об археологических изысканиях¹⁷. Было раскопано семь курганов.

Тот же Отчет сообщает о раскопках курганов под руководством художника Ивана Константиновича Айвазовского. Он получил разрешение и средства (1,5 тыс. рублей серебром) на раскопки от Министерства Уделов весной 1853 г. и уже в июле в письме к министру уделов гр. Л.А.Перовскому высказывал восхищение результатами этих работ: "Какой новый и неопытный археолог, не смею дать своего мнения, но что касается до головки золотой, то, как артист, я в восхищении от Феодосии. Эта находка дает надежду, что не написаны будут наши труды..."¹⁸. Первые раскопки в Феодосии принесли блестящие результаты: могилы курганного некрополя V-III вв. до Р.Х. содержали первоклассные вещи из золота, высокохудожест-

венные терракоты, монеты. Осенью того же года художник отправил министру уделов все золотые вещи (19 по списку, приложенному к письму гр. Перовскому) и глиняные статуэтки. Все это поступило в Эрмитаж, украсив его коллекцию. Вещи были опубликованы в капитальном издании "Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа" (СПб., 1854).

По запросам ООИД де-Вильнёв регулярно отсылал в Общество рапорты с описанием раскопок кн. Сибирского и И.К.Айвазовского, сам принял участие в раскопках и вскрыл несколько курганов.

В 1856 г. к исследованию курганов приступил А.Е.Люценко. Он продолжил работы в трех, раскопки которых уже были начаты, и вскрыл около двух десятков новых, частично разграбленных. Часть вещей поступила в Феодосийский музей. Предполагались совместные работы ООИД и Императорской Археологической комиссии, но, кажется, до них дело так и не дошло; во всяком случае, архивы об этом молчат.

Конечно, первые исследования не были лишены и недостатков: дорогие и красивые вещи затмевали собой рядовой материал, столь необходимый и бесследно потерянный для науки, находки не фиксировались и не издавались, не считал нескольких очень скудных заметок в специальных изданиях. И все-таки работы 50-х гг. не прошли бесследно, они принесли вещественные доказательства того, что на месте Феодосии некогда располагалась та самая Феодосия, которая была известна из сочинений древних писателей и которую до этого времени искали в различных местах, а также способствовали пробуждению интереса к археологии и историческому прошлому города.

Жизнь музея протекала не гладко. С 1863 г. прекратились отчисления в его пользу из татарского сбора. Государственный Совет принял решение перевести Феодосийский музей в Керченский или Одесский. Началась долгая переписка Общества с таврическими властями¹⁹. Городской голова купец С.А.Крым предложил предоставить музей в ведение головы и обязался взять на себя расходы по содержанию сторожа. Общество командировало в Феодосию своего секретаря Н.Н.Мурзакевича для ознакомления с

положением дел. На основании его подробного отчета Общество удостоверилось в необходимости оставить музей на месте. Н.Н. Мурзакевич выразил убеждение в том, что государство нуждается в местных музеях - "тем скорее и легче равоятся в народе научные сведения и изящный вкус". Хлопоты увенчались успехом: местные власти приняли решение о сохранении музея. Эти события относятся к 1864 г. В том же году Общество в лице своего неутомимого секретаря обратилось к Новороссийскому и Бессарабскому генерал-губернатору с предложением открыть музей для посетителей и сделать в нем необходимые улучшения. ООИД обещало помочь музею новыми экспонатами и книгами. В 1865 году музей получил от Общества в дар 223 монеты и три десятка книг.

И все-таки музей продолжал испытывать трудности. Работы по его улучшению шли крайне медленно. Н.Н.Мурзакевич после очередной поездки в Крым в 1865 г. писал в Общество о необходимости просить местные власти разрешить открыть подписку среди жителей Феодосии в пользу музея. После де-Вильнёва часто сменялись заведующие: с 1864 г. - учитель истории в местном уездном училище Д.И.Писаревский; уже с 1866 г. - Н.А.Чекалёв; с 1868 г. - корреспондент ООИД И.С.Бескровный; с июля 1869 г. - С.И.Веребровский²⁰.

Через три года после последней поездки Н.Н.Мурзакевич вновь в Феодосии. Он продолжает работу по улучшению музея, нумерует и размещает в порядке экспонаты, составляет краткий систематический указатель коллекции, классифицирует по отделам: 1) Эллинский, 2) Византийский, 3) Генуэзский, 4) Армянский, 5) Восточный, 6) Еврейский²¹. Эта система сохранилась и в последующих указателях музея.

На годы заведования Веребровского пришлось серьезные изменения в жизни музея. В 1869-1870 гг. таврическими властями решался вопрос о переводе его в другое помещение - старую мечеть на Карантине. Прежнее же здание предполагалось передать евангелическому приходу. В письме в Общество Мурзакевич протестует против распоряжения Таврического губернатора, он убежден, что музей должен находиться в центре города, неда-

леко от пристани, быть доступным для посетителей, мечеть на Карантинной Горке, по его мнению, слишком мала для размещения коллекции, а подход к ней очень неудобен²². "Разрушать и портить легко, но создавать и устраивать очень и очень трудно!" – завершает он гневно. Общество вновь отстаивает интересы вверенного ему музея, и в ответ получает уверение в том, что здание мечети на Карантине – прочное и подходящее для музея. Трудно сказать, чем бы все это закончилось, если бы не счастливый случай. И связан он вновь с именем И.К. Айвазовского.

На деньги, собранные от выставки картин, художник решил построить памятник-часовню героя покорения Кавказа генералу П.С. Котляровскому, жившему на покое и умершему в Феодосии²³, часть же здания предоставить местному музею. Подробности этого дела раскрываются в переписке Айвазовского с ООИД и таврическими властями и других документах 1870–1871 гг.²⁴. Архитектор академик Резанов спланировал здание таким образом, что окна располагались сверху, и это давало простор для размещения экспонатов. Здание гармонично вписывалось в окрестный пейзаж. Оно погибло во время Великой Отечественной войны. Ее облик сохранили только работы уроженца Феодосии художника К.Ф. Богаевского и старые фотографии. Здание одиноко стоит на склоне горы Митридат, у подножия которой расположен город с многочисленными архитектурными памятниками прошлого, узкими улочками, светлыми, крытыми черепицей низкими домиками.

Музейная коллекция была благополучно перевезена из старой мечети и размещена в новом помещении в систематическом порядке (кстати, все здание оказалось музейным, часовня так и не была в нем освещена). В июле 1871 г. состоялось открытие музея в новом помещении, оно ознаменовалось многочисленными подарками – 93 предмета от Керченского музея, 27 серебряных и 348 медных монет от Одесского Общества, пять картин от Айвазовского²⁵. Городская дума постановила выделить музею на устройство в новом помещении 50 рублей и отпускать на содержание сторожа ежегодно по 100 рублей. Веребрисов в

отчете Обществу представил данные по коллекции на 1871 г.: надписей и других предметов - 224, монет - 1614. Музей был открыт для посетителей ежедневно.

В указателе Феодосийского Музея Древностей: за 1874 г. перечислено 180 памятников (среди них эллинских - 104, греко-византийских - 5, генуэзских - 24) и 1689 монет; в указателе за 1912 г. - 413 памятников (эллинских - 258, греко-византийских - 15, генуэзских - 47) и 1990 монет. Собственно же фонды были богаче: в отчете Веребросова о состоянии музея за 1875 г., не считая монет, числилось 240 предметов, Ретовского за 1893 г. - 509, Колли за 1900 г. - 553²⁶. Пополнение коллекции теперь осуществлялось не только за счет дарений и покупок, но, в первую очередь, благодаря находкам, сделанным в ходе раскопок в Феодосии и ее округе.

Множество памятников принесли работы инженера и известного археолога Александра Львовича Бертье-Делагарда. Ему было поручено наблюдение за строительством морского порта в Феодосии в 1892-1894 гг. Во время земляных работ часть холма Карантинной Горки, где, видимо, располагался акрополь древнего города, была снесена, обнажились археологические слои городища и городского Некрополя. Бертье-Делагард тщательно следил за находками древних предметов и собрал немало фрагментов глиняных сосудов и черепиц, терракотовых статуэток, вещей из кости, металла, стекла. Наиболее ранние из черепков относились ко второй половине VI в. до н.э. (часть находок была отправлена в музей ООИД и попала в разряд "лучших вещей" его коллекции, около сотни - попало в Феодосийский музей)²⁷. Тогда же при подводных работах в Феодосийской бухте, у Карантинной Горки, строители обнаружили в море остатки древнего мола с не менее чем тысячью глубоко вбитых основных свай. Колли заметил, что этот мол ясно виден под водой, а при некотором волнении в бухте, особенно при восточном ветре, он поднимает над собой хорошо заметный гребень волны. Бертье-Делагард в письме к члену Общества Э.Р. фон Штерну точно не определил время обнаруженного сооружения. С полной уверенностью мол относится к античному времени Л.П.Колли, когда в 1905 г. он с помощью

водолазов извлек со дна в том же месте полтора десятка античных амфор²⁸. Находки со дна моря поступили в фонды музея. Феодосийские вещи публиковались, а раскопки 90-х гг. дали Э.Р. фон Штерну материал для написания капитального труда "Феодосия и ее керамика" (Одесса, 1906).

Общество в лице его председателя и секретаря проявляло постоянную заботу о Музее и памятниках старины в Феодосии и ее округе. Рассылались бесконечные письменные просьбы помочь Музею в том или в другом деле в адрес разнообразных обществ и учреждений. Само Общество столь необходимые для Музея и раскопок денежные пособия не могло увеличить: оно не имело достаточных средств. Однако стараниями ООИД с 1869 г. начали регулярно выходить "Указатели Феодосийского музея древностей" (первое издание - 1869 г., второе - 1874 г., третье - 1880 г., четвертое - 1891 г., пятое - 1903 г., шестое - 1912 г.), составленные Бескровным, Веребровским, Ретовским, Колли. Музей стал не просто хранилищем древностей, но и исследовательским центром, во главе которого стояли известные ученые, и был открыт для посетителей.

Вслед за Веребровским музей возглавляли уже хорошо известные своими учеными изысканиями учителя местной гимназии О.Ф. Ретовский и Л.П. Колли. В Феодосийской гимназии вообще было много любителей древностей и краеведов. Художник К.Ф. Богаевский рассказывал о жизни гимназии в 80 - начале 90-х гг.: "Учителя французского и немецкого языков были любителями и собирателями древностей. Мы, школьники, приносили им старинные монеты, которые находили в античной почве этого города"²⁹. К числу таких учителей принадлежали Ретовский и Колли, чьи работы, особенно в области средневековой истории Феодосии, регулярно печатались в Записках ООИД, Известиях ТУАК и до сих пор не потеряли своего значения.

Действительным членом ООИД был ее директор В.К. Виноградов. Известный педагог и общественный деятель, преподаватель русской словесности, он посвятил истории Феодосии научно-популярную книгу "Феодосия (Исторический очерк)", выдержавшую три издания (Феодосия, 1884, 1915; Екатеринодар, 1902).

Людвиг Петрович Колли (1849–1917) сыграл особую роль в истории музея. Родом из Швейцарии, он молодым приехал в Россию и прожил в ней всю жизнь, около сорока лет – в Феодосии. Преподаватель французского языка в мужской и женской гимназиях, он любил и изучал историю, увлекался крымскими древностями, читал учащимся лекции по истории Феодосии. Был принят в действительные члены ООИД и ТУАК. Людвиг Петрович был прекрасным знатоком русской литературы и ценителем искусства, дружил с Айвазовским. В 1900 г. Колли заменил Ретовского на посту заведующего музеем, которому посвятил оставшиеся годы своей жизни. Он заботился о пополнении музейной коллекции; стесненный в денежных средствах, обращал гонорары за свои статьи на приобретение предметов старины для музея. Он видел в музее заведение "строго научное и специальное...", хотя и просветительное"³⁰.

Археолог Колли ратовал за издание закона против хищнических раскопок в России вообще, и в Крыму – в частности, резко осуждал уничтожение памятников старины³¹. При его деятельном участии в Феодосии и соседних с ней местах реставрировались мечети, древние стены и башни. Научная деятельность Л.П. Колли была известна за границей: в 1906 г. он был участником Миланской выставки, послав на нее многочисленные фотографии и рисунки древних феодосийских надписей, генуэзских укреплений, план Кафы. Он переписывался с известными итальянскими учеными. Был избран почетным членом Литурийского Общества Истории (1914 г.) и награжден командорским крестом ордена Итальянской Короны. Его любили сослуживцы и ученики, коллеги по науке. "И долго будет жить среди феодосийцев образ этого старого учителя и достойного гражданина", – такими словами завершил статью, посвященную памяти Колли, его коллега и друг А.У. Маркевич³².

В начале октября 1914 г. Л.П.Колли перевел коллекцию музея в Симферополь – угрожал внезапный удар турок; шла I Мировая война. Вскоре Феодосия действительно подвергалась бомбардировке с турецкого крейсера "Хамидие" (Германский крейсер "Geben" под турецким флагом. – Ред.).

Судьба музея волновала в те дни всех феодосийцев. Е.П. Трифилев уверяет, что "жители Феодосии знают свой музей, интересуются им., очень озабочены и встревожены были судьбой его после турецкой бомбардировки"³³.

Музей возвратился в Феодосию в июле 1918 г., уже после смерти Л.П. Колли, последовавшей в декабре 1917 г.

Конечно, не все в организации музея до 1917 г. было благополучно. Значительное количество найденных в Феодосии вещей, в том числе лучшие, отправлялись в другие музеи. Безвозвратно терялась масса рядовых находок. Большинство античных памятников оставалось не определено хронологически, а в указателях они все помещались под рубрикой "Эллинские памятники". То же можно сказать и о вещах последующих эпох. Не хватало и тех совсем небольших средств, которые музей получал на благоустройство и приращение коллекции, реставрацию или хотя бы поддержание в порядке памятников средневековой архитектуры. Слишком многое держалось на энтузиазме и преданности людей, связанных с музеем.

После Октябрьской революции в жизни музея наступила эпоха перемен. Сейчас он называется Краеведческим, поменял дважды место жительства, ныне находится в т.н. доме Лагорио, в самом центре города, на набережной. Античная коллекция, собранная до 1917 года, не сохранилась в полном виде, много вещей погибло в годы войны, часть отправлена в Германию и там осела. Большим ударом для музея стало принятое в 60-х годах правительственное решение об отправке всех лучших вещей музея в Киевский Музей исторических драгоценностей.

В настоящее время вещи, найденные в Феодосии и ее округе, или попавшие некогда в Феодосийский Музей Древностей, разбросаны по разным музеям России, Украины, Крыма; есть они и за границей. Помимо собственно Феодосийского Краеведческого музея они хранятся в Одесском Археологическом музее (более 40 вещей, главным образом, терракоты и фрагменты керамики, включая краснофигурные и чернофигурные, в основном подаренные Музею ООИД А.Л.Бертье-Делагардом после 1896 г.), в Эрмитаже (терракоты, геммы, монеты, золотые ювелирные украшения, в основном, пода-

ренные И.К.Айвазовским в 1853 г.), в Историческом музее в Москве (терракоты, монеты), в Киевском Музее исторических драгоценностей (золотые и серебряные вещи из Феодосийского музея, 20-40 штук, перевезенные в Киев в 60-х гг.).

Современная коллекция Феодосийского Краеведческого музея включает около 9 тысяч археологических памятников античности и средневековья, большая часть их происходит из Феодосии: с Карантинной Горки (1949-1951 гг., И.Б.Зеест; 1975-1977 гг., Б.Г.Петерс), некрополя на Тепе-Оба (1973 г., А.И.Айбабин; 1981 г., Е.А.Катошин), из раскопок феодосийской округи (50-е - нач. 80-х гг., И.Т.Кругликова, В.Н.Корпусова, Е.А.Катошин), из случайных находок в городе. В коллекции немало нефеодосийских вещей, в том числе из Керчи (раскопки 1891 г.) и Фанаго-

П р и м е ч а н и я

1. Вып. 3. М., 1961, с. 206-209.
2. Мурзакевич Н.Н. Автобиография. СПб., 1889, с. 182.
3. КОГА, ф. 27, оп. 13, д. 73, лл. 1-51.
4. В.Д.Гейман. Из феодосийской старины. - ИТУАК 53 (1916), с. 102-104.
5. Воспоминания Бреневского. - РС, 1908, № 6, с. 559.
6. И.М.Муравьев-Апостол. Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823, с. 251-252.
7. Указатель ФМД. Феодосия, ²1874, с. 3; Кошки Л.П. Указатель ФМД. Феодосия, ⁶1912, с. 3.
8. П.Кеппен. Древности северного берега Понта. М., 1828, с. 5; Мурзакевич Н.Н. Поездка в Крым в 1837 г. - ЖМНП, 1837, с. 13, № 3, с. 672. А.Н.Демидов. Путешествие в Южную Россию и Крым... в 1837 г. М., 1853, с. 458, 462-464.
9. ООГА, ф. 93, оп. 1, д. 40, лл. 9-9об.
10. Архив ФКМ, К.П. 24312, Н.А. № 19, лл. 35-36.
11. ООГА, ф. 93, оп. 1, д. 40, лл. 9-26об.; КОГА, ф. 26, оп. 1, д. 17513, лл. 1-3.
12. ООГА, ф. 93, оп. 1, д. 40.
13. ООГА, ф. 93, оп. 1, д. 40, лл. 43-57.

14. Там же, лл. 72-72об., 88-91об.; Летопись Общества с 14 ноября 1862 по 14 ноября 1866 г. - 300ИД, У1 (1867), с.481.

15. ООГА, ф. 93, оп. I, д. 40, лл. 58-58об., 96-99, 103-105; д. 46, лл. 23-24, 37-42об.; д. 52, л. 32.

16. ООГА, ф. 93, оп. I, д. 52, лл. 33-35.

17. Извлечение из Всеподданнейшего Отчета об археологических изысканиях в 1853 г. СПб., 1855, с. 121.

18. Айвазовский. Документы и материалы. Ереван, 1967, с. 114, № 85.

19. ООГА, ф. 93, оп. I, д. 40, лл. 60-81.

20. Там же, лл. 82-84, III-III; 123-125.

21. Там же, л. 120-120об.

22. Там же, л. 128-128об.; см. также лл. 130-138об.

23. Тебя я воспою, герой,
О Котляровский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой -
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война:
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...

А.С.Пушкин, "Кавказский пленник", Эпиграмм (Ред.)

24. Там же, л. 139-155об.; д. 94, лл. I-I7; КОГА, ф. 26, оп. I, д. 25331, л. I; Айвазовский..., с. 165, № 128.

25. ООГА, ф. 93, оп. I, д. 40, лл. 157-157об., 151, 153-153об., 155, 160-160а, 164.

26. Там же, д. 86, л. 4-4об.; Отчет Имп. ООИД за 1893 г. Одесса, 1894, с. 56-58; Отчет ООИД за 1900 г. Одесса, 1901, с. 38-41.

27. А.Деревницкий, А.Павловский. Э. фон-Штерн. Музей Императорского Одесского Общества Истории и Древностей. Вып. I Одесса, 1897, с. 5-6; А.Л.Бертье-Далагард. Находки древностей близ Феодосии. - АИЗ² (1894), с. 165; В.Н.Юргевич. Надписи на ручках и обломках амфор и черепиц, найденных в Феодосии в

1894 г. - 300ИД 18 (1895), с. 87-88; Э.Р. фон-Штерн. Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906, с. 2; Отчет Имп. 00ИД за 1895 г. Одесса, 1896, с. 50.

28. Л.П.Коляи. Следы древних культур на дне морском. - ИТУАК, 1909, № 43, с. 126-130.

29. Цит. по: Р.Д.Ващенко. К.Ф.Богачевский. М., 1984, с. 14-15.

30. Архив ФНМ, осн. ф. "Н.А.", № 18, л. 92.

31. Л.П.Коляи. О судьбе некоторых исторических зданий в Старом Крыму и Феодосии. - ИТУАК, 1903, № 35, с. 10-17.

32. А.И.Маркович. Памяти Л.П.Коляи. - ИТУАК, 1918, № 55, с. 208-214; В.Д.Рейман. Памяти учителя. - ИТУАК, 1918, № 55, с. 215-217.

33. Е.П.Трофилев. О Феодосийском Музее Древностей. Одесса, 1916, с. 5-6.

© 1994г.

Т.И.Костромичева, А.В.Шевченко

КОЛЛЕКЦИЯ АНТИЧНОЙ КРАСНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА

К истории комплектования

За время более чем 150 лет раскопок в Херсонесе собрано множество образцов краснофигурной керамики второй половины V—IV вв. до Р.Х. Коллекция формировалась непосредственно в результате раскопок на городище и некрополе — и в этом ее особая ценность: материал в большинстве случаев имел четко определенное место находки, что позволяло сравнительно легко его датировать. Частных коллекций, жертвований, дарений не поступало, за исключением единственного случая в августе 1925 года, когда в Херсонесский музей поступило около 100 предметов (среди них и краснофигурная керамика) из частной коллекции Арона Яковлевича Гидалевича, хранившихся до этого в фондах бывшего Севохриса (Севастопольское отделение охраны памятников истории и древностей)¹.

Первые систематические раскопки в Херсонесе связаны с деятельностью Одесского Общества Истории и Древностей (1876—1888 гг.). С 1888 г. и до I Мировой войны их осуществляла Императорская Археологическая Комиссия. С 1888 по 1907 год раскопками руководил К.К.Косишкo-Валожинич. С его именем связаны "самые интересные работы в Херсонесе"². Инженер по образованию, "начитанный в области крымской археологии, влюбленный в Херсонес и преданный этой любви до конца своих дней, он более других подходил к занятию места производителя раскопок Херсонеса"³. К.К.Косишкo-Валожинич отдал Херсонесу последние 19 лет своей жизни (1888—1907 гг.). При нем раскопки проводились на всей территории древнего города. Помимо городища, за этот срок был исследован обширный некрополь, расположенный вдоль оборонительных стен Херсонеса.

Раскопки дали большую коллекцию краснофигурной керамики, отличающуюся, правда, большой фрагментарностью. Из целых сосудов известен краснофигурный кратер из раскопок южного некрополя в 1903 году⁴.

Если фрагментарность материала в археологии явление обычное и понятное, то совершенно необъяснимой оказалась система учета (научной фиксации), которая была применена К.К.Косцюшко-Валюжиничем. В августе 1904 г. в адрес Археологической Комиссии было отправлено письмо профессора Н.И.Веселовского, посетившего Херсонес. В письме дана была крайне резкая оценка работы К.К.Косцюшко "по организации Херсонесского музея"⁵. Н.И.Веселовский писал: "предметы не зарегистрированы, не имеют нумерации, вообще лишены ярлыков, по которым можно было бы узнать происхождение той или другой вещи и подробности, сопровождавшие находки"⁶. Дело о учете и хранении материала оказалось настолько серьезным, что исправлять положение, по мнению Н.И.Веселовского, надо было немедленно, не останавливаясь даже перед расходами. Если будет допущено промедление с паспортизацией херсонесского материала, Императорская Археологическая Комиссия, по выражению профессора, может оказаться "ответственной за это упущение и перед государством, и перед всем ученым миром"⁷. К чести К.К.Косцюшко-Валюжинича, он выразил полную готовность исправить "существующий недостаток"⁸. Им были заведены книги учета предметов древности, где, наряду с описанием находки указывались необходимые паспортные данные, но преждевременная смерть в декабре 1907 года остановила начатую работу. Тревога профессора Н.И.Веселовского, к сожалению, оказалась пророческой..."⁹. В ближайшие после смерти К.К.Косцюшко-Валюжинича годы уже было невозможно определить место находки большей части материала¹⁰. И, как писал в 1927 году профессор К.Э.Гриневич, тогдашний директор и исследователь Херсонеса, "ценность этих предметов для археологии сильно умалена. Сейчас мы почти бессильны помочь этой беде"¹¹. И сегодня мы можем только с печалью согласиться с этим мнением.

С 1908 по 1914 год раскопками в Херсонесе руководил Роман Христианович Лепер, секретарь Русского Археологического Института в Константинополе. Раскопки, по традиции, унаследованной от К.К.Косцюшко-Валюжинича, по-прежнему производились одновременно в разных местах, но основное внимание Р.Х.Лепер уделил северо-восточной части городища, месту, откуда начинался Хер-

сонес. Ввиду большой своей занятости (одновременно он был преподавателем в Севастопольской гимназии), Р.Х.Лепер был не в состоянии ежедневно присутствовать на раскопках, что пагубно сказывалось на состоянии дел. В результате, несмотря на ежегодные ассигнования по 10000 руб. (помимо средств на содержание служащих при музее), 7 лет раскопок не дали отчетов. Р.Х.Лепер оставил, правда, черновые дневники, датированные по годам раскопок фотографии, планы и описи находок. Последнее оказалось наиболее ценным; благодаря этим описям весь археологический материал легко мог быть введен в научный оборот¹². В 1927 году черновые дневники и описи были изданы в 3-ем выпуске "Херсонесского сборника" и стали доступны для изучения.

I Мировая война прервала систематические раскопки в Херсонесе, а в 1916 г. Р.Х.Лепер был уволен от должности заведующего раскопками.

Война, революция и последующее лихолетье надолго прекратили масштабное исследование Херсонеса, хотя небольшие раскопки время от времени производились.

В 1925 г. Херсонесский музей, формирование которого началось еще до революции, получил для размещения своих коллекций здания монастыря. К этому времени музей располагал обширными археологическими коллекциями, архивом и научной библиотекой. Директором Херсонесского музея был назначен в 1924 году приват-доцент Петроградского Университета Константин Эдуардович Гриневич. Именно под его руководством началось создание первой научной музейной экспозиции. Одной из основных задач сразу стала инвентаризация всего обширного материала, накопленного за время раскопок. Это было выполнено в 1925 г. В том же году в Херсонесский музей поступили предметы из коллекции А.Я.Гидалевица, среди которых три целых краснофигурных сосуда из Керчи — две пелики (инв. 9048; 9049) и одна ойнохойя (инв. 9052).

К.Э.Гриневич проводил исследования как на территории самого городища, так и на Гераклеяском полуострове — в сельскохозяйственной округе Херсонеса. Сфера научных интересов К.Э.Гри-

невича достаточно обширна, но его основным научным трудом стала монография, посвященная оборонительным стенам Херсонеса Таврического, опубликованная в "Херсонесском сборнике", создание которого также является заслугой К.Э.Гриневича. Раскопки в районе древнейшей оборонительной стеныполнили коллекцию аттической краснофигурной керамики, в частности, фрагментами кратеров первой половины – середины IV в.

С 1930 г. вновь начались систематические раскопки на территории городища. Основное внимание, как и прежде, было уделено северному району Херсонеса. С 1931 по 1937 г. раскопки здесь производились Григорием Дмитриевичем Беловым, в то время сотрудником Херсонесского музея. Продолжалось исследование жилых кварталов IV–II вв. до Р.Х., и открыт некрополь классического времени. В результате исследования жилых кварталов в 1934–37 гг. коллекция краснофигурной керамики была пополнена, в частности, фрагментами кратеров конца IV в. В 1938 г. Г.Д.Белов переехал в Ленинград и, будучи сотрудником Античного отдела Эрмитажа, продолжал раскопки в Херсонесе. Работы были прерваны войной 1941–45 гг. и возобновились только в 1947 г. С этого времени вся последующая жизнь Г.Д.Белова была отдана изучению северного района Херсонеса. Археологический материал, добытый раскопками, поступил на хранение в Эрмитаж.

В 50-е годы возобновились раскопки и в других частях городища. Помимо северного района, было продолжено исследование северо-восточных кварталов, начатое еще К.К.Косцюшко-Валюжиничем и продолженное Р.Х.Лепером. Со второй половины 50-х годов с открытием в Херсонесе античного театра ведутся работы в центральной части городища (раскопки Олега Ивановича Домбровского). Эти районы античного Херсонеса стали на сегодня традиционными; работы здесь продолжают и поныне. За последнее время наибольшее количество краснофигурной керамики, как и прежде, обнаружено в северном и северо-восточном районах (раскопки Станислава Григорьевича Рыжова и МIRONА ИЛЬИЧА ЗОЛОТАРЕВА)¹³.

На сегодня раскопана примерно 1/3 территории Херсонеса и, без сомнения, дальнейшие исследования будут пополнять нашу

коллекцию, большая часть которой датируется IY в. до Р.Х. Сюда входят фрагменты пелик, кратеров¹⁴, киликов, скифо-киликов, асков, лекифов, лекан и рыбных блюд. Аттическая краснофигурная керамика широко и относительно равномерно распространена на всей территории древнего городища.

П р и м е ч а н и я:

1. А.А.Гидалевич, севастопольский купец, коллекционер, страстный любитель истории и древностей, член Таврической Ученой Архивной Комиссии с 1912 года, как и его брат Абрам Яковлевич – врач из Симферополя, – принимал активное участие в раскопках, оплачивая часть расходов на них. В 1918 году А.А. Гидалевич был убит большевиками на улице г.Севастополя (ИТУАК, 57 (1920); Приложение, с. 4) (о его брате Абраме см. статью И.И.Вдовиченко в этой же книге, с. – Ред.).

2. К.Э.Гриневич. 100 лет херсонесских раскопок 1827–1927. Севастополь. 1927, с. 23.

3. Там же, с. 24.

4. Г.Д.Белов. Краснофигурный кратер из Херсонеса. Тр. ОИИКАМ, т. I, 1945, с. 141–145.

5. К.Э.Гриневич. Ук. соч., с. 32.

6–8. Архив ХИАЗ, д. 41, л. 74.

9. К.Э.Гриневич. Ук. соч., с. 32.

10. Коллекция аттической краснофигурной керамики в большинстве своем происходит именно из его раскопок; но ничтожно малое количество фрагментов введено в научный оборот по данным отчетов К.К.Косишко–Валожиничем о раскопках.

11. К.Э.Гриневич. Ук. соч., с. 32.

12. Видимо, отчасти этим объясняется та терпимость, которую проявляла Археологическая комиссия в отношении Р.Х.Лепера, не получая отчетов о раскопках.

13. В настоящее время краснофигурная керамика из раскопок северного и северо-восточного районов готовится названными исследователями к отдельной публикации.

14. Фрагменты кратеров преобладают среди сосудов бежлого стиля IY в. до Р.Х.

А.А.Зедгенидзе. О времени основания Херсонеса Таврического. КСИА, 1979, № 159, с. 27.

© 1994 г.

Г. А. Солнцева

СОБРАНИЕ I ГИЛЬДИИ КУПЦА Д. Г. БУРЫЛИНА,
ОСНОВАТЕЛЯ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО МУЗЕЯ

Коллекция керамики керченского стиля в Ивановском областном художественном музее (ИОХМ), по предварительной оценке, насчитывает вместе с фрагментами около 30 предметов и является составной частью коллекции "Памятники искусства и культуры Древнего мира".

В коллекции древностей хранится около 500 подлинных памятников египетской, греческой и римской культуры, включая памятники, происходящие из греческих городов Северного Причерноморья¹.

Ивановская коллекция древних памятников была собрана в дореволюционные годы местным коллекционером-любителем Дмитрием Геннадьевичем Бурылиным (1852-1924 гг.) и являлась частью его огромного собрания "древностей и редкостей". Первая экспозиция древностей размещалась в здании Музея промышленности и искусства, специально построенном Бурылиным в 1915 году для своей коллекции. В советское время в музее, реорганизованном в Ивано-Вознесенский губернский краеведческий музей, древние памятники входили в состав археологического отдела, а в 1960 году большей частью были переданы во вновь образованный Художественный музей². После смерти Д. Г. Бурылина египетская и античная коллекции не пополнялись.

Исследований, специально посвященных истории комплектования Бурылиным археологической коллекции, нет. Начатая нами недавно работа в этом направлении пока не дала конкретных результатов. Просмотренный материал предполагает переписку с целью выяснения и уточнения со многими музеями, архивными и другими учреждениями в нашей стране, а возможно, и за рубежом.

Дмитрий Геннадьевич Бурылин родился 4 февраля (ст. ст.) 1852 года в селе Иванове, в доме деда, Диодора Андреевича Бурылина, купца третьей гильдии. Бурылины - коренные ивановцы. На основании архивных данных Д. Г. Бурылин восстановил родо-

словную семи поколений Бурылиных с XVII века. К седьмому поколению принадлежал сам.

Купеческий род Бурылиных сыграл значительную роль в развитии с.Иванова – и позднее – в жизни Иваново-Вознесенска. До пятого поколения представители этого рода были крепостными крестьянами. Диодор Андреевич, крепостной набойщик графа Шереметьева, приобрел светелку, в 1812 г. основал набивную фабрику, выстроил себе дом, а в 1831 г. выкупился из крепостной зависимости. 22 февраля 1860 г. Диодор Андреевич был убит по дороге на Ростовскую ярмарку в Ярославской губ. Фабрика перешла в собственность его сына, Геннадия Диодоровича Бурылина, который из-за затруднений фабричное производство сократил. Его здоровье ухудшается, и в 1879 г. он умирает молодым, оставив пятерых детей.

Фабрика переходит к его сыновьям – Николаю и Дмитрию, которые еще при жизни Геннадия Диодоровича по существу руководили работой фабрики и отцовское наследство делить не стали.

Николай Геннадьевич в 1875 г. женился на Н.Х.Куваевой, дочери ивановского фабриканта Х.И.Куваева, а после смерти родителей жены учредил Товарищество Куваевской ситце-набивной мануфактуры.

Дмитрий Геннадьевич Бурылин продолжил дело своего отца, но только спустя пять лет его производство окрепло, стало развиваться и расширяться. В 1876 г. Д.Г. вступил во вторую, а в 1899 году – в первую гильдию, в которой и состоял по 1917 год. В 1909 г. в Иваново-Вознесенске создается Товарищество мануфактур Д.Г.Бурылина с основным капиталом в 750000 рублей. В этом же году создается и Товарищество Шуйско-Егорьевской мануфактуры с основным капиталом 200000 рублей, учредителем, основателем и директором правления которого также был Д.Г.Бурылин.

Руководя громадным торгово-промышленным делом, Д.Г. принимал деятельнейшее участие в жизни Иваново-Вознесенска и в различных ученых обществах Москвы и Санкт-Петербурга. Его общественная деятельность была направлена на благоустройство родного города и благотворительность. Он заботился о просвещении ивановцев³. 27 июня 1918 г., в 66-летнем возрасте, Д.Г. составил

"Перечень городских и общественных учреждений, в которых принимал участие трудом и капиталом за время с 1872 по 1918 гг.", из более чем шестидесяти наименований. Здесь — реальное училище, школа колористов, низшее механическое училище, женская гимназия, торговая и рисовальная школы, больницы, приюты, богадельни, церкви, памятники. Все это частично или полностью было построено на пожертвования им средства⁴.

Но самой серьезной жизненной страстью Д.Г. было приобретение старинных и редких вещей. Начало собрания было положено его дедом, Диодором Андреевичем, который собирал преимущественно славяно-русские книги церковной печати XVII столетия⁵.

Д.Г.Бурылин, а впоследствии и его биографы-родственники склонны были считать датой начала его собрания 1864 год. По всей вероятности, речь может идти о небольшой коллекции монет и переданных 12-летнему собирателю книг деда, Диодора Андреевича. Биография Д.Г.Бурылина, составленная в 1913 г., указывает на 40 лет собирания коллекций (1873-1913)⁶.

Начало коллекционерской деятельности Д.Г.Бурылина пришлось на время оживления собирательства в стране (особенно в Москве) в 1850-х — 1860-х гг. Это время появления и расширения собраний В.А.Кокорева, К.Т.Содатенкова, П.М.Третьякова. Вместе с тем, деятельность Бурылина отличалась по типу от московского собирательства⁷. Коллекция не была ограничена тематически, глубоко художественной коллекцией ее тоже назвать нельзя; можно предположить неосознанную попытку культурологического подхода в собирательстве. Широта интересов Д.Г.Бурылина чрезвычайна. Но среди многообразия собранных им вещей можно выделить отдельные ценные коллекции, заслуживающие самого пристального внимания.

Так, например, в 1883 г. на Всемирной нумизматической выставке в Чикаго бурылинская коллекция монет была удостоена золотой медали. Здесь были представлены кредитные знаки за много столетий. Русская, римская, греческая, византийская, шведская, сирийская коллекции. Это лишь небольшая часть собрания, насчитывавшего 100000 монет⁸ из 236 государств и городов.

Одно из самых замечательных собраний Бурылина — текстиль-

ный фонд, в нем около миллиона образцов тканей России, Западной Европы, Персии, Японии. Чрезвычайно большой интерес представляет коллекция старинных ивановских ручных набоек ХУП-ХУШ вв., рисунков для ситца на бумаге, выполненных местными художниками-рисовальщиками в XIX веке, манер и перротинных досок для ручной набивки тканей.

Одной из лучших коллекций в России была масонская коллекция Бурлына. В ней были собраны редчайшие масонские знаки всех стран, всех масонских лож, символические одежды, масонские рукописи и книги, оружие, ключи, все предметы для посвящения⁹. За показанную в 1912 г. в Петербурге на выставке масонскую коллекцию из Иванова американцы предлагали два миллиона рублей¹⁰.

К коллекции западноевропейской и русской живописи (около 500 полотен)¹¹ проявляла внимание Императорская Академия Художеств¹². Здесь были работы Верещагина, Нестерова, Головина, Шишкина, Врубеля, Айвазовского, А. Бенуа, Клевера.

Бурлыинскую коллекцию старопечатных книг и рукописей князь Н.С. Щербатов, директор Московского Исторического Музея, считал "великой драгоценностью для науки"¹³.

Коллекция русского фарфора и фаянса первой половины XIX в. представлена изделиями с 21 завода и фабрики России, в том числе с известных заводов Гарднера, Попова и фабрики Кузнецова. Иностранный фарфор первой половины XIX в. представлен изделиями заводов и фабрик Англии, Франции, Италии, Китая, Японии. В собрании Бурлына находилась русская, восточная, западноевропейская металлическая посуда ХУП-XIX вв.; коллекция изразцов ХУП-ХУШ вв.; часы, в том числе единственные в мире универсальные часы.

Коллекция оружия содержала русское, западноевропейское, среднеазиатское, африканское оружие и воинское снаряжение XVI-XX вв.¹⁴.

О египетской и античной коллекциях упоминалось выше. Несмотря на малочисленность экспонатов, египетская часть коллекции памятников древнего мира является, на наш взгляд, наиболее представительной и полной. Это предметы быта и заупокойного

культа, туалетные принадлежности и статуэтки со времени Среднего Царства по время Македонского владычества.

Древнегреческая часть коллекции представлена расписными вазами, тарной керамики, терракотовыми статуэтками, масками и другими экспонатами, главным образом, утилитарного назначения.

В римском разделе археологической коллекции кроме глиняной и стеклянной посуды, многочисленных предметов быта есть уникальные экспонаты. Помпейская мозаика "Петушок" (I в. по Р.Х.), скульптурный портрет римлянки (III в. по Р.Х.), мраморная урна II-III вв. по Р.Х.

Многие вещи еще изучаются. Особенно сложным является сейчас вопрос о том, как создавалась Бурлыным археологическая коллекция. С целью сбора старинных и редких вещей Д.Г. выезжал в различные города России, в Германию, Англию, Турцию, Грецию, Италию. Он вел большую переписку с различными русскими и зарубежными коллекционерами и антикварами в поисках наиболее интересных вещей. Среди его адресатов владельца магазина античных и древних вещей в Петербурге Брайна Мильман, сева-стопольский комиссионер древностей и редкостей В.Людзер, Омар Шахшаев, владелец магазина азиатского оружия и серебряных изделий, который предлагал Бурлыну древние металлические предметы, Лев Тульман из Москвы, А.Офман из Киева, Ион Пекеров из Керчи, Неровский-Евдокимов из Пятигорска. Он получал письма от Владимира Пенбеки из Константинополя и Одессы¹⁵.

Пока невозможно сказать, какие вещи купил Бурлыкин у этих людей. Описания предметов в письмах или полностью отсутствуют, или таковы, что по ним нельзя сделать никаких предположений.

Еполне возможно, что многие экспонаты для своей коллекции Бурлыкин отобрал лично во время своих многочисленных поездок.

В 1913 г. Д.Г.Бурлыкин купил в Воронеже у известного дрессировщика и коллекционера А.Л.Дурова целый музей. В каталоге музея Дурова числятся египетские древности, амфоры из раскопок в Причерноморье, греческие вазы (кратеры, килик), античное стекло и скульптура, т.е. возможно, многое из того, что сейчас является частью коллекции Ивановского областного худо-

жественного музея.

Смыслом всей жизни Д.Г.Бурылина стала идея создания музея для показа собранных им коллекций. И в 1904 г. он открывает двери родного дома для желающих посетить его музей, который находился в нижнем этаже. А 25 августа 1912 г. состоялась закладка нового здания музея на земле братьев Бурылиных по проекту архитектора П.А.Трубникова.

В начале 1915 г. музей был открыт. Здание музея сразу же сделалось городской достопримечательностью. На четырех этажах (один – подвальный) размещались отделы: художественный; фарфоровых изделий, серебряной, бытовой, церковной утвари и pottery, греческой и египетской древности, народных промыслов. Нумизматическое и оружейное собрание осталось в старом "домашнем" музее, соединенном с новым подземной галлереей. Экспозиции музея постоянно обновлялись, выставка следовала за выставкой.

Еще до революции Бурылин все свои коллекции и здание музея завешал городу. До конца жизни Д.Г.Бурылин был предан своему музею. Он говорил: "Музей – это моя душа, а фабрика – источник средств для жизни и его пополнения". В 1917 году Бурылин не уехал за границу, "работал" в музее главным хранителем, водил экскурсии. В 20-е годы, уже больной, Дмитрий Геннадьевич, собирая новые экспонаты для музея, принимал участие в археологических экспедициях.

П р и м е ч а н и я:

1. Памятники искусства и культуры Древнего мира в собрании Ивановского областного художественного музея (Проспект). – Иваново, 1988, с. 3.

2. Там же.

3. Очерк истории рода Бурылиных дан по статье: А.Додонова. Потомственный почетный гражданин России. – Газ. "Рабочий край" от 15.02.1992.

4. Н.Кочанова. Наследие Дмитрия Бурылина. – "Ивановская газета" от 18.02.92.

5. А.Додонова. Потомственный почетный гражданин...

6. В.С.Коголовский. Коллекционерская и благотворительная деятельность Д.Г.Бурылина (Дипломная работа на историч. факультете Ивановского гос. университета). Иваново, 1990 (машинопись), с. 22.

7. Там же, с. 23.

8. Л.Быченкова. Дар напрасный? Неоконченная история ивановского мецената Бурылина и его коллекции. - "Москва", 1990, № 2, с. 160.

9. Краткая характеристика коллекций Д.Г. содержится в статье: Коллекции, собранные Бурылиным. - Газ. "Рабочий край" от 15.02.1992.

10. Л.Быченкова. Дар напрасный?... с. 160.

11. Коллекции, собранные Бурылиным...

12. Л.Быченкова. Дар напрасный?... с. 161.

13. Там же, с. 163.

14. Коллекции, собранные Бурылиным...

15. Государственный архив Ивановской области, ф. 205, оп. 1, арх. 110, 119, 120, 129, 146, 148.

© 1994г.

А.С.Стабровский

ИЗ ИСТОРИИ СОБРАНИЯ ДРЕВНОСТЕЙ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФОНДА МУЗЕЯ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Пермский Университет основан по указу Его Императорского Величества в октябре 1916 года. В первые же дни при Историко-Филологическом Факультете был создан Музей Древностей и Искусств. Такие музеи, как известно, были обязательной составной частью всех Императорских университетов. Сейчас их нет. Судьба нашего музея интересна и трагична, но к счастью, его миновала ликвидационная лихорадка пореволюционного отношения к культуре.

Основные поступления в музей относятся к первым годам существования университета. Они состояли из пожертвований любителей коллекционеров, что-то приобреталось самим университетом и часть фондов составляют реквизированные в ходе революции частные собрания.

Большую роль в собрании и систематизации коллекций сыграли хранители Музея Древностей профессор Б.Л.Богаевский, ученик Ф.Ф.Зелинского, исследователь греческой религии. и сменивший его А.В.Шмидт, позднее работавший в Эрмитаже.

В 1931 г. музей передается во вновь созданный Педагогический институт, а в 1955 г. возвращается обратно - это связано с реорганизацией Историко-Филологического Факультета.

До 1962 года музей находился при кафедре всеобщей истории и постепенно приходил в упадок. Плохо охраняемый музей развораживался. Часть вещей (это зафиксировано в инвентарной книге) была передана Художественной галерее, а часть изъята (в основном изделия из золота, платины и серебра и культовые вещи - кресты, иконы).

Но и то, что осталось, представляет значительную культурную ценность: недавно кто-то из иностранных профессоров назвал наш музей Британским музеем в миниатюре... В 1962 году я принял решение взять под присидию Музея истории университета все то, что осталось от Музея Древностей и Искусств - и с этого времени - это Художественный отдел Музея истории ПГУ.

Такова предистория. Теперь непосредственно о коллекциях античных вещей, — их в фондах четыре, они состоят из керамики, терракоты, стекла, бронзы и кости.

I. Первые поступления составляет небольшая коллекция, переданная в октябре 1916 года Пермскому Университету Императорской Археологической Комиссией. Она состоит в основном из фрагментов краснофигурной керамики. Документов нет, кроме инвентарной книги. Подробнее установить сейчас что-то нет возможности.

II. В инвентарной книге есть запись о коллекции В.В.Святловского, дата поступления — май 1919 года. На вещах из этой коллекции только номера и нет легенды приобретения; до недавнего времени не было известно, кто такой и сам владелец коллекции. Просматривая отчеты университета, я обнаружил докладную записку, в которой сказано: "... совет Эрмитажа в заседании от 25.12.1918 г. постановил предоставить безвозмездно ящики и упаковочный материал для упаковки собраний древностей, приобретенных Пермским университетом у торговца античными вещами Эльтермана... Зав. отделом древностей Эрмитажа О.Ф.Вальдгауэр оказал помощь в оценке коллекций А.Ф.Эльтермана и В.В.Святловского..."

Владимир Владимирович Святловский (1869–1927), статский советник, профессор, проживал по адресу: СПб., Большой проспект В.О., I. Историк и социолог. Изучал историю русской экономической мысли, аграрный и жилищный вопросы, историю профессиональных союзов. Служил на юридическом факультете Петербургского Университета, преподавал и в других учебных заведениях города, был членом Совета и член-корреспондентом Музея Антропологии и Этнографии Императорской Академии Наук. В 1891–92 гг. входил в группу М.И.Бруснева, в социал-демократическом движении участвовал с 1899 г. ("экономист", затем меньшевик), в последующие годы отошел от активной и партийной работы, но о социал-демократической направленности семинара В.В.Святловского вспоминали многие его ученики. В советское время, продолжая работу в университете, сотрудничал в руководящих органах научного общества марксистов, участвовал в комиссии по проведению общественного

научного минимума в вузах при Губполитпросвете. С 1921 г. работал в штате экономического научно-исследовательского института, в секции политической экономии и финансовой науки. Имеет исследования по истории экономических учений, а также по истории денег.

Ш. Следующая запись в книге поступлений говорит о коллекции А.Ф.Эльтермана.

В ноябре 1918 года во время командировки с целью приобретения научных пособий для Университета и Музея Древностей Алексей Викторович Шмидт, исполняющий обязанности хранителя Музея Древностей и Искусств, купил у Аарона Фроловича Эльтермана, часового мастера (СПб., Гороховая ул. 27) собрание греческих и египетских предметов из бронзы, кости, стекла. Среди них вазы, светильники, терракоты и другие древности в количестве 1800 штук – всего на 35000 руб. Университет выдал обязательство в уплате и выплата первую часть – 20000 рублей. А.Ф.Эльтерман немедленно предоставил свое собрание для упаковки, после чего оно было передано на хранение в Эрмитаж. Осенью 1919 года А.Ф.Эльтерман скончался от тифа, а в начале 1920 купленные вещи были отправлены в Пермь, благополучно дошли и зафиксированы в инвентарной книге. Вещи, купленные у Эльтермана, не имеют атрибуции и коллекционных номеров.

А.Ф.Эльтерман был не только часовым мастером, но и торговцем часами, серебром, монетами и археологическими древностями.

Есть основание полагать, что часть вещей, поступивших от А.Эльтермана, происходит из богатейшего собрания древностей бессарабского помещика Сурочану, пострадавшей от войны и лихорадки. Исследуя вещи из коллекции, обращаешь внимание на характерные этикеточки коллекционера-любителя, на которых дана такая легенда приобретения, какой, собственно, никак не мог делать Эльтерман. Вот некоторые из них:

"Из коллекции Casatani в Риме, которую купил у него антиквар Giuseppe Pacini 3 мая 1826 г. я купил у него – Пачини-во Флоренции".

"1896 г. августа 20-го купил в Кишиневе у Лившица за 3 р. 50 к. Найден в августе сего 1896 г. в гробнице Парутины".

"1891 г. августа 13-го купил в Керчи у Вайнштейна за 2 рубля. Всего разных древностей купил у него 80 штук за 34 рубля".

"1895 г. март 17-го купил в Египте в г. Сассата най-
дена в 1894 году там же в г. Сассата ".

"1892 г. марта 18-го купил в Одессе у Гахмана за 2 рубля".

Можно, конечно, продолжать и дальше, но и эти пометки дают представление о том, что перед нами коллекция любителя старины, а никак не часового мастера, занимающегося перепродажей древностей. Последнее, кстати, подтверждается и другим источником, каталогами А.А.Пальникова. Так что говорить о целостной коллекции не приходится говорить: это лишь разрозненные материалы, попавшие в темное военное время к перекупщику.

IV. После Октябрьского переворота произошла "национализация" частных коллекций. Большинство изъятых в Петербурге было передано в Эрмитаж и другие государственные музеи. Коллекция А.А.Пальникова, состоящая из двух разделов ("Древний Египет" и "Античность"), из Петербурга попадает в Москву, в Музей Изящных Искусств Императора Александра III, ныне имени А.С.Пушкина, а затем передается нам в Пермский университет, в Музей Древностей и Искусств.

Кто такой Пальников, известно не было. Произведя ряд исследований, я пришел к выводу, что Александр Александрович Пальников, полковник, служил в Окружном Артиллерийском Управлении заведующим Убежища Взрослых Калек имени Великой княгини Елизаветы Федоровны и проживал по адресу: СПб., Гатчинская ул. 25.

Его коллекция – это целостная коллекция любителя старины, тщательно и, можно сказать, чопорно представленная в рукописных каталогах, где даются тщательное описание и зарисовка предмета, перевод надписей и, главное, история приобретения. Привожу цитаты из введения и заключения, сделанных А.А.Пальниковым к каталогу его музейного собрания.

"Музей древностей Великой Греции и ее Черноморских колоний образовался благодаря приобретениям, заложенным начиная с 1895 года, и подарками с 1894 года.

1. От господина Е.Р.Запорожского из Керчи. Приобретения сделаны 26 марта 1895 г., в апреле того же года, 26 марта 1897 г., 26 и 27 апреля 1898 г., 23 мая 1899 г., 29 и 30 марта 1902 г., 10 марта 1903 г.

2. Получено в подарок от С.Э.Пальниковой предметы из Херсонеса, любезно предложенные заведующим раскопками Косцюшко-Валюжиничем в августе 1895 и в мае 1894 г.

3. Несколько черепков греческой посуды привезены из Херсонеса сыном Е.А.Пальниковым в 1902 г.

4. Коллекция госпожи Руссовой, приобретенная 20 мая 1907 г., доставшаяся ей по наследству от ее дяди профессора-филолога и была им собрана во время поездки по побережью Средиземного моря.

5. Предметы, приобретенные на аукционе после смерти госпожи Громовой в 1907 г.

6. Предметы, купленные на аукционе имущества хранителя египетского отделения СПб Императорского Эрмитажа Владимира Сменовича Голенищева 31 марта 1908 г.

7. Предметы, купленные на аукционе антиквария И.А.Богданова, а им в свою очередь купленные в одном из богатых польских поместий — поступили 26 ноября 1907 г.

8. Случайные и разновременные поступления... Так видно, что только три года из одиннадцати были бесплодными для коллекции. В общем же образование обширной коллекции в одиннадцать лет надо считать прямо выдающимся явлением, если принять во внимание крайне ограниченные средства, которые затрачивались на ее образование. Много положено труда на описание и зарисовывание предметов и каталогизацию. 7 апреля 1908 г. А.Пальников".

Приобретения 1908—1916 гг. сделаны у Ермолая Запорожского из Керчи, И.А.Богданова из Киева, торговцев антиквариатом, а также из коллекций В.С.Голенищева и, самые поздние, у Аарона Эльтермана, часового мастера, приторговывающего по случаю древностями.

Вчитываясь в записи Александра Александровича, невольно проникаешься симпатией к этому военному человеку, увлеченно-

му собирателю и знатоку древностей. Вот как он описывает начало своего увлечения:

"В 1893 году, на вербном торге у Гостиного двора в Петербурге, впервые появился торговец древностями из раскопок Юга России. Торговал он монетами и разной бронзовой мелочью, сильно покрытой окисью. Ничего интересного у него не было, и всего товару у него был один лоток. Все же я приобрел у него десятка два кружочков, по очистке которых, 5-6 оказались монетами греческих колоний, довольно сносно сохранившиеся, остальные же кружки были совершенно изъедены ржавчиной и не представляли научного интереса. Занимаясь определением монет, волсь-неволей, я стал знакомиться с древними греческими колониями Юга России и, заинтересовавшись ими, решил начать собирание коллекции греческих древностей".

В 1895 году полковник А.А.Пальников знакомится с профессорами А.С.Голенищевым и Б.А.Тураевым, которые как он пишет... "влюбленные в свою науку, влюбили и меня и понудили как к изучению самого предмета, так и к собранию музея древностей и специальной библиотеки". А в 1896 году Б.А.Тураев использует каталог А.А.Пальникова по египетским древностям в своем труде "Частные собрания египетских древностей в России".

А в феврале 1916 года, приступая к составлению исторического очерка собранной античной коллекции, Пальников пишет: "Слава Господу, давшему мне настойчивость и упорство в работе для завершения моего обширного труда - все предметы занумерованы, занесены в инвентарь, описаны и зарисованы как в инвентаре, так и на отдельных таблицах акварелью". В историческом очерке, прерванном правда на полуслове, дана история поступления всех предметов - как и от кого...

Нам неизвестна судьба полковника Александра Александровича Пальникова после Октябрьского переворота. Он пережил смерть сына. Расстрелян большевиками? Погиб в концлагере? Но вряд ли уехал за границу, он очень любил Россию... Однако реквизированный его музей древностей, пусть и поредевший, жив. Будем надеяться, что он еще послужит науке и Пермскому университету.

У. И в конце, почти детективный сюжет. В отчете универси-

тета за 1916/17 учебный год записано, что Н.В.Мешков (1851-1927 гг.) пожертвовал двадцать тысяч на приобретение уникальной античной коллекции врача Керченской таможни, генерала Терлецкого, всю жизнь занимавшегося коллекционированием, и что задаток в три тысячи выслан...

До недавнего времени, когда никто досконально не занимался изучением коллекций, считалось, что все античные вещи принадлежат именно этой, купленной Мешковым, коллекции. Но сохранилась папка с перепиской. Вот некоторые фрагменты:

"Телеграмма Н.В.Мешкову, декабрь 1916 г.

На юге продается превосходный музей настоящих древнеримских и греческих ваз, статуэток, драгоценного стекла, монет. Известный ученый профессор Ростовцев Петроградского университета дает отзыв наилучший. Редчайший случай для Пермского университета. Стоит 35 тысяч. Богаевский".

"Телеграмма срочная Н.В.Мешкову, 1 января 1917 г.

Получил из Керчи письмо Терлецкой, владелицы античных древностей. Рада уступить университету. Нужно двадцать тысяч. Срочно отвечайте. Конкурент Одесская Археологическая Комиссия. Богаевский".

"Телеграмма срочная Б.Л.Богаевскому, 2 января 1917 г.

Узнайте все подробности музея. По приезде сюда решим вопрос покупки окончательно. Принципиально кажется согласен. Мешков".

"Телеграмма Л.Б.Богаевскому, 4 января 1917 г.

Коллекция пока не продана. Подробности сообщу немедленно письмом. Терлецкая".

"Телеграмма Л.Б.Богаевскому, 1 мая 1917 г.

Прошу прислать 3 000 задатку. Можно переводом банк Азовский Петроградский международный. Терлецкая".

"Телеграмма М.Д.Терлецкой, 3 мая 1917 г.

Деньги высланы. Богаевский".

Из письма Б.Л.Богаевскому от 3 июня 1918 года М.Д.Терлецкой: "... 15 января 1917 года я получила от Вас письмо, которое вы просили считать официальным документом, о том, что Пермский университет покупает у меня коллекции древностей на сумму до 20 000 рублей... В мае этого же года я получила ввиду задатка за эти вещи три тысячи рублей и с того времени я

не имею никаких известий от Вас. Все это время я сохраняла эти вещи, что в это тревожное время доставляло мне много труда и беспокойства. Насколько раз я имела возможность выгодно продать, но всегда отказывала, желая отдать предпочтение Пермскому университету. Теперь я имею в самое непродолжительное время оставить Керчь и переселиться в Польшу, поэтому необходимо уже покончить с вопросом об этой коллекции. Ввиду этого прошу вас уведомить меня в самом скором времени о решении университета по этому поводу и указать лицо, которое бы могло принять от меня коллекцию и уплатить деньги...

Отсюда мы имеем сообщение с Киевом и этим путем я посылаю это письмо. Возможно, Вы найдете спокойный путь, чтобы можно было скоро прислать мне ответ".

На этом переписка заканчивается. Что произошло дальше — неизвестно... Но надо помнить обстановку того времени — шла гражданская война. Удивительно, что несмотря ни на что, почта работала и письмо, хотя и кружным путем, но дошло.

Но ответ, видимо, послан не был. Город Пермь заняли войска адмирала Колчака. При отступлении белых войск университет эвакуировали вглубь Сибири, в Томск.

Как нам стало известно, коллекции Терлецкого в Керчи нет. Где она? Возможно, М.Д. Терлецкая, уезжая в Польшу, рискнула взять ее с собой, все-таки она понимала ценность коллекции. Или продала? Но кому? В Крыму стояли белые войска — и коллекцию мог купить (или украсть) какой-нибудь просвещенный офицер и отправить в Англию или во Францию.

Предположений, вопросов масса — и хочу надеяться, что совместными с Керченским музеем усилиями мы найдем правильный ответ.

АНТИЧНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ КУБАНСКОГО ВОЙСКОВОГО МУЗЕЯ
(ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК им. Е. Д. ФЕЛИЦЫНА)

Екатеринодарский государственный историко-археологический музей-заповедник (как он именуется в настоящее время) был основан в 1879 г. при Кубанском Статистическом Комитете Евгением Дмитриевичем Фелицыным, секретарем Комитета, известным исследователем Кубани. В основу музея легли коллекции археологических, этнографических и природных материалов, собранных самим, он же стал и первым заведующим Кубанским Войсковым Этнографическим и Естественно-Историческим музеем, в чине войскового старшины.

Еще в 1877-1879 гг. Е. Д. Фелицын разработал "Программу статистико-этнографического описания населенных мест Кубанской области". Программа была разослана станичным атаманам, учителям, священнослужителям для сбора сведений. Лучшие описания предполагалось публиковать в "Кубанских Областных Ведомостях" и сборниках. Эта программа и последующие документы, подготовленные Музеем и ставшие приказами атаманов, послужили основой для сбора исторических сведений и предметов старины, в том числе и относящихся к глубокой древности.

Дальнейшее становление музея и его коллекций пришлось на годы руководства музеем директоров Кирилла Трофимовича Живило и Ивана Ефимовича Гладкого. Благодаря их неустанной деятельности, вокруг Музея сложился определенный круг людей, оказывающих помощь сообщением сведений и дарениями; в Музее существовали именные витрины дарителей. Книга записи дарственных предметов сообщает о множестве поступивших таким путем в Музей уникальных экспонатов. С дарителями велась оживленная переписка. Примером этому может служить переписка известного знатока древностей Тамани подъесаула В. В. Соколова и директора Музея И. Е. Гладкого, где Соколов сообщает о разрушениях археологических памятников в районе Тамани, о неудовлетворительной деятельности властей по их сохранности, о его личных действиях,

направленных на сохранение и передачу в Музей античных предметов, найденных в некрополе Тамани и ее округе.

В эти годы на Тамани, несмотря на запреты и приказы, процветал промысел кладоискателей. Грабители, их называли "счастливчиками", десятками разрушали древние гробницы в курганах и грунтовых некрополях Тамани, а найденные вещи вывозили в Керчь на существующий там антикварный рынок.

Вот что пишет об этом в своих письмах Василий Васильевич Соколов: "Один таманский казак обратился ко мне с предложением купить у него большую каменную плиту с надписью и просит два рубля. Плита, действительно, большая, с рельефным изображением трех фигур и тремя строками надписи, но, к сожалению, надпись настолько сбита, что памятник эпиграфического интереса не имеет, а может только служить как образчик древнегреческих надгробий. Если хотите — приобрету. Раскопки гробокопателей уже начались и идут полным ходом, но мне хороших вещей не приносят, очевидно, все лучшее идет в Керчь и покупается евреями, если не успевает приехавший Владислав Вячеславович (Шкорпил — Е.Х.). Жду, когда замерзнет море и прекратится сообщение с Керчью, тогда и нам что-нибудь перепадет..." (письмо от 2 декабря 1913 г.).

Или в одном из следующих писем: "Получили Вы протокол? По-моему, наши станичные власти удивительно неподвижны и не могут не только сами разузнать что-либо и задержать, но даже не могут удержать и того, что сам им в руки вложить. Если Вы еще не получили, то скоро, вероятно, получите и второй протокол, составленный также по моей просьбе и давший не весьма завидные результаты только благодаря слабости и вялости наших властей. Когда был раскопан известный уже Вам курган, то, естественно, я начал следить за своими гробокопателями, тем более, что прошли слухи о находке золотой монеты и хорошей посуды. Золотые монеты находятся почти исключительно в курганах, и я удвоил свою энергию. Мои наблюдения увенчались успехом, и я заметил, как двое гробокопателей с мешком прошли на пароход для поездки в Керчь. Я сейчас же сообщил помощнику станичного атамана о своем подозрении и просил его лично рас-

порядиться задержанием и обыском, а сам ушел домой. Но что-то мне подсказало, что если я сам не буду на пароходе, то из этого ничего не выйдет. И, действительно, когда я возвратился на пароход, то помощника атамана там не было, а гробокопатели спрятались в трюм. При помощи полицейского, я извлек их оттуда и отправил в станичное правление. Сначала они отказывались, а затем, видя, что обыск неизбежен, Буринский (один из задержанных) достал из кармана сверток, а в нем 20 штук серебряных монет. Оба признались, что дома у них есть ваза с рисунками и бокал, а при себе они больше ничего не имеют. Но, зная, что только с серебряными монетами, вдвоем, счастливы в Керчь не поедут, я просил обыскать их. Тогда Буринский вырвался из рук полицейского и убежал из станичного правления. Странно, что полицейский не принял никаких мер к задержанию, да и вообще никто в станичном правлении не попытался остановить беглеца — очевидно, золотая монета была при нем. Обидно, очень обидно. Потом уже станичные власти делали у Буринского обыск, но не нашли ни его, ни указанных им вещей, а конфисковали какие-то черепки. Что будут делать с Буринским и найдут ли на него управу, не знаю..." (письмо от 3 февраля 1915 г.).

В другом письме (20 января 1915 г.): "... Прилагаю Вам рисунок леканы, которую выкопали на участке Пиценко, и которую можно купить за 6 рублей, я просил подождать с продажей, пока сношусь с Вами, может быть, Вы пожелаете приобрести для музея? Она была разбита, но в настоящее время склеена, так что повреждения еле заметны. (Эта лекана была куплена И.Е. Гладким и в настоящее время находится в музее) (Е.Х.). В Таманском юрте открыли гробницу в кургане и, очевидно, ограбили. Мы ездили с помощником на место раскопок и нашли виновных, хоть они и отказываются, но улики против них довольно веские и свидетели имеются".

Почти вся коллекция античной глосписной керамики Краснодарского музея была составлена в предреволюционные годы директорами музея, краоведами, любителями старины и просто жителями Кубани, подарившими музею как отдельные предметы, так и целые коллекции.

Особенно много вещей поступало с Тамани. Среди них можно назвать поступления 1911 г. — лекифы, солонки, светильники, чаши, найденные в Тузле (на Тамани) и переданные музеем в дар от урядников ст. Таманская Анисима Ивановича и Ивана Ивановича Черноморенко. В 1912 г. восемь сосудов и терракот, найденных на Таманском полуострове, были переданы в музей Федором Васильевичем Орченко, жителем г. Керчи. От атамана ст. Таманской Самойленко (в книге нет его инициалов) также поступили несколько античных сосудов. В 1913 г. есаулом В.С. Толстопятом, приставом ст. Таманской, были подарены музею две замечательные чернофигурные вазы и краснофигурная пелика, которые и поныне являются украшением музейной коллекции.

Среди дарителей наибольший интерес вызывает личность подьесаула В.В. Соколова, отрывки из писем которого приведены выше, жителя ст. Таманской, увлекавшегося историей Тамани и выпустившего в свет книгу "Тамань в прошлом и настоящем". За несколько лет деятельности он подарил Музею более сотни античных сосудов, украшений, предметов вооружения. В музее была витрина его имени. Он содействовал и поощрению Кубанской администрацией щедрых дарителей по представлению музея. Среди них — Василий Степанович Толстопят, о котором В.В. Соколов пишет И.Е. Гладкому: "Вы спрашиваете, Иван Ефимович, не послать ли Василию Степановичу Толстопяту свидетельство? Конечно, Ваша добрая воля, да и я думаю, что это не помешает". В письме говорится и о благодарностях от имени Наказного Атамана для поощрения благородных дел по охране старины.

Так собиралась античная коллекция Краснодарского музея в дореволюционные годы.

Следующий этап начался в послереволюционное время. От сбора редких вещей, случайных поступлений музей переходит к целенаправленному комплектованию фондов, в том числе и в его античной части. И здесь основное место принадлежит вещам из раскопок Семибратнего городища, начатых музейной экспедицией еще в 1938 г. Экспедицию возглавлял тогда научный сотрудник музея Никита Владимирович Анфимов. Последний раз это городище раскапывалось в 1955 г., раскопки продолжались в течение

II лет. Материалы до конца не исследованы и не изданы.

Интереснейшую часть этой коллекции составляют фрагменты греческой расписной керамики, в основном — скифо-киликов, также асков и кратера начала V в. до Р.Х. (определен В.Д. Блаватским).

Небольшое количество античной керамики поступило в музей в 60–90-е годы из раскопок грунтовых могильников и курганов в Кубанском крае.

© 1994 г.

М.И. Абикулова

АНТИЧНАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Г.Л.СКАДОВСКОГО В ХЕРСОНСКОМ
КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Херсонский краеведческий музей, отметивший в 1990 г. свой 100-летний юбилей, – одно из старейших археологических хранилищ Юга России. Начало ему было положено В.И.Гошкевичем – основателем Музея Древностей Херсонского Края. Активная собирательная деятельность В.И.Гошкевича, его плодотворные контакты с исследователями и почитателями древней истории привели к быстрому пополнению фонда. Поступали дары от семьи историка Н.Н.Аркаса, киевского археолога К.В.Болсуновского, профессора Н.И.Веселовского, земского учителя Л.Е.Торского, негодцианта Ф.Г.Эддиса, Императорской Археологической Комиссии, херсонского городского головы Н.И.Блажкова и многих других. Большое значение в формировании фонда имели поступавшие в него многочисленные коллекции из раскопок, в их числе: И.Я.Стемпковского (курганы Поднестровья), Б.В.Фармаковского (Ольвия), Г.Л.Скадовского (некрополь Березани).

Херсонский уездный предводитель дворянства, избранный в 1889 г. председателем Губернской Ученой Архивной Комиссии, Георгий Львович Скадовский к началу XX в. уже обладал значительным опытом археологических работ: по заданию Императорской Археологической Комиссии в 1886 и 1888 гг. им были проведены раскопки Белоозерского городища и курганного могильника, разведки на р.Ингулец и близ с.Усатова, раскопки в Козырке, Маячке и в др. местах. Результаты этих работ частично опубликованы в "Трудах III Археологического Съезда". В 1890 г. Г.Л.Скадовский начинает раскопки некрополя первого в Северном Причерноморье греческого поселения на о.Бережань. Работы продолжались и в 1901 г.

Материалы раскопок, за исключением 100 предметов, отправленных Г.Л.Скадовским в Императорский Эрмитаж, поступили в Херсонский музей. Дальнейшая судьба березанской коллекции трагична: во время германской оккупации часть ее была варвар-

ски уничтожена, а лучшие экспонаты вывезены в Германию. После окончания войны коллекция вернулась в страну, но в музей попала лишь частично. В настоящее время коллекция эта насчитывает 617 единиц хранения; состоит из целых и фрагментированных сосудов, орудий труда, украшений и предметов туалета, предметов вооружения и др.

Значительную часть коллекции составляет античная расписная керамика, которая относится к сосудам коврового, чернофигурного и краснофигурного стилей.

Наиболее многочисленна (171 ед. хр.) группа родосско-ионийских сосудов УП-УІ вв. до Р.Х. Это расписные тарелки, кувшины и ойнохои, килики, кратеры. Одиннадцать фрагментов относятся к таким редким формам, как келебы. Немногочисленны расписные чашки, аски, арибаллы, лекифы и флаконы. Единичны кратериски, гуттусы, лебесы. Среди родосско-ионийских сосудов выделяется аск с изображениями зайца и лисицы (ХЕМ-а-5149), который датируется первой половиной ІУ в. до Р.Х.

Керамика Самоса и Накратиса (Хиоса) по сравнению с сосудами родосско-ионийской группы представлена в коллекции музея меньшим количеством (соответственно 25 и 18 ед. хр.) и менее разнообразными формами. Выделяются фрагменты самосских сосудов стиля факеллура. Фрагменты хиосских кубков немногочисленны. Также немногочисленны сосуды УІ в. до Р.Х., изготовленные в мастерских Коринфа: арибаллы, келебы, кубки и др. Выделяется фрагмент коринфского сосуда с изображением атлета (ХЕМ-а-5081). Единичны фрагменты клазоменской керамики второй половины УІ в. до Р.Х.

Одними из наиболее ценных экспонатов березанской коллекции Г.Л.Скадовского явились аттические чернофигурные и краснофигурные сосуды УІ-У вв. до Р.Х. К сожалению, в настоящее время их сохранилось лишь 69. Килики представлены одним целым сосудом конца УІ в. до Р.Х. (ХЕМ-а-5078) и 15-тью фрагментами. Сохранилось 14 фрагментов кратеров, среди которых выделяется фрагмент венчика с изображением сцены охоты львов на диких кабанов (ХЕМ-а-5136). Единичны аттические чернофигурные ольпы, пелики и келебы, краснофигурные пелики и леканы.

Коллекция античной расписной керамики из раскопок Г.Л. Скадовского на Березани уникальна. Впервые был выявлен комплекс сосудов, попадавших на остров вместе с переселенцами из Милета и затем использовавшийся в погребальном обряде; впервые проявилось направление и развитие торговых связей населения Березани.

Коллекция Г.Л.Скадовского не раз привлекала внимание исследователей. В 1910 г. с ней работал профессор Копенгагенского Университета доктор К.Ф.Кинг. Начиная с 30-х годов, отдельные экспонаты и группы экспонатов коллекции публиковались Л.Г.Крысиным, И.В.Фабрициус, С.И.Капошиной, В.М.Скудновой и другими исследователями. В настоящее время необходима полная каталогизация этой коллекции, как и других уникальных собраний, находящихся, в основном, в фондохранилищах.

Из дискуссии:

Вопрос (И.В.Шталь): Вся ли Березанская коллекция Г.Л. Скадовского была возвращена из Германии?

Ответ: Есть данные о том, что некоторые наши экспонаты до сих пор хранятся в германских музеях. Их видел, в частности, в экспозиции и хранилище Берлинского музея А.М.Лесков. Заметка об этом проскользнула в газете "Совершенно секретно" (1990, № 17, с. 31, статья "Хранители древностей"). Сейчас поисками вывезенного из музеев в годы войны занимается Министерство культуры Украины.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ МУЗЕЙ КРАЕВЕДЕНИЯ

Севастопольский музей краеведения возник в 1923 г. на основе Краеведческого кружка при общеобразовательном техникуме им.Ломоносова, располагавшемся на Соборной площади, на месте нынешней средней школы № 3. Кружок был создан зимой 1922 г., начал свою деятельность с собирания открыток с видами Севастополя. Впоследствии организаторы кружка – преподаватель истории Павел Петрович Бабенчиков, его брат преподаватель литературы Владимир Петрович Бабенчиков и преподаватель физиологии Крий Петрович Твердохлебов – сочли возможным из собранного ими и членами кружка создать при техникуме музей, на первых порах – учебный.

Экспозиция располагалась в четырех комнатах на третьем этаже. В одной из комнат находилось все то, что было связано с историей и археологией Севастополя и его окрестностей, в другой – материалы по этнографии, в третьей – по биологии. Специальные комнаты были отведены и для лабораторных занятий.

Ядро музея составлял кружок. Евгений Андреевич Воронцов, один из первых его участников, вспоминает, что именно кружок создал Севастопольский музей краеведения и в немалой степени способствовал оживлению деятельности Херсонесского музея, бывшего в первые послереволюционные годы в состоянии упадка. Члены кружка участвовали в раскопках Херсонеса и его сельскохозяйственной округи, некоторые из них, впоследствии работали в Херсонесском музее.

Во вновь образованном музее четыре сектора. Этнографический возглавлял В.П.Бабенчиков, историко-археологический – П.П.Бабенчиков, геологический – Евгений Андреевич Воронцов, сектор истории Черноморского флота – Н.Фишер. Первым старостой кружка был Г.Н.Миронов, затем – Е.В.Беймарн. Музей имел свой устав, значок, знамя. Ежегодно вступавшие в кружок школьники 5-х – 7-х классов получали звание практиканта. Практикант должен был, выполнив определенные работы, набрать 50 баллов и получал звание кандидата I категории, затем выпол-

нялись более сложные задания, и он становился кандидатом II категории, выбирал одну из предлагавшихся ему 100 тем и работал над ней под руководством сотрудника музея. На годичном собрании членов кружка и их родителей кандидат читал свой доклад, и если он оценивался положительно, ему присваивали звание сотрудника с вручением нагрудного знака. В организации деятельности кружка и музея чувствуется рука опытных педагогов: подростки увлеченно работали над темами, многие, став студентами, продолжали работу в музее, участвовали в экспедициях. В зимнее время кружковцам читали лекции по краеведению, учили чертить, монтировать, фотографировать. Летом — экспедиции на Гераклейский полуостров, мыс Айя, на яйлу Ай-Петри, Южный берег, в Байдарскую долину, Шайтан-Мердвен, пещерные города Крыма. Популярность музея возрастала, с 1925 г. он начал получать денежную субсидию от городских властей. В 1926 г. музей получил приглашение на I Археологическую конференцию в Керчи. В состав делегации вошли: П.П.Бабенчиков, школьники Борис Веймарн, Александр Бернштам, Станислав Стржелецкий. Сообщение Б.Веймарна "Об археологической разведке Эски-Кермена" вызвало большой интерес, и в следующем полевом сезоне Государственная Академия материальной культуры начала там совместно с Севастопольским музеем краеведения раскопки. Руководители совместной экспедицией Н.И.Репников и П.П.Бабенчиков. Кружковцы работали в экспедиции чертежниками, фотографами. Жили в пещерах Эски-Кермена или в деревне Черкез-Кермен в доме сторожа Али Байрама. Совместные работы продолжались до 1941 г. В 1927 г. сотрудники Севастопольского музея краеведения, в том числе и юные, приняли участие во II Археологической конференции, посвященной 100-летию раскопок Херсонеса.

Крымское землетрясение 1927 г. разрушило здание, в котором размещался музей. На заседании горисполкома В.П.Бабенчиков поставил вопрос о предоставлении музею помещения. Где размещались фонды и экспозиция в 30-е годы, точно не установлено. По данным Л.С.Ноделя, одного из кружковцев предвоенного времени, экспозиция была размещена в здании магазина над картинной галереей, фонды — в подвалах Военно-исторического музея, там же

на этаже по вечерам собирался кружок. По другим данным, экспозиция музея в 30-е гг. располагалась в зале № 5 по Пролетарской улице. Сейчас здесь – современные постройки. С 1927 г. музей был в ведении Севрайона, затем вошел в Музейное объединение (Военно-исторический музей, Музей революции, Панорама, Херсонес). Музей краеведения самым активным образом участвовал в работе объединения. Большинство кружковцев работали экскурсоводами Общества пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ), обслуживали маршруты Инкерман-Херсонес и пешеходный – Севастополь-Ялта. Сотрудники музея построили экспозицию в башне Малахова кургана и в Форосской церкви, организовывали сельскохозяйственные выставки и возили их по селам, где они пользовались успехом.

История музея обрывается в 1941 г. Маленький музей не смог преодолеть превратностей военного времени. Трагедия родного города, лежавшего в руинах, потерявшего значительную часть своих жителей, оказалась смертельной для него. Кружковцев война разметала во все концы страны. Один из основателей музея, Павел Петрович Бабенчиков, еще до войны был по доносу выслан из Севастополя, работал на Кавказе, а после войны – в Бахчисарайском Музее пещерных городов. Здесь же работали двое его учеников – Е.В.Веймарн и Н.П.Кацур. Павел Петрович Бабенчиков перевез в Бахчисарай часть материалов Севастопольского музея краеведения. Судьба остальных – неизвестна. Существует несколько версий: материалы не были вывезены и пропали в самом городе; материалы были эвакуированы вместе с фондами Военно-морского музея, но по возвращении из эвакуации были администрацией музея разосланы в другие музеи страны как непрофильные. Каких-либо актов передачи коллекций в архиве музея не сохранилось. Нет аналогичной документации и в музее Черноморского флота. В Бахчисарайском историко-архитектурном музее материалы из Севастопольского музея краеведения выделены в особый фонд "Гераклея". К сожалению, нет ни описи, ни каких-либо других документов, которые позволили бы более точно определить место и дату находки. Возможно, дату находки обозначает одна из шифр музеев: /36. Кроме многочисленных обломков

керамики: чернолаковых сосудов, клейменных амфорных ручек, черепицы – имеются и фрагменты краснофигурных сосудов: фрагмент леканы, роспись которой принадлежит к обширной группе "Отчет" и датируется началом 2 четверти IV в. до Р.Х., фрагмент стенки скифо-калика, роспись которого выполнена мастером Q (2 четверть IV в. до Р.Х.), фрагмент скифоса, фрагменты стенок кратеров, украшенные пышными многолепестковыми гальметками (могут быть датированы также 2-ой четвертью – серединой IV в. до Р.Х.).

Павла Петровича Бабенчикова с большой теплотой вспоминали кружковцы. Е.В.Веймарн в одном из писем (мы с ним вели довольно регулярную переписку в 80-е гг.) пишет о своем учителе: "Он очень эрудированный человек, очень хороший воспитатель, скромный. Его большие труды (в частности, по Гераклеяскому полуострову – см. архив Отдела археологии Крыма) не опубликованы". Умер Павел Петрович в 1947 г. Его могила, неухоженная и заросшая травой, находится в парке Бахчисарайского дворца-музея.

Владимир Петрович Бабенчиков был во время войны в Севастополе, пережил оккупацию, как и все севастопольцы, активно участвовал в обороне города и имел медаль "За оборону Севастополя" (по сообщению Е.В.Веймарна). На фронте погиб его сын Борис, в предвоенные годы принимавший активное участие в работе музея. Владимир Петрович оставил заметный след в крымской археологии – он исследовал уже в послевоенное время несколько ярких памятников: Чернореченский могильник, могильник Неаполя Скифского, вел раскопки в Коктебеле. Результаты этих исследований он обобщал в обстоятельных научных статьях и написанной уже в преклонных годах диссертации. Умер Владимир Петрович в 1974 г. За несколько лет до смерти он обратился к бывшим членам кружка с просьбой восстановить для потомства историю Севастопольского музея краеведения. Двое из первых кружковцев – Е.В.Веймарн и Е.Б.Демешкан – занялись сбором материалов. Однако материалы, собранные Е.Б.Демешкан, после его смерти были уничтожены: в архиве Е.В.Веймарна, хранящемся в Бахчисарайском музее, материалов о СМК нет. Большая работа по сбору ма-

териалов была проделана межшкольным краеведческим музеем при Севастопольской станции юных туристов, возглавляемым Евгением Никандровичем Овеном. Здесь хранится ценный фотоматериал, воспоминания кружковцев, в том числе очерк Л.С.Ноделя "Севастопольский музей краеведения". В целом, проделанная музеем работа позволяет не только в общих чертах восстановить историю СМК, но и создать экспозицию, посвященную этому уникальному явлению в культурной жизни Севастополя. В самом деле, питомцы кружка, юные сотрудники Севастопольского музея краеведения, стали потом крупными учеными, иной университет не может похвастаться таким количеством выпускников, внесших весомый вклад в науку: Борис Владимирович Веймарн – академик Академии Художеств, искусствовед, Александр Натанович Бернштам – профессор, археолог; Евгений Владимирович Веймарн, кандидат исторических наук, внесший большой вклад в изучение средневекового Крыма; Станислав Францевич Стржелецкий на протяжении многих лет был зав. античным отделом Херсонесского музея, его работы по клерам Гераклеяского полуострова стали фундаментом для дальнейшего развития этого направления; Г.Д.Белов – сотрудник Античного Отдела Государственного Эрмитажа; О.И.Домбровский – доктор исторических наук, много лет возглавлявший Античный отдел Крымского отделения Института Археологии АН УССР. Кроме историков, археологов, искусствоведов из кружка вышли и ученые-естественники: О.В.Зелинский – физиолог, зав.кабинетом физиологии Ботанического института АН СССР, Г.Н.Миронов – научный сотрудник биологической станции (Институт биологии южных морей) в г.Севастополе, К.Невская – сотрудник Арктического института и др. Многие кружковцы стали научными работниками краеведами: Е.Кригер, Г.Волобуев, Г.Деметриадис, М.Кулик, Е.Демашкан, Е.Воронцов, В.Гарагуля, Л.Н.дель.

Нужно сказать, что сама идея краеведческого музея в Севастополе возродилась в 1968 г. На станции юных туристов появился межшкольный краеведческий музей. Благодаря подвижнической деятельности его директора Е.Н.Овена была создана интересная экспозиция, собраны богатые материалы по геологии, почвоведению, животному и растительному миру прилегающих к Сева-

стополо территорий. Евгений Никандрович говорил мне, что из-за постоянного режима секретности, в котором находились окрестные территории, природа их изучена весьма слабо. В почти полумиллионном городе нет государственного краеведческого музея, а в связи с тяжелым состоянием городского бюджета межшкольному музею грозит закрытие. Здание, в котором он сейчас расположен – на ул. Суворова, 20 – в аварийном состоянии.

Использованные источники:

Архив ХИИАЗ, архив Стрелецкого, д. 1384–1388.

Газета "Маяк коммуны" от 7 сент. 1923 г.

Гор. архив Севастополя ГАР-79, оп. I, ед. хр. 259.

Нодель И.С. "Севастопольский музей краеведения" – архив межшкольного музея краеведения г. Севастополя, № 65.

Из дискуссии:

Вопрос (А.В. Шевченко): Вы говорите о поступлениях античного материала в Бахчисарайский историко-архитектурный музей. Все ли эти поступления шли из Севастопольского краеведческого музея? Особенно меня интересуют материалы краснофигурной античной керамики.

Ответ: Коллекция Бахчисарайского историко-архитектурного музея насчитывает всего 7 фрагментов краснофигурной керамики. Она происходит из фонда Музея пещерных городов (создан в 1940 г., в 1955 г. объединен с дворцом-музеем). Вся эта керамика – из Херсонесса. В Бахчисарай привезена в 1939 г. из Севастополя. М.Г. Кустова, многие годы проработавшая научным сотрудником, а затем директором дворца-музея, рассказывала, что Херсонесский государственный музей и Севастопольский музей краеведения выделили для создающейся в это время новой экспозиции в Бахчисарае клейменные амфорные ручки, чернолаковую посуду, сетчатые лекифы и фрагменты краснофигурной керамики. Вещи, доставленные из Херсонесского музея, получили название "коллекция Херсонес" и имеют соответствующий шифр МПГ. Сохранились фрагменты двух киликов КИ-6095 инв. 1212 и КИ-6095/167, кратера КИ-6095/166, рыбного блюда – без номера. Фрагменты ке-

рамики из Севастопольского музея краеведения имеют его шифр - СМК. Это фрагменты кратера КП-5745/166, килика КП-6095/210, «шифоса» КП-6095/268, полики КП-6095/209.

Никаких других документов, кроме лаконичных записей в книге поступлений Музея Пещерных Городов нет.

© 1994г.

Л.Г.Попова

ГРЕЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА В НИКОЛАЕВСКОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Николаевский краеведческий музей обладает небольшой (около 300 ед. хранения), но достаточно интересной коллекцией античной расписной керамики, формирование которой происходило, в основном, в процессе археологических исследований Ольвии и ее окружи.

Одними из первых в собрание музея поступили материалы раскопок Ольвии 1920–1921 гг. под руководством С.А.Семенова-Зусера. Среди них имелись краснофигурная гидрия, чернофигурный и краснофигурный лекифы, краснофигурный оксибаф, расписной лагин.

В 1923 г. учитель из Москвы, уроженец Николаева Б.В.Страдомский передал в дар музею большое количество исторических документов, а также коллекцию античной керамики, принадлежавшую его отцу В.А.Страдомскому – врачу Николаевского Морского Госпиталя, участнику обороны Севастополя. В.А.Страдомский, как судовой врач, принимал участие в многочисленных зарубежных походах. Коллекцию античной керамики и терракотовых статуэток он привез из Афин в 1872 г. Наиболее интересными являются антические красно- и чернофигурные лекифы.

Основу коллекции расписной посуды составляют находки из раскопок Ольвии 1926–28 гг., проводившихся Б.В.Фармаковским.

В конце 20-х гг. в Николаев из Одесского археологического музея были переданы фрагменты расписной керамики, в основном родосско-ионийского стиля, происходящие из раскопок Э. фон Штерна на о.Березань в 1907 г.

Материалы Ольвийских экспедиций ЛО ИА АН СССР, руководимых В.И.Леви, за 1957, 1961–63, 1967–1968 гг. частично поступили в музей, среди них один чернофигурный килик.

В 70–80 гг. сотрудниками Николаевского музея проводились археологические исследования поселений и некрополей хоры Ольвии (Рубан В.В., 1973–75 гг. – Дидова хата, усадьба I; Козинка II; Чертоватое II; Никитин В.И., 1985 г. – Лагерная коса,

некрополь; Снытко И.А., 1988-90 гг. - Чертоватое, северный и южный некрополи, Сиверсов маяк I, Лупарево, некрополь), пополнившие коллекцию.

**II. АНТИЧНЫЕ МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ:
МЕСТО, ВРЕМЯ, ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАХОДОК**

© 1994 г.

В. Н. Боровкова

КЕРЧЕНСКОЕ СОБРАНИЕ КРАСНОФИГУРНЫХ ПЕЛИК

IV в. до Р.Х.

Античная керамика – самая многочисленная группа хранения в фондах Керченского заповедника. Керамика керченского стиля представлена в коллекции 540 предметами: 5 асков (и 23 фрагмента), 1 гидрия (и 2 фрагмента), фрагмент гутта, гидриск, 2 килика (и 87 фрагментов), фрагмент канфара, 75 фрагментов кратеров, 2 леканы (и 71 фрагмент), 112 лакифов (и 25 фрагментов), 4 ойнохои (и 4 фрагмента), оксибаф, 2 рыбных блюда (и 8 фрагментов), скифос (и 35 фрагментов), 53 пелики (и 25 фрагментов).

Керченский Музей Древностей был открыт в 1826 г. благодаря усилиям И.А.Стемпковского на основе коллекции Поля Дюбрюкса, состав которой в точности не известен. После того, как в 1830 г. в кургане Куль-Оба было обнаружено множество прекрасных золотых изделий, лучшие вещи из южнорусских раскопок неукоснительно поступают в Императорский Эрмитаж, а поиск драгоценностей становится приоритетным направлением южнорусской археологии. В 1835 г. по проекту архитектора Джорджо Торичелли на горе Митридат было построено здание Музея Древностей в виде храма дорического ордера. 24 июня 1841 года все музейные вещи были перенесены в это здание.

В 1854 г., во время Крымской войны, упакованные в семь ящиков музейные вещи были вывезены в Бердянск, а оттуда – немецкую колонию Брунау, причем часть коллекции попала в Екатеринослав, куда их сопровождал чиновник Я.М.Лазаревский¹. Оставшиеся в Керчи собрания были разорены, ценные вещи, включая керамику, – вывезены за границу. Союзники вели и раскопки в Керчи и ее окрестностях. Результаты грабежей отражены в вышедшей в 1857 г. книге д-ра Махферсона².

После войны Керченский музей возобновил работу, коллекции его размещались в случайных помещениях.

В декабре 1858 г. музей произвел раскопки Мелек-Чесменского кургана, разграбленного в древности. Оставленные без при-

смотр курган и склеп начали разрушаться. По ходатайству Одесского Общества Истории и Древностей Император Александр II 5 мая 1870 г. пожаловал на ремонт и охрану кургана 300 рублей ежегодно. Восстановление склепа осуществлялось военными. На производство работ щедро жертвовал также и керченский I-й гильдии купец А.К.Константинов. В июле 1871 г. курган был открыт для публики; при нем начал создаваться небольшой музей, пополняемый из остатков сметных сумм. Здесь хранились древние и средневековые надписи, вазы, терракоты, амфорные ручки с клеймами, гипсовые изделия и монеты. Музей состоял при ООИД; его хранителями были: И.С.Безкровный (1869, 1883-1887 гг.), К.Э.Седергольм (70-е гг.), С.И.Веребрюсов (1878-1883 гг.), В.Ф.Гролих (1887-1894 гг.), В.В.Шкорпил (1894-1902 гг.), А.А.Дирин (1902-1903 гг.), В.А.Михалевский (1903-1904 гг.), Д.Д.Марти (1904-1921 гг.)³. Таким образом, в течение полувека в Керчи было два музея древностей.

Из числа ученых, работавших в Керчи и ее музеях до 1917 г., следует особо выделить В.В.Шкорпила⁴.

22 сентября 1917 г. пришло распоряжение прекратить присылку в Петроград предметов древности. После установления в Крыму советской власти Музей Древностей поступает в ведение городского, а затем крымского Отдела народного образования, объединяется с Музеем Мелик-Чесменского кургана, а с апреля 1922 г. причисляется к Наркомату Просвещения РСФСР (в ведении которого находится до февраля 1945 г.) и преобразуется в историко-археологический музей.

В 1922 г. музей пополнился за счет коллекций А.В. и С.А.Новиковых⁵, А.В.Олива⁶ и др., "взятых на учет" в числе прочих частных и "безхозных" собраний Отделом охраны памятников искусства и старины (ОХРИС)⁷. Отдельные частные коллекции, как коллекцию Месаксуди, эмигрировавшие владельцы переправили за границу⁸. В последующие годы музей обогащался вещами из раскопок.

Бойна с Германией прервала раскопки в Керчи, а часть музейных собраний была вывезена в девятнадцати ящиках в Армавир и принята 7 октября 1941 г. на хранение комиссией Армавирско-

го горисполкома. Здание, в котором хранились керченские вещи в Армавире, сгорело. Вещи считались погибшими, но после освобождения Крыма Наркомпрос РСФСР имел сведения о том, что вывезенные в Армавир ящики были возвращены немцами в Керчь, а оттуда перемещены в Симферополь⁹. Источником этих сведений был "б.завхоз Керченского музея т.Антонов", которому соответствует реальное лицо: в годы войны помощник директора музея А.А.Шевелева Иван Григорьевич Антоноук¹⁰. Этот последний действительно мог знать о судьбе вещей. Об Антоноуке известно, что в апреле 1947 г. он продал в Керченский музей тринадцать серебряных монет, несколько десятков золотых предметов: "двадцать два золотых листочков от венков, три индикации золотые, четыре пластины золотые для покрытия глаз и рта, шесть пластин листового золота" – и две сердоликовые геммы за 600 руб¹¹. Как попали эти вещи к Антоноуку, неизвестно, но ясно одно, что это находки из погребений, имеющих музейное значение.

Среди пропавших в Армавире вещей было шесть пелик:

1. "Найдена на аглофабрике Камыш-Буруна в 1935 г., служила урной, внутри – жженный прах. Была покрыта чернотомовой тарелкой, замазанной гипсом. На ней (пелике – В.В.) была изображена сцена бо амазонок с греками"¹².

2. Пелика из кургана Большая Близница с изображением "амазонки на грифоне и стоящей амазонки".

3. Найденная в марте 1938 г. в Тиритакe пелика с изображением "Геракла и кентавра и двух бегущих женщин". Сюжет этот в Северном Причерноморье редок, аналогий утерянной пелике в Керчи не было и нет.

4. Пелика из собрания С.А.Новиковой с изображением сидящей в кресле и играющей на лире женщины, перед которой стоит мужчина.

5. Пелика с изображением конного воина и грифона.

6. Пелика с женской головой вправо.

Основная часть коллекции керамики осталась в музее, который во время оккупации продолжал работать. При отступлении из Крыма в Германию было вывезено 45 ящиков с музейными предметами, в том числе 20 пелик. Вещи были возвращены из Германии в

1948 г. в сильно поврежденном виде.

В том же 1948 г. в Керченский музей из Иванова-Вознесенска были переданы античные вещи из коллекции 1-й гильдии купца Дмитрия Геннадьевича Бурылина¹³, составленной им, в частности, и у керченских торговцев древностями, в том числе три пелики:

1. КМАК-13 (протомы "амазонки" и грифона).
2. КМАК-27 (бой двух греков с пешей амазонкой).
3. КМАК-50 (Дионис) Аполлон на грифоне, между двух женских фигур).

При разборе коллекций в 1946 г. вещи были разделены на паспортные и беспаспортные. При этом выяснилось, что из находок XIX века в фондах имеются пелики:

1. КМАК-9 (бой конного "аримаспа" с грифоном), найденная в 1859 г. при раскопках на Глинище (курган, гробница 16).
2. КМАК-1949, фрагмент (голова "амазонки"), найденный 14.08.1890 г. на огороде у К.Москаленко, за арестантской казармой, в разоренной гробнице № 15.

Из раскопок В.В.Шкорпила происходят пелики:

1. КМАК-2 ("мисты"), найдена 6.07.1906 г.
2. КМАК-22 ("мисты"), найдена 3.07.1910 г. за богадельней в кургане, гробница № 52¹⁴.
3. КМАК-19 (бой пешего аримаспа с грифоном), найдена 20.05.1911 г., Тамань, мыс Тузлы, земляная гробница № 57¹⁵.
4. КМАК-17 (бой конной "амазонки" с грифоном), найдена 2.06.1914 г.

Из частных собраний того же времени (и, может быть, из тех же раскопок) в музей поступили пелики:

5. КМАК-10806 (бой амазонок с двумя воинами), найдена до 1913 г., так как в этом году она уже выставлялась в Мелек-Чесменском кургане среди вещей Н.Савицкого, пожертвованных в музей доктором Торопьяно¹⁶.
6. КМАК-10807 (заупокойная трапеца?), приобретена покупкою в 1914 г.¹⁷.

Следует особо отметить, что керченские частные собрания в это время значительны, хорошо известны ученым и упоминаются в

официальных публикациях¹⁸.

В послевоенное время в музей поступили из раскопок следующие пелики:

1-2. КМАК-12 и КМАК-14 (протомы "амазонки", грифона, коня), найдены в 1923 г. при раскопках некрополя Пантикапея на углу Шлагбаумской и Эспланадной (яма 6, могила 15).

3. КМАК-1478, фрагмент горла пелики ("мисты"), найден в 1938 г. при раскопках котлована на г.Митридат.

4. КМАК-7533, фрагмент стенки (изображение - "диск", первоначально находившийся между изображениями "мистов"), найден в 1938 г. в Мирмекии.

Из послевоенных ежегодных раскопок некрополя Пантикапея происходят:

5. КМАК-406 (Тесей и Геракл в Аиде), найдена в 1954 г. при охранных раскопках Боспорской экспедицией ИА АН СССР (начальник отряда А.И.Болтунова) в погребальном комплексе из 74 предметов, склеена из 360 фрагментов¹⁹.

6. КМАК-480 (женская голова в секкосу вправо между двух летящих к ней "Эротов"), найдена весной 1957 г. во время проводившихся Керченским музеем раскопок на северной окраине Керчи у входа в гипсовый завод (могила № 5)²⁰.

7. КМАК-10804 (бой аримаспа с грифоном), найдена в 1957 г. в погребении во дворе дома № 33 по ул. Карла Маркса, раскрытом траншеей. 36 предметов из погребения было передано в музей сразу, а пелика изъята К.И.Виноградовой у игравших во дворе детей и передана в музей ею же в 1987 г., тридцать лет спустя.

8. КМАК-6659, фрагмент горла ("мист" влево), найден 4.04.1968 г. сотрудником музея С.А.Семеновым на Ю-В склоне г.Митридат в провале над I-м Босфорским пер., над домами 2-й Митридатской ул.

9. КМАК-2776, фрагмент (квадрига вправо), найден в числе нескольких других вещей 25.03.1961 г. учениками Черноморченкой, Левченкой, Городовичем и др. в котловане на ул.Ленина, 2.

10. КМАК-10 (протомы "амазонки", грифона, коня), найдена в 1963 г. на г.Митридат, склеена из 40 фрагментов²¹.

II. КМАК-II949 (бой всадника с грифоном), фрагменты найдены в 1986 г. Керченским отрядом в составе Боспорской экспедиции ГМИИ им.А.С.Пушкина под руководством В.Н.Холодкова на Ю-В склоне г.Митридат на обочине дороги между Длинной Скалой и Сахарной Головой под столбом опоры электропередач.

12-13. КМАК-II830 (голова в высоком уборе) и КМАК-II838 (две головы, обращенные друг к другу), найдены в 1990 г. Охранным-археологической экспедицией Керченского заповедника под руководством Н.Ф.Федосеева при раскопках поселения "Госпаль" (26 фрагментов двух пелик)²².

Из некрополя и с городища Мирмекия происходят пелики:

14. КМАК-7 (протомы грифона, "амазонки", коня), склеенна из тридцати фрагментов.

15. КМАК-8 (терзание коня двумя грифонами).

16. КМАК-15 (протомы грифона, "амазонки", коня).

17. КМАК-25 (бой конной "амазонки" с грифоном).

Вазы 14-17 найдены в 1953 г. при раскопках некрополя у бывшего коксохимзавода им.С.М.Кирова под руководством В.Ф.Гайдукевича. На раскопки было выделено 70 тыс. руб., вскрыто 94 могилы. Пелики сданы в музей главным хранителем его Софией Федоровной Нечаевой²³.

18. КМАК-7613 + КМАК-7612, фрагменты единой пелики, соответственно венчика и нижней части тулова с поддоном, найдены в 1957 г. на городище Мирмекия (экспедиция В.Ф.Гайдукевича). Сохранившееся изображение - край одежды миста.

19. КМАК-6 (женская голова влево и летящий к ней "Эрот"), найдена весной 1958 г. учеником А.В.Дроздовым слева от шоссе у поворота к остановке "48-кв. дом".

20. КМАК-II450, фрагмент венчика пелики (п.о. 690), найден там же в 1959 г.

21. КМАК-7930 (п.о. 317), фрагмент (нога пигмея, часть шкуры барса, нога журавля), найден в 1961 г.²⁴.

В 1964 г. на городище Мирмекия найдены фрагменты пелик:

22. КМАК-7971 (шея грифона влево).

23. КМАК-7977 (сатир от плеч до бедер).

24. КМАК-7978 (две головы, обращенные друг к другу).

В ноябре 1965 г. экспедицией КИАМ под руководством главного хранителя музея Д.С.Кирилина при исследовании курганов "Три брата" (20-22 км к Ю-З от Керчи, 1 км от северной окраины Ортельского поселения V-I вв. до Р.Х. близ Тобечикского озера, у с.Огоньки) в одном из склепов найдена пелика.

25. КМАК-423 (бой конной амазонки с греком)²⁵.

В 1960 г. при раскопках ВКО ИЛ АН СССР на м.Зюк под руководством А.А.Масленникова были найдены

26. КМАК-6982, фрагмент (протомы "амазонки" и коня)²⁶, а в 1982 -

27. КМАК-10647, фрагмент (бегущая женщина вправо)²⁷.

В 1974 г. при раскопках городища Тиритаки экспедицией Керченского музея под руководством Д.С.Кирилина найден

28. КМАК-10696, фрагмент (голова вправо).

В 1966 г. при раскопках городища Порфмий экспедицией ЛОИА АН СССР под руководством М.Д.Вахтиной найден

29. КМАК-10773, фрагмент венчика горла пелики с овами.

Кроме перечисленных, в фондах имеются 23 пелики, включая фрагменты, источником поступления которых в инвентарной книге 1923 г. указаны раскопки. Это КМАК-4, II, 16, 17, 18, 20, 21, 23, 24, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 235, 440, 473, 8139, 8140, 8143, 8161, 8387.

В инвентарной книге 1929 г. записаны 8 пелик и фрагментов: КМАК-I, 3, 5, 26, 8144, 8157, 8319, 8338.

В 1953 г. фрагменты краснофигурной керамики были взяты на учет с шифром ДО ("дополнительная опись"). Они, вероятнее всего, происходят из довоенных раскопок, например, КМАК-8579, 8629, 8631, 8632, 8643, 8683. В 1976 г. все эти фрагменты были переведены на основной учет; из них удалось собрать пелики КМАК-8161, КМАК-10806 (112 фрагментов), КМАК-10807 (44 фрагмента), КМАК-49 (71 фрагмент) и дополнить фрагменты КМАК-8143, 8270, 8387, 10701.

П р и м е ч а н и я:

1. Архив КГИКЭ, оп. 2, ед. хр. 96, л. 249.

2. D. Mc Pherson, *Antiquities of Kertch and Researches in the Taurian Bosphorus*, London, 1857, with ill.

3. Д.Д.Марти. Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников в связи с историей Боспорского царства. - ЗООИД, 31 (1913), с. 31.

4. Владислав Вячеславович Шкорпил (1853-1918), родом чех из г.Высоке Мыто в Восточной Богемии. Учился в Пражском и Лейпцигском Университетах. С 1886 г. служил в Керченской Александровской гимназии, в 1894-1902 хранитель музея Мелек-Чесменского кургана, с 1901 по 1918 гг. директор Керченского Музея Древностей. Исследовал курганы, склепы, тысячи грунтовых погребений. Вещи из раскопок В.В.Шкорпила хранятся в С.-Петербурге, Москве, Харькове, Одессе, Керчи и за границей. Им написано более 100 ученых трудов.

5. Александр Васильевич Новиков (1843- ?). Сын керченского купца. В 1861 г., будучи студентом Имп. Московского Университета, арестован за участие в противоправительственных кружках, до 1881 г. состоял под гласным надзором полиции. Статский советник, Керченский городской голова в 1885-1886 гг. директор Керченского Городского Общественного Банка, почетный мировой судья и член Городского по Государственному квартирному налогу Присутствия, Комитета Попечительства о Народной Трезвости, Керченского Отделения Епархиального Училищного Совета, Правления Отдела Российского Общества Рыбодовства и Рыболовства, Попечительного Совета Богадельни имени ростовского купца А.А.Золотарева, товарищ председателя местного Правления Российского Общества Красного Креста и Окружного Правления Императорского Российского Общества Спасения на Водах. Имение в дер.Эльтиген. Собирал древности. В 1918 г., по некоторым сведениям застрелился. В Керченском музее - вещи А.В. и С.А. (жена или дочь?) Новиковых.

с. 279-280; Памятная книжка Керчь-Еникалинского Градоначальства за 1904 г. Керчь: типо-литография Х.Н.Лаго, 1907, с. 2, 5, 17-19, 31, 33, 34, 36, 37.

6. А.В.Олив, керченский помещик, на его землях - городище Дия-Тиритака. См. Д.Д.Марти. Городские крепостные стены Тиритака.

таки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн. - МИА, вып. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, стр. 13, прим. 3.

7. См. Р.Д.Башенко. К.Ф.Богаевский. М.: Изобр. искусство, 1984, с. 60. Областной комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (ОХРИС) создан в Симферополе в 1921 г. Члены, в частности: археолог Г.А.Бонч-Осмоловский, искусствоведы Я.А.Тугендхольц и А.Г.Коренев, художники Н.И.Пискарев и Н.С.Самокиш, К.Ф.Богаевский, М.А.Волошин. Керченский ОХРИС возглавлял Д.Д.Марти.

8. См. ВДИ, 1980, № 3, с. 226-227.

9. Е.Кончин. Тайна золотого чемодана. - Мир путешествий. 1991, № 8, с. 34-37.

10. Архив КГИКЗ, оп. 2, ед. хр. 1053, л. 1.

11. Архив КГИКЗ, оп. 2, ед. хр. 141, л. 60.

12. МИА, вып. 4, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1941, с. 33, рис. 38 а, б.

13. См. статью Г.А.Солнцевой "Собрания I Гильдии купца Д.Г.Бурылина, основателя Иваново-Вознесенского музея" в этой же книге.

14. ИАК, 47 (1913), с. 62, гробн. № 52/10.

15. ИАК, 56 (1914), с. 24, гробн. № 57/12.

16. Д.Д.Марти, цит. соч., с. 79. Известен Андрей Павлович Савицкий (в 1858 г. врач Кутниковского Института Благородных девиц, в 1875 г. - начальник Керченского Карантинного Округа, статский советник, действительный гласный Керченской Городской Думы, дом на Соборной пл., 2). Его дочь София Андреевна (вице-президент Женского Благотворительного Общества) была замужем за врачом Константином Васильевичем Торопыаю. Известно, что сын Конст. Вас. Торопыаю, Юрий Андреевич, по его собственным словам, получил наследство от дяди. Им и мог быть Н.Савицкий.

17. ОАК за 1913-1915 гг. Пгр., 1918, с. 99.

18. Памятная книжка Керчь-Еникальско о Градоначальства на 1904 г. Керчь: типо-литография Х.Н.Лаго, 1907, с. 96: "Замечательны также частная коллекция терракот, ваз и стекла А.В.Новикова и коллекция боспорских монет И.А.Терлецкого". Игнатий Андреевич Терлецкий (? - ?), старший врач лазарета Особо-

го Керченского Отдельного Корпуса Пограничной Стражи, надворный советник, жил на ул.Стемпковского, 12. Его коллекция монет считалась лучшей в России после Эрмитажной. Ф.И.Прове купил 829 монет из нее (золото и серебро) на аукционе в Вене в 1911 г. О попытке продажи вдовой И.А., Марией Юрьевой, части коллекции покойного супруга Пермскому Университету см. в этой же книге статью А.С.Стабровского "Из истории собрания древностей Художественного фонда Музея истории Пермского университета".

19. А.И.Волтунова. Курганное погребение под Керчью. - СА, 1971, № 1, с. 165-170.

20. В.П.Азарова. Один из участников Пантикалийского некрополя. - В кн.: История и археология Восточного Крыма, т. 2. Симферополь, 1962, с. 326, рис. 8.

21. С.С.Бессонова. Раскопки некрополя Пантикалея 1963-1964 гг. - СА, 1969, с. 141, рис. 8.

22. Архив КГИИЗ, оп. 2, ед. хр. 1075, лл. 50 и 53; оп. 2, ед. хр. 1077, рис. 221, 222 и 195.

23. С.И.Капошина. Некрополь в районе поселка им.Войкова. - МИА, вып. 69, М.-Л., Изд-во АН СССР, 1959, с. 150, № 25, рис. 36, гр. 55, п.о. 174.

24. И.В.Шталь. Эпические предания древней Греции. М.: Наука, 1969, с. 97.

25. Д.С.Кирилин. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера. - В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., "Наука", 1968, с. 187; Он же. По следам легенды. - "Крымская правда", № 28 от 3.02.1966, фото.

26. Архив КГИИЗ, оп. 2, ед. хр. 657, л. 4.

27. Архив КГИИЗ, оп. 2, ед. хр. 774, л. 5.

© 1994 г.

И. И. Вдовиченко

КОЛЛЕКЦИЯ КРАСНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКИ
КРЫМСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Основу коллекции краснофигурной керамики Крымского краеведческого музея составляет собрание Музея Древностей при Таврической Ученой Архивной Комиссии. Приняв решение об основании Археологического Музея на первом же своем заседании 24 января 1867 г.¹, ТУАК известила об этом Императорскую Археологическую Комиссию. В ответном письме от 30 сентября 1867 г. Императорская Археологическая Комиссия одобрила это постановление и обязалась, в свою очередь, "следить за сохранением и присылкой ей местным начальством всех открываемых в государстве древностей и... археологические находки в Таврической губернии, которые не получают особого Высочайшего назначения, будут передаваемы ею в Таврический губернский Археологический Музей"². Комплектование фондов Археологического Музея при ТУАК в дальнейшем происходило по следующим направлениям: пожертвования членов комиссии и лиц, сочувствующих ее деятельности, приобретение предметов древности за счет ТУАК, передача Императорской Археологической Комиссией предметов, найденных на территории Таврической губернии; передача дубликатов древностей из Керченского, Херсонесского и других музеев; проведение самостоятельных археологических раскопок Архивной Комиссией. Особое значение для формирования коллекции краснофигурной керамики имело получение дубликатов из Керченского Музея Древностей. Эти передачи фиксировались в протоколах ТУАК³, однако описания передаваемых сосудов были очень общими (в лучшем случае – сюжет лицевой стороны, обычно же просто указывалось количество и типы сосудов).

В 1909 г. в собрание Музея Древностей при Таврической Ученой Архивной Комиссии влилась коллекция Симферопольской мужской гимназии⁴. Судя по записям в инвентарной книге, которую вели преподаватели гимназии, в коллекции имелись фрагменты орнаментированной керамики, происходящей из раскопок⁵.

Другой важный источник пополнения коллекции – пожертвова-

ния ученых и коллекционеров. Среди них - почетный член ТУАК, профессор Киевского университета В.И.Кулаковский⁶, действительный член ТУАК с 1887 г., доктор медицины, краевед, коллекционер А.Я.Гидалевич⁷.

В годы революции, благодаря самоотверженности и неусыпному наблюдению хранителей, коллекция Музея Древностей не пострадала. В 1921 г. Таврическая Ученая Комиссия по решению властей была объявлена частным научным обществом, а музей перешел в ведение Крым-Охриса и вошел в состав создаваемого Центрального музея Тавриды (ЦМТ)⁸. На какое-то время в 1922 году коллекции были выброшены из занимаемого ими помещения⁹, однако, вскоре музею было отведено одно из лучших зданий в городе - бывшего Офицерского собрания.

Крым-Охрис в послереволюционные годы проводил большую работу по спасению памятников культуры. Его сотрудникам удалось установить свой пост на таможне в Ялте - таким образом предотвращался массовый вывоз культурных ценностей за границу. Под контролем Крым-Охриса, в котором сотрудничали многие специалисты-археологи, историки, этнографы, архитекторы, проводилась и "национализация" художественных ценностей из дворцов и усадеб Южного берега Крыма, а также других районов полуострова. Всего за период с 1920 по 1922 гг. было "собрано" и передано "в музей" 30000 предметов, из них 9000 - в ЦМТ¹⁰.

На I съезде Крым-Охриса, проходившем в Севастополь, была решена судьба многих крупных коллекций, положенных теперь в основу вновь образованных музеев. На том же съезде прозвучали предложения сосредоточить археологические коллекции Крыма в Симферополе в Центральном музее Тавриды. Такого мнения придерживались археологи Н.Л.Эрнст и А.И.Подканов¹¹. Речь шла, главным образом, о ялтинских собраниях - коллекции Горного клуба и Ай-Тодорского дворца В.И. Александра Михайловича¹². В то же время ялтинский Охрис отстаивал свои права на эти коллекции¹³. Очевидно, было принято компромиссное решение, по которому основная часть этих коллекций осталась в ялтинских музеях, некоторые же предметы, в том числе краснофигурные сосуды оказались в коллекции ЦМТ, Евпаторийского, Феодо-

сийского музеев.

Какова была коллекция краснофигурных ваз в Центральном музее Тавриды в предвоенные годы, сейчас трудно себе представить. Инвентарные книги этого времени не сохранились. Они были уничтожены в период с 1944 по 1954 г. Кое-какое представление об изменении состава коллекции дают косвенные сведения.

Известно, что в 1931 г. часть вещей из ЦМТ, в том числе краснофигурные сосуды, были переданы в Евпаторийский краеведческий музей¹⁴. О том, что коллекция расписной керамики в ЦМТ была в это время богатой и представительной, свидетельствуют как воспоминания очевидцев, так и некоторые другие источники. Так, в статье М.М.Кобылиной "Поздние боспорские пелики" упомянуто 5 пелик IV в. до Р.Х. ЦМТ: № 134/294 (протомы "амазонки", грифона, коня), № 134/293 (сторона А-конная амазонка сражается с греком, справа - пешая амазонка со щитом; сторона В - конная амазонка и обнаженный греческий пехотинец), № 8/62 (протомы грифона, "амазонки", коня вправо), № 36/59 (Дионис и фиа; сохранилась, современный - I094, А-643); № 8/44 (протомы грифона, "амазонки", коня вправо)¹⁵.

Другой важный источник - акты об ущербе, причиненном немецкой оккупацией¹⁶. В них указаны номера пропавших расписных ваз - всего 41 ваза, в том числе 27 краснофигурных. Среди них - 4 краснофигурные пелики без указания сюжета (инв. № 2518, 2516, 5384, 5386), пелика краснофигурная с изображением головы амазонки (инв. № 2517), пелика краснофигурная с изображением битвы амазонок с греками (инв. № 2508, выс. 35 см), два краснофигурных аска (инв. № 2528, второй - высотой 7 см). 15 краснофигурных лекифов (инв. № 5364, 5340, 5345, 1311 - высота 7,5 см; 2614, 5363, 5373, 1310 - высота 10 см; 5361, 5367, 2613, 5372, 5362, 5352, 5366). Упомянут также один лекиф с изображением головы (инв. № 5359), маленький краснофигурный килик (инв. № 5371), арибалл краснофигурный (инв. № 1935).

Указанные в акте номера пелик отличаются и от ныне существующих в музее и от приведенных М.М.Кобылиной. Надо полагать, М.М.Кобылина использовала уже послевоенные номера сосудов или, второй вариант, пелики эти не были упомянуты ею, поскольку

повторяли сюжеты на выбранных ею вазах. Статья М.М.Кобылиной вышла спустя шесть лет после окончания войны, так что автор при желании имела возможность внести коррективы и отметить пропажу части музейной коллекции. Однако, поскольку таких отметок автор не сделал, можно думать, что упомянутые вазы сохранились в музейном фонде в послевоенное время и за исключением оставшейся невредимой пелики № I094 были утеряны уже позднее.

В акте, составленном вслед за освобождением Симферополя 1 сентября 1944 г. А.Л.Якобсоном, научным сотрудником Института Истории Материальной Культуры, Е.И.Скржинской, докторантом того же Института, А.С.Дейчем, директором музея, Т.Я.Кобец, научным сотрудником музея, излагаются трагические обстоятельства гибели значительной части археологической музейной коллекции. Перед захватом Симферополя по распоряжению Наркомпроса наиболее ценные коллекции, упакованные в 41 ящике, были в сопровождении А.А.Шинделя отправлены для эвакуации в Армавир, сданы в железнодорожный пакгауз. Однако, вывезти эти коллекции не успели и, по словам сопровождавшего, они были разграблены¹⁷.

Дополняет эти сведения другой акт, составленный 30 декабря 1944 г. археологом В.П.Бабенчиковым, художником Я.П.Бирзгалом и сотрудниками музея¹⁸. Сообщается, что в разграблении (?) вещей, вывезенных в Армавир, приняли участие: офицер ОС Карасик (этнограф, работал в одном из музеев Вены), руководитель отдела пропаганды Манс и археолог Штампфус, от штаба Розенберга - Шмидт и его заместитель Вайсер.

В ноябре 1944 г. немецкими солдатами и офицерами была разграблена экспозиция музея. В том же 1944 году ряд материалов из Археологического Отдела изъяс профессор Штампфус. Среди прочих были и краснофигурные вазы: расписная амфора с изображением Ариадны на пантере (из коллекции А.Я.Гидалевича), лекана с изображением 4 женских фигур (очевидно, поздняя, класс Агора Р I7562 - ARV² р. I501), лекиф с изображением женской и мужской фигуры у гермы. А.И.Полканов, бывший до войны директором музея (после войны репрессирован за сотрудничество с оккупантами), сообщает в докладной записке Крымскому обкому партии и Крымнаркомпросу о том, что вещи, отобранные в крымских музе-

ях, эвакуировались в Краков²⁰. Известно, что в 1951 г. часть этих вещей была возвращена в Керченский, Бахчисарайский, Феодосийский музеи. Никаких документальных или иных свидетельств о возвращении в Крымский областной Краеведческий музей изыятых коллекций нет.

В послевоенное время коллекция краснофигурной керамики в музее не пополнялась. Всего до наших дней дошло 12 сосудов:

Пелика КП-1094, инв. 643 с изображением Диониса, менады и сатира происходит из раскопок некрополя Пантикапея. На дне сосуда - надпись, указывающая, видимо, на место и время находки, выполненная тушью - "КМДр/1/Д 27 июля 1897 г. Керчь". Середина IV в. до Р.Х.²¹.

Другая пелика с изображением на лицевой и оборотной сторонах стоящих юношей, задрапированных в гиматий (КП-1086, инв. 641, по описи № 3 имевшая № 23; опись не сохранилась), имеет на дне надпись: "3 июля 1910 г. за богад(ельней) в кургане", очевидно, также происходит из раскопок некрополя Пантикапея. Середина IV в. до Р.Х.²².

На территории Керченского полуострова был найден и кратер с ручками в виде колонн (*cratère à colonnettes*) с изображением дионисийской сцены, очевидно (судя по обилию желтой накладной краски) апулийского производства. Он датируется сер. IV в. до Р.Х.²³.

Аск с изображением двух бегущих собак (КП-1055, инв. 21777) происходит из коллекции Д.И.Кулаковского. Стилистические особенности росписи позволяют отнести ее к обширному классу асков позднего V в.²⁴.

Из коллекции Д.И.Кулаковского происходит также и лекиф (КП-1061, инв. 21775) с изображением головы Гермеса в петасе с крыльями. Датируется сосуд 30-20-ми гг. V в. до Р.Х. Роспись выполнена Мастером Растрепанных волос (*Straggly painter*).²⁵

Аск с изображением двух сидящих пантер (КП-874, инв. 643) происходит из коллекции А.Я.Гидалевича. Датируется он 400-375 гг. до Р.Х.²⁶.

Четыре сосуда из коллекции музея не имеют паспортных данных. Это крышка леканы (КП-1058, инв. 629) с четырьмя головка-

ми в саккосах, изображенными попарно лицом друг к другу. Леканы с такого типа относятся уже к концу существования краснофигурной техники (последняя четверть IV в. до Р.Х.)²⁷.

К этому времени относится и килик на низкой ножке (КП-1054, инв. 627) с изображением юноши в гиматии на внутренней стороне доньшка, окруженной вьющейся по стенкам гирляндой плюща. С внешней стороны стенок — юноши в гиматиях попарно²⁸.

Миниатюрная пелика (КП-1086, инв. 641) с изображением мисов у алтаря имеет многочисленные аналогии²⁹. Роспись относится к концу V в. до Р.Х.³⁰.

Любопытный образец умелой подделки представляет собой килик без ножки на кольцевом поддоне (КП-1052, инв. 626). Хотя роспись довольно удачно скопирована с чаш середины V в. (юноша-атлет и девушка), однако качество глины и лакового покрытия, представляющего собой обычную свинцовую глазурь, не имеет ничего общего с аттической керамикой.

П р и м е ч а н и я:

1. Одним из первых мысль о необходимости учреждения в России Ученых Архивных Комиссий высказал историк-юрист Н.В.Калачев, бывший первым директором Археологического Института в Петербурге. На основании выработанного Академией Наук "Положения об Ученых Архивных Комиссиях" в 1884 г. были открыты первые в России Ученые Архивные Комиссии — Тверская, Тамбовская, Рязанская, Орловская. В начале 1887 г. была организована Ученая Архивная Комиссия и в Таврической губернии. Председателем ее был назначен А.Х.Стевен (сын знаменитого ботаника Х.Х.Стевена), помощником председателя — инспектор учительской школы И.И.Казас, правителем дел — преподаватель мужской гимназии Ф.Ф.Лашков. Об организации ИТУАК и Музея Древностей при ней см. ИТУАК, I (1887), с. 20-21; 48 (1912), с. 256-258.

2. Научный архив КЮМ, архив ИТУАК, КП-23079, Д-8779, папка 4.

3. ИТУАК 8 (1889), с. 123; ИТУАК 4 (1888), с. 76; ИТУАК 10 (1890), с. 153; ИТУАК 14 (1891), с. 132; ИТУАК 18 (1893), с. 133.

4. ИТУАК 48 (1912), с. 273.

5. Научный архив ККМ, архив ТУАК, папка 2, с. 55, КЛ-23072 Д-8772.

6. О Ю.И.Кулаковском см. ИТУАК 57 (1920), с. 324-336.

7. Абрам Яковлевич Гидалевич, доктор медицины, коллекционер, краевед, действительный член Таврической Ученой Архивной Комиссии с 1887 г., автор нескольких интересных статей, посвященных древним рукописям крымчаков, караимов и евреев, найденным в Крыму, краеведческих исследований, гласный Городской Думы. Умер в 1921 г. - см. Научный архив ККМ, КЛ-23075, Д-8775. Архив ТУАК. Опись I № 9, с. 26 (О судьбе его брата Арона см. статью Т.И.Костромичевой, А.В.Шевченко в этой же книге. - Ред.).

8. Там же, с. 26.

9. Отчет I съезда Крымского областного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта (КрымОхриса) в г.Севастополе 5-9 октября 1922 г. Бахчисарай, 1922, с. II.

10. Там же, с. 16.

11. Там же, с. 33, 34, 41.

12. В.Кн. Александр Михайлович - внук Императора Николая I, двоюродный дядя Императора Николая II, муж Его сестры Ксении. Родился в 1866 г. С 15 лет - на кораблях Балтийского флота. В 1886-89 гг. совершил кругосветное путешествие. С весны 1892 г. вновь на Балтийском флоте, командовал отрядом миноносцев. В.Кн. Александр Михайлович стоял у истоков русской авиации, был также начальником Главного Управления Портов и Торгового Мореплавания. Имение Ай-Тодор в Крыму принадлежало еще его родителям. Он предпринял регулярные раскопки римского укрепления Харакс (с 1896 по 1911 г.), которые дали богатые научные результаты. В.Кн. Александр Михайлович увлекался также нумизматикой, поддерживал связь с коллекционерами, торговцами древностями: есть свидетельство И.А.Терлецкого, известного керченского коллекционера, о его контактах с Великим Князем по поводу покупки у него последней части нумизматической коллекции (Научный архив ККМ. Архив А.Л.Бертье-Делагарда, ККМ КЛ-23050, Д-8765, письмо И.А.Терлецкого А.Л.Бертье-Делагарду за 1911 г.). По просьбе Великого Князя коллекцию античной керамики, стекла и др. пред-

метов систематизировал и описал К.К.Коспюшко-Валюжинич незадолго до своей смерти в декабре 1907 г. К сожалению, опись, составленная им, пока не найдена.

Великолепная коллекция В.Кн., состоявшая из большого количества расписных аттических и итальянских ваз, оказалась впоследствии рассеянной по многим музеям Крыма. Верным признаком, указывающим на принадлежность сосуда к коллекции, является укрепленная на дне этикетка в виде марки с указанием на ней местонахождения сосуда во дворце и номера по описи. Одни вещи из этой коллекции, видимо, были закуплены в Керчи, другие – могли быть результатом зарубежных поездок и плаваний Великого Князя. В 1919 г. В.Кн. Александр Михайлович эмигрировал – обстоятельства изложены в опубликованных в журнале "Юность" за 1991 г. (№№ 3, 4) главах его "Книги воспоминаний" (Париж, 1933, Прил. к "Иллюстрированной России" .

13. Отчет I съезда ... КрымОхриса..., с. 41.

14. В книге поступлений ЕКМ указано, что пелики КП-633 и 634, фрагменты асков КП-546 и 547 были переданы в 1932 г. из ЦМТ. Оттуда же поступили боспорские акварельные пелики.

15. М.М.Кобылина. Поздние боспорские пелики. – МИА № 19, М., 1951, с. 140, 147, 150, 156, 157, 162, 163; рис. 8 Ш-й) ряд, посредине; рис. 15, нижний ряд, первое; рис. 16, верхний ряд, первое.

16. Научный архив Крымского Краеведческого музея, опись I-10 "Акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Центральному краеведческому музею Крымской АССР" от 1 сентября 1944 г., на 77 стр.; опись – на стр. 4-21.

17. Там же, с. 2.

18. Там же, с. 28.

19. Там же, "Опись № 4 материалов Археологического отдела ЦКМ, изъятых профессором Штампфусом на основании распоряжения Симферопольского градоначальника 4.П.1944 г."; расписные сосуды указаны на с. 22.

20. Архив Крымской области (Республики Крым) Ф.Р-3814 оп. 1, ед. хр. 301, л. 2.

21. ARV² p. 1431-4.
22. ARV² p. 1507-9.
23. A.Cambitoglu, A.D.Trendall. The Red figured vases of Apulia. Vol. 1. Oxford, 1978, p. 328.
24. ARV² p. 1366-7.
25. ARV² p. 1367-8.
26. ARV² p. 1505.
27. ARV² p. 1501.
28. ARV² p. 1521-7.

29. Д.И.Козуб. Краснофигурная пелика из ольвийского предградья. - Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 76-82, рис. 1-4.
30. ARV² p. 1358-9.

© 1994 г.

И. В. Гудименко

ГРЕЧЕСКАЯ РАСПИСНАЯ КЕРАМИКА ИЗ ФОНДОВ АЗОВСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

В фондах археологии Азовского Краеведческого музея хранится небольшое – 610 единиц – собрание греческой расписной керамики. Вещи происходят из разных коллекций. Пять расписных сосудов поступили в музей из фондов Государственного Эрмитажа в конце 70-х годов без документации, но с учетными обозначениями на предметах: литер Б и четырехзначные шифры. На чернолаковом амфориске сохранилась бумажная бирка с надписью "Дар Гриневича. 1913 г.". Возможно, эти предметы поступили в Эрмитаж из частных коллекций и от отдельных дарителей в дореволюционное время. Скорее всего, большая часть сосудов происходит из некрополей и городищ Боспора.

Расписная керамика из Эрмитажа – это:

1. Боспорская краснофигурная пелика с грушевидным туловом, сравнительно низким горлом и слегка изогнутыми ручками. Изображение на тулове пелики двустороннее: А. Амур на лошади и менада с тимпаном. Б. Две фигуры в гиматиях у жертвенника. Изображения ограничены сверху и снизу поясами ов; пояс ов также по венчику сосуда. АКМ ^{КП-18952}
^{ОА-19371}. Высота – 21,1; диаметр тулова – 14,5; венчика – 13. Номер ГЭ: Б 9164. Вторая четверть – середина IY в. до Р.Х.

Аналогия: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. Л., Наука, 1980, с. 123, табл. XII, № 146.

2. Ионийская амфора красной глины, расписанная черным лаком. На горле – орнамент в виде двойного ряда сердцевидных листков. Плечи украшены продольными короткими мазками черного лака. Средняя часть тулова сплошь покрыта лаком. На нижней части тулова – пояс лучей, сужающихся кверху. АКМ ^{КП-18952}
^{ОА-19372}. Высота – 24,3; диаметр тулова – 15,6; венчика – 12,1. Номер ГЭ: Б 8958. У в. до Р.Х.

3. Чернофигурный лекиф на высокой кольцевой подставке. Тулово высокое, слегка расширяющееся кверху. Венчик конусовидный. Горло высокое, узкое. Лак коричневатый-черный, довольно

жидкий. Плечи украшены частыми короткими продольными лучами, расположенными в два ряда. На средней части тулова — композиция из четырех фигур (слева направо): всадник вправо; женщина в гиматии на высокой скамье с кифарой в руках; мужчина, возлежащий на ложе и беседующий с всадником, находящимся справа от него. АКМ ^{КП-18952}
^{ОЛ-19376}. Высота — 17,1; диаметр тулова — 5,6; венчика — 3,6. Номер ГЭ: Б 9050. У в. до Р.Х.

4. Чернофигурный лекиф на высокой кольцевой подставке. Тулово высокое, слегка расширяющееся кверху, венчик конусовидный. Горло высокое, узкое. Лак — коричнево-черный, довольно жидкий. Плечи украшены двойным рядом продольных коротких частых "лучей". Средняя часть тулова украшена изображениями трех пальметт, расположенных в ряд. АКМ ^{КП-18952}
^{ОЛ-19377}. Высота — 13,4; диаметр тулова — 4,7; венчика — 3,0. Номер ГЭ: Б 9202. У в. до Р.Х.

5. Миниатюрный арибаллический лекиф на низкой кольцевой подставке. Тулово приземистое, венчик конусовидный, горло высокое, узкое. Лак коричнево-черный. Часть ручки, венчик и горло со стороны ручки покрыты черным лаком. Передняя часть тулова, не покрытая лаком, украшена изображением пальметты. АКМ ^{КП-18953}
^{ОЛ-193713}. Высота — 5,8; диаметр тулова — 3,1; венчика — 2,2. Номер ГЭ: Б 9155. У в. до Р.Х.

Из раскопок курганного некрополя Елизаветовского городища происходят два греческих расписных сосуда:

6. Большой чернофигурный килик на низкой ножке; венчик слегка отогнут, ручки довольно тонкие, горизонтальные. Лак густой, черный. А и Б: одинаковые сцены туалета на фоне схематически переданных виноградных лоз. По сторонам ручек — две пары крупных пальметок. Роспись очень небрежная, силуэты фигур расплывчатые; складки одежды обозначены небрежными резными линиями, АКМ ^{КП-15203}
^{ОЛ-110/96} ЕМ 76/71. Курган 58, погр. 2. Высота — 10,8. Диаметр венчика — 19.

Публикация: Брагинский И.В. Греческий керамический импорт... с. 125, табл. XIII, XX, № 154. Конец первой — начало второй четверти У в. до Р.Х.

7. Краснофигурный скифос со слегка отогнутым венчиком. Ту-

лово слегка расширяется, затем довольно резко сужается ко дну. Небольшие горизонтальные ручки прикреплены под венчиком. Лак черный, блестящий.

А. и Б.: обращенные друг к другу фигуры "мистов". Левый обнажен, в вытянутой правой руке держит стригиль; правый одет в длинный гиматий, в правой руке держит посох. Роспись белая, небрежная, фигуры расплывчаты, прически трактованы как черная масса, на лицах обозначены лишь глаза и брови. Под ручками большие пальметки, обрамленные ветвевидным валотообразным орнаментом, доходящим до фигур. АКМ ^{КП-16700}
~~ОА-1317219~~ ЕМ 75/77. Курган 45, насыпь. Высота - 10, диаметр венчика - 12,25, подставки - 8.

Публикация: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт... с. 130, табл. XV, № 176. Вторая четверть IY в. до Р.Х.

Из сборов при раскопках разрушенного некрополя У-III вв. до Р.Х. в окрестностях хутора Дугино (пункт Дугино-Х) в 1984 г. происходят два чернофигурных сосуда:

8. Большой глубокий килик на низкой ножке. Лак черный, блестящий. А. и Б.: одинаковые сцены: сатир с тирсом в вытянутой руке преследует менаду. Между ними виноградные лозы. По сторонам ручек - крупные пальметки. Роспись белая, очень небрежная. Силуэты фигур расплывчаты. АКМ ^{КП-22173}
~~ОА-320~~. Дугино-84-Х. Случайная находка. Высота - 9,5; диаметр венчика - 17,5, подставки - 9,8.

Аналогии: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт... с. 125, табл. XIII, № 155. Конец первой четверти У в. до Р.Х.

9. Небольшой килик, аналогичный вышеописанному, не худшей сохранности. Лак на внешней поверхности значительно отслоился. По остаткам изображения можно предположить, что композиция была аналогична описанной на предыдущей килике. АКМ ^{КП-22174}
~~ОА-321~~. Дугино-84-Х. Случайная находка. Высота - 8,4; диаметр венчика - 13,6, подставки - 7,6.

Аналогии: Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт... с. 125, табл. XIII, № 155, 156 (?). Конец первой четверти У в. до Р.Х.

При раскопках кургана 2 группы Бушуйка в 4 км к С-З от

с.Высочино Азовского района Ростовской области, в погребении 10 была обнаружена:

10. Амфора красной глины на колесном поддоне. Тулово амфоры яйцевидной формы, горло вертикальное, чуть расширяющееся кверху, переходит в раструбный венчик. Вся внешняя поверхность покрыта ангобом грязно-желтого цвета. Поверх ангоба нанесена роспись лаком красного цвета. По венчику, нижней части венчика и по нижней части горла проходят широкие горизонтальные полосы; горло украшено зигзагообразным орнаментом. От горла к расширению тулова опускаются сужающиеся книзу лучи. На внешней поверхности ручек нанесены поперечные полосы, от нижней полосы к небольшому диаметру опускается по два луча. Высота амфоры - 37,3; диаметр венчика - 14,3, тулова - 29, поддона - 11,8. АКМ ^{КП-22940} ~~ОА-353744~~.

Публикация: Беспалый Е.И., Парусимов И.Н. Комплексы переходного и раннескифского периодов на Нижнем Дону. - СА, 1991, № 3, с. 192, рис. 6, 20. Североионийский круг. Середина IY в. до Р.Х.

УТОЧНЕНИЕ

Справка, полученная из Гос. Эрмитажа от Н.Э.Куниной, позволяет уточнить сведения И.В.Гудименко. Литера Б в шифре Эрмитажа означает керамику, приобретенную из частных коллекций, т.е. все пять расписных сосудов, упомянутых И.В.Гудименко, действительно происходят из частных коллекций. Из коллекции гр. И.И.Толстого, столь тесно связанного с Северным Причерноморьем, поступили в Эрмитаж по акту № 879 от 17/X-1953 г. краснофигурная пелика (Б. 9164) и арибаллический лекиф (Б. 9155). Происхождение чернофигурных лекифов выяснить не столь просто. Лекиф № Б. 9050 поступил по акту № 695 от 31/XII-1949. Больше сведений нет. Лекиф № Б. 9202 поступил в Отдел Античного мира из Отдела Истории первобытной культуры Эрмитажа по акту № 266 от 20/IV-1955 г., а в этот отдел - из Музея Этнографии. Далее следы пока не прослеживаются (- Ред.).

© 1994 г.

И. П. Нерубенко

КОЛЛЕКЦИЯ КРАСНОФИГУРНОЙ КЕРАМИКИ В КУРСКОМ ОБЛАСТНОМ КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Собрание Курского областного краеведческого музея включает небольшую коллекцию античной керамики, около полутора десятков экспонатов, и среди них четыре краснофигурных сосуда: две пелики и две гидрии. Сосуды полностью не описаны, не атрибутированы. Происходят они из фондов Старого музея, т.е. музея Курской Ученой Архивной Комиссии (официально открыт в 1903, практически – в 1905 г.). Судя по тому, что в 1899 г. секретарь Курского Губернского Статистического Комитета обращался в Московское Археологическое Общество с просьбой помочь определить некоторые вещи, среди которых, помимо костей вымерших животных, серебряных римских монет, стеклянных и глиняных бус, находились и античные вазы^х, можно полагать, что вышеупомянутые сосуды находились в фондах Курского музея уже при его открытии. Однако, книги учета дореволюционного и довоенного времени утрачены, и с уверенностью утверждать это, а тем более идентифицировать "те" вазы с вазами нынешнего Курского музея было бы не вполне корректно.

В музее четыре античных вазы. Судя по форме сосудов и росписи, одна связана с Северным Причерноморьем, три другие – с Южной Италией.

Пелика КОКМ-379I, ВК-45I поступила в музей из фондов Музея Архивной Комиссии: ни дата, ни место находки неизвестны, как неизвестен и изначальный источник поступлений. Размеры: общая высота – 22,0 см, диаметр тулова – 14,0 см, поддона – 8,5 см. Глина оранжево-коричневая светлая, без вкраплений, лак черный, тусклый, белая накладная краска, на поверхности

^х Использованы материалы Методического пособия Курского краеведческого музея. Сост. Г.Н.Голобокова (маш.), Курск, 1987. См. также: Струкова Л.В. "Нашему музею 65 лет". – "Краеведческие записки", вып. 3, Воронеж, 1968.

сколы, выкрошка. Часть венчика утрачена, на горле и тулове полоса овы, на венчике овы утрачены почти полностью.

Сюжет росписи, композиция, даже отдельные элементы техники исполнения характерны для боспорской керамики IV в. до Р.Х. На стороне А – протомы коня, "амазонки", грифона влево, на стороне Б – двое юношей в профиль лицом друг к другу, задрапированные в гиматий. Лицо "амазонки" традиционно покрыто белой накладной краской. Конь в сбруе, с оскаленными зубами, длинными ушами, короткой гривой, переданной волнистыми линиями, и "килевидной" грудью. Стиль росписи отличается и от "керченского", и от стиля античного IV в. до Р.Х. в целом. При обычно плоскостной трактовке фигур протомы КОКМ 379I, ВК-45I исполнены выпукло и объемно. Встает вопрос о подлинности сосуда.

К южноиталийским вазам относится пелика КОКМ-3790, ВК-452 как и предыдущая, поступила из фондов Музея Курской Ученой Архивной Комиссии. Размеры: общая высота – 19,0 см, диаметр венчика – 10,0 см, тулова – 10,8 см, поддона – 7,0 см. Глина оранжево-красная, без вкраплений, лак черный, тусклый; накладные белая и желтая краски. На поверхности пелики – небольшие сбои и потертости лака. Вспомогательный орнамент: на горле – мотив волны с двумя горизонтальными линиями над ней, оставленными в цвете глины, на тулове – одна горизонтальная линия. Под ручками – пальметты. На сторонах А и Б изображение женской головы в профиль влево. На голове у женщины богато украшенный мекрифалос (головная сетка), орнаментированный белой и желтой краской, в ухе серьга, по форме имитирующая виноградную гроздь. По ней вертикально расположены три белых точки. Волосы из-под сетки плотной массой ниспадают на лоб. У женщины непропорционально широкая шея, маленький сжатый рот, тонкий нос и тяжелый подбородок. Большой глаз показан треугольником с точкой, зрачком, посередине (угол треугольника – у виска). Бровь и внутренняя линия века переданы двумя параллельными прямыми. Фон богато орнаментирован. Над головой три схематично представленных (две сближенные точки, под ними "палочка") виноградные грозди, выделен-

ные белой накладной краской. Судя по типу изображения, ваза происходит из Апулии.

Две гидрии КОКМ-140II, ВК-445 и КОКМ-53903, ВК-446 роднит стиль росписи и тематика. Одна – КОКМ-140II, ВК-445 – как будто поступила из фондов старого музея, вторая – КОКМ-53903, ВК-446 – не имеет ссылки на источник поступления и атрибутируется с огромным допуском по общей аналогии с КОКМ-140II, ВК-445.

Размеры КОКМ-140II, ВК-445: общая высота – 42,4 см, диаметр венчика – 16,9 см, диаметр тулова – 26,5 см.

Глина оранжево-коричневая, без вкраплений, лак черный, блестящий, белая накладная краска. Утрачены ручки, значительная часть венчика, больше половины поддона. Сбои и потертости лака. Вспомогательный орнамент – овы на венчике и тулове. Изображение многофигурное. В центре на ложе полуобнаженная пара. Эроты-мисы, парящие над нею, держат в руках свадебные дары и тени. Слева от ложа – другая, беседующая пара, справа – две, обнаженная и полуобнаженная, женщины (служанки?). Изображение с каждой из сторон замыкает дерево с сидящей на нем птицей и животное, слева лев, справа пантера. Слева дерево безлистное, справа – с густой лиственной кроной. При трактовке сюжета хотелось бы видеть в нем сад Гесперид и Геракла, этот сад посетившего.

Гидрия КОКМ-53903, ВК-446. Размеры: общая высота (без поддона) – 34,4 см, диаметр венчика – 15,3 см, тулова – 27,0 см. Глина оранжево-коричневая, без вкраплений, лак черный, блестящий, белая накладная краска. Утрачены часть венчика и поддон, подправлено дно, сбои и потертости лака. Вспомогательный орнамент: овы на венчике тулова.

Изображение многофигурное. Сюжет – священный брак. Слева направо сидящий и играющий по авлосе сатир. Между двух крылатых Эротов закутанная в гиматий с появившейся в волосах фигура, которую Эрот ведет к ложу. Перед фигурой – менада. На ложе – полуобнаженная фигура с тирсом; под ложем – овальный предмет, покрытый, как и тела Эротов, белой накладной краской.

Принадлежность к вжноталийской традиции в росписи этих

ваз удостоверяется стилем причесок у Эротов-Мисов (КОЮМ-I40II, ВК-445) и общим резким угловатым контуром лиц с тяжелым подбородком, частым на этих вазах.

Из дискуссии

И.В.Шталь: Доклад И.П.Нерубенко, подкрепленный иллюстративным материалом, вызвал совершенно особый интерес.

Пелика КОЮМ-379I, поступившая из фондов Архивной Комиссии, имеет поддельную роспись, имитирующую хорошо известный на пеликах керченского стиля сюжет: протомы коня, "амазонки", грифона влево. Подделка не вызывает сомнения уже по манере изображения деталей лица и самого профиля амазонки.

В соответствии с правилами новоевропейского академического рисунка выписаны, что никогда не наблюдается на керченских пеликах, горловой хрящ и ресницы, закрашены ноздри, утолщена сужающаяся к краям бровь. Волосы ото лба — едва ли не по моде XIX столетия — зачесаны вверх, а не показаны, как обычно, прямой линией или завитками, спадающими на лоб. Украшения на саккосе лишены обязательной для керченской вазописи дионисийской символики, и вместо трехточия (графическое изображение виноградной кисти) или пятна в форме плоского листа предстают кружочком с точкой посередине. Последнее имеет отношение, естественно, не к символике дионисийства, но к узорам по материи конца XIX столетия. Не менее выразительны детали нового эстетического канона в изображении коня: рот животного приоткрыт, выписаны плотно сжатые зубы, длиннейшая волнистая грива, утолщенное верхнее веко, на груди и шее видна ретушь. Что же касается грифона, то он в своей иконографии настолько удивителен, что здесь уже следует говорить о полном непонимании античной трактовки образа и наложении народных русских представлений о страшилищах на живописную античную традицию. Шея грифона, как у членистоногого, разделена полудужками, начиная от морды вниз. Точки, помечающие основания маховых перьев, превратились в точечную орнаментальную линию, горизонталы маховых перьев утратили изначальный смысл в изгибе того же орнаментального свойства.

На обратной стороне пелики традиционные фигуры мистов, вместе с издержками в стилизованной прическе: локонах, ниспадающих на плечо, — обрели бессмысленное с точки зрения графического исполнения наложение пятен черного лака, обычно в росписи ваз несущих смысловую нагрузку разделения частей тела, одежды и т.п.

Изображение на пелике КОКМ-379I, ВК-45I имеет непосредственную аналогию в росписи пелики Музея зарубежного искусства Латвии инв. № К-1638. Однако, согласно заключению химической лаборатории Государственного Эрмитажа (регистр. № 487, 28 апреля 1989 г.), куда пелика Латвийского музея поступила на экспертизу, роспись пелики не подлинна: "по данным микрохимического и ИК спектрометрического методов анализа, красочный слой исследуемого экспоната водорастворим и представляет собой смесь сажи и связующего на углеродной основе. В состав нисолов на внутренней поверхности сосуда входят сульфаты, карбонаты и хлориды кальция и других щелочно-земельных элементов. Принимая во внимание, что на подлинные аттические изделия наносились покрытия типа полизы, на основе легкоплавкой свинцово-силикатной стекломассы с черным железистоокисным пигментом, химически устойчивые и нерастворимые в воде, можно заключить, что изученный образец скорее всего является подделкой".

Само происхождение пелики из Рижского музея несколько неопределенно. Пелика перешла в коллекцию Музея из фондов Латвийского университета, место ее находки неизвестно. Ко всему сказанному следует добавить: и пелика из Курска, и пелика из Риги — подделки, но подделки особого рода, само появление их не лишено интереса. Это подделки, учитывающие спрос на античную северопричерноморскую керамику, вазы керченского стиля, воспроизводящие, копирующие определенную хорошо известную древнюю роспись, но бессознательно привносящие в нее нормы эстетического восприятия своей эпохи и забвение, непонимание норм далекой от нее античности.

Остается добавить, что соответствующий анализ мог бы показать, не является ли роспись на вазах росписью по дефектному, стертому рисунку и, тем самым, не существовало ли в России

конца прошлого – начала нынешнего века мастерской, учитывающей потребительский спрос на вошедшую в моду античную керамику. Добавим далее, что соответствующие экспонаты, воспроизводящие античные вазовые сюжеты на новый лад, часто с оттенком народных фольклорных представлений, есть и еще в нескольких музеях страны.

Что же касается пелики из Великой Греции, пелики южно-италийской (КОКМ-3790, ВК-452), то роспись ее имеет аналоги в музеях Ялты (Ялтинский краеведческий музей, гидриск ЯКМ – 494), Хабаровская (Дальневосточный художественный музей, кратер, ДВХМ – С-142, КП-1952), Феодосии (Феодосийский краеведческий музей, ФКМ – 745, КП 115), Казани (Государственный объединенный музей Татарстана, блюдо, инв. № 8282, АА 17-47). Одна из этих вещей – гидриск из Феодосийского музея – имеет четкие паспортные данные, связанные с Северным Причерноморьем, случайно найдена на Карадаге сотрудником Отузской карадагской научной станции И.Ш.Шистовским в 1918 г.

Блюдо Казанского музея поступило в той же коллекции А.Ф. Лихачева, в какой состоит пелика с поддельной росписью, воспроизводящей битву амазонки с греком (Казань, инв. № 8373, АА 17-28). Ялтинский гидриск и Дальневосточный кратер по своему изначальному происхождению неясны. Так что вопрос о северо-причерноморском источнике поступления Курской пелики сегодня и важен и интересен.

Наконец, совершенно особое по значимости место для нашего "Свода" занимают росписи гидрий Курского музея. Гидрии эти IY в. до Р.Х., т.е. времени, когда и местная южноиталийская керамика, и аттическая керамика керченского стиля используют с разной степенью интенсивности одни и те же сюжеты. Поэтому неудивительно, что гидрия с сюжетом "Сад Гесперид", или скорее "Парадиз (Рай)" (КОКМ-14011, ВК-445), находит аналогию в полустертом изображении на пелёке Ивановского областного Художественного музея (ИОХМ А-427, КП-3912) и проясняет его.

Однако по общему типу росписей гидрий создается впечатление, что они "переписаны" заново уже в XIX в. по остаткам прежней поврежденной росписи и имеющимся античным образцам.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ КРАСНОФИГУРНОЙ ПЕЛИКИ ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ ИСТОРИИ ГОРОДА-КУРОРТА СОЧИ

Аттическая краснофигурная пелика IV в. до н.э., подготовленная музеем к изданию в "Своде мифо-эпических сюжетов", дошла до нас в поврежденном виде. Сосуд склеен из восьми крупных обломков, при этом значительная часть его оказалась утраченной. Несмотря на фрагментарный характер росписи, определение ее основного сюжета не вызывает особых трудностей. На пелике (сторона А) в центре симметричной трехфигурной композиции изображена менада, преследуемая, по-видимому, двумя силами: левая фигура видна почти целиком, от правой сохранилась рука, лежащая на плече женщины. На стороне Б помещено стандартное изображение двух юношей в гиматиях, стоящих перед жертвенником лицом друг к другу¹.

Вопрос о времени и обстоятельствах поступления пелики в музей до сих пор остается неясным ввиду отсутствия необходимых сведений. Судя по номерам на одном фрагменте (3192 - наиболее ранний, А-5183/1 и СМК-0-А-2545/2), за период хранения сосуд был трижды подвергнут инвентаризации. Все попытки установить точную дату первой инвентаризации не увенчались успехом; что касается двух последующих номеров, то они должны быть отнесены соответственно к 1939 и 1954 гг. Учитывая факт создания Сочинского музея краеведения² в 1920 г., можно ориентировочно датировать появление пелики в музейном собрании 20-30-ми годами текущего столетия.

Несравненно более важным и заслуживающим внимания представляется вопрос о месте находки рассматриваемого сосуда. К сожалению, сохранившаяся документация также не содержит никаких указаний на этот счет. Если мы обратимся к самой старой части археологических фондов музея, то обнаружим здесь свыше трех десятков античных предметов из довоенных поступлений - алабастр из камня-алабастра, полихромные сосудики из "финикийского" стекла, краснофигурные арибаллические лекифы, "иегарские" чаши, стеклянные бальзамарии, терракотовые статуэт-

ки и маски, гипсовые украшения саркофагов и др. Перечисленные находки, подобно нашей пелике, снабжены тремя разновременными номерами, среди которых самые ранние (3155 и далее) образуют обособленную группу и не сопровождаются музейной аббревиатурой. Наряду с пеликой большинство этих вещей было введено в научный оборот Ю.Н.Вороновым³, который без колебаний признал их местными находками, связав с греческим поселением, якобы существовавшим на территории Сочи, в устье реки Мамайки⁴. Действительно, согласно записи в книги поступлений вспомогательного фонда, одна фрагментированная "мегарская" чаша⁵ (Бф-833) была "найдена на Мамайке, возле крепости" (имеется в виду средневековая крепость Мамай-Кале, от которой к настоящему времени сохранились лишь незначительные остатки). Возможно, тот же паспорт имеет другой аналогичный рельефный сосуд, зарегистрированный под следующим номером без ссылки на его происхождение (не опубликован). Впрочем, к вышеуказанной записи следует относиться с известной осторожностью, поскольку до сих пор не выявлено никаких материальных следов греческого поселения в устье упомянутой реки. Остальные же предметы, входящие в состав разбираемой коллекции, все без исключения лишены паспортных данных. Между тем при ближайшем рассмотрении эти находки обнаруживают одну характерную особенность — они принадлежат к числу изделий, которые в свое время широко бытовали на территории Боспора. Весьма показательны, что многие из них представляют собой продукцию боспорского ремесла. Это обстоятельство позволило Ю.Н.Воронову утверждать о существовании в районе Сочи "греческого поселения, основанного скорее всего боспорцами и соответственно поддерживающего связь главным образом с Боспором"⁶.

Если допустить, что все описанные предметы действительно были обнаружены на одном памятнике, то неизбежно возникает ряд недоуменных вопросов. Прежде всего, состав находок, степень их сохранности и довольно широкий хронологический диапазон (V в. до н.э. — первые века н.э.) дают возможность заведомо предполагать, что они являются предметами погребального инвентаря и происходят из некрополя крупного античного посе-

ления, существовавшего весьма продолжительный период. Судя по представленным материалам, жизненный уклад обитателей этого поселения носил на себе заметный отпечаток боспорских культурных традиций. Так, в римское время здесь, как и на Боспоре, имел место обычай совершать захоронения в деревянных саркофагах, украшенных терракотовыми масками и гипсовыми налечами⁷. Применительно к местным условиям обрисованная ситуация представляется, однако, маловероятной, исходя из общеисторических соображений. В самом деле, столь длительное существование греческого центра на интересующем нас участке Черноморского побережья было едва ли возможно в силу довольно низкого уровня социально-экономического и культурного развития обитавших здесь племен, образ жизни которых в значительной мере определялся приверженностью к пиратскому промыслу. Наконец, в пользу сказанного свидетельствует и факт полного отсутствия какой бы то ни было информации о местонахождении самого памятника.

Таким образом, приведенные наблюдения не позволяют пока с уверенностью включить охарактеризованные находки в число достоверных источников по истории района современного Сочи в античную эпоху. На наш взгляд, эти вещи могли быть завезены сюда в сравнительно недавнем прошлом, и местом их обнаружения, вероятно, следует считать некрополь одного из боспорских городов⁸. Подобному выводу не противоречит любопытный документ, хранящийся в городском архиве. Речь идет об "Отчете зав. художественным отделом Сочинского музея краеведения В.М. Грековой с 1 по 15 сентября 1921 г.", которая в указанный период работала "над изучением и определением греческой коллекции с керченских раскопок У века до Р.Х."⁹. Это свидетельство делает вполне правдоподобной версию о том, что вышеописанные музейные предметы, включая публикуемую пелику, были найдены не на территории Сочи, а происходят из погребальных комплексов пантикапейского некрополя.

П р и м е ч а н и я:

1. Ю.Н.Воронов. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с.65, рис.29, I. В книге дан графический рисунок лишь оборотной стороны сосуда, тогда как недостающий фрагмент его лицевой стороны вместе с ручкой остался неизвестным автору.

2. С 1960 г. - Музей истории города-курорта Сочи.

3. Ю.Н.Воронов. Указ. соч., с.63, рис.28, I-3; с.64-65, рис.29, 3-4, 6, 8, 12; с.66, рис.30, I-9; с.67, рис.31, I4-I5 (святильник, изображенный под № 15, помечен только двумя первыми номерами). Ранее о тех же материалах достаточно неопределенно упоминал И.Б.Брашинский (К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху. В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968. с.71).

4. О принадлежности этих находок одному памятнику свидетельствуют как пояснительные надписи к рисункам, так и общие, не вполне конкретные замечания, содержащиеся в тексте книги (Ю.Н.Воронов. Указ. соч., с.64-67). Исключение составляет светлоглиняный гуттус, найденный, по словам автора, в с.Аибга (там же, с.67, рис.31, I4).

5. Там же, с.65, рис.29, I2.

6. Там же, с.66.

7. Один из них (лев, терзающий лань) без пояснений воспроизведен в цитируемой работе (там же, с.66. рис.30, 9). Кроме того, в музее хранится неизданный гипсовый рельеф в виде маски Медузы.

8. В связи с этим нельзя обойти вниманием три фрагмента греческих сосудов, которые были опубликованы Ю.Н.Вороновым в числе вещей, найденных на мамайском поселении (там же, с.65, рис.29, 9-II). Наиболее интересен среди них обломок родосско-ионийского килика с розетками (упоминание о нем см.: Ю.Н.Воронов. Рец. на кн.: Н.А.Онайко. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980. - СА, 1984, № 2, с.262). Названные находки входят в состав небольшой беспаспортной коллекции разновременных античных предметов (главным образом, обломков импортной керамики), поступившей в музей в

1939 г. Присутствие в данной коллекции трех фрагментов красной эллинистической штукатурки, столь характерной для Боспора, очевидно, говорит о том, что перед нами обычный подъемный материал, собранный на каком-то боспорском городище.

9. Государственный архив города Сочи, Ф.Р-31, оп.1, ед. хр. 23, л. 31

© 1994г.

И.А.Харитошкина

О МУЗЕЕ УРАЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ЕГО ФОНДАХ

Один из старейших на Урале Екатеринбургский государственный областной Историко-краеведческий музей – наследник традиций и богатых коллекций Музея Уральского Общества Любителей Естествознания.

Уральское общество было создано в Екатеринбурге, тогда уездном городе, в 1870 году по инициативе небольшой группы лиц из местной интеллигенции во главе с преподавателем Екатеринбургской мужской гимназии О.Е.Клером.

В состав учредителей входили дворяне, купцы и промышленники, горные инженеры и врачи, учителя и священники. Для них смысл Общества состоял в сборе исторической и природоведческой информации о крае и распространении в нем просвещения. Работе Общества способствовали поддержка земских и городских самоуправлений, а также научных обществ России.

Уральское Общество Любителей Естествознания издавало на двух языках, русском и французском, "Записки". Первый том вышел в 1873 г.: всего за время работы Общества свет увидело 40 томов со статьями по различным областям знаний.

Широкий обмен научной информацией с академическими учреждениями Англии, Франции и других стран Западной Европы, а также частные пожертвования позволили Обществу собрать богатейшую библиотеку.

С момента основания Общества создание библиотеки и краеведческого музея рассматривалось как одно из главных направлений его деятельности. Начало музею положили минералогическая и зоологическая коллекции, несколько гербариев и отдельные экспонаты.

В 1879 году было принято решение о создании Археологического отдела Музея. В 1889 году фонды музея значительно пополнились за счет экспонатов, переданных сюда после закрытия Урало-Сибирской научно-промышленной выставки. В 1888 году Музей открылся для посетителей и был составлен его первый

каталог. В 1903–1905 годах в Музее возникли отделы Художественный и Исторический. Многие замечательные поступления тех лет стали ядром ныне существующих коллекций, в том числе античной.

Современная античная коллекция, насчитывающая около 90 единиц хранения (пелика, слезницы, амфоры, ручки и горла амфор, светильники, облицовочные плитки, черепицы, строительные кирпичи), не составляет единого цельного комплекса, но состоит из дарений, преподнесенных музеем различными лицами в начале XX века. Сохранившаяся не в полном объеме документация тех лет, предельная лаконичность записей архива позволяют лишь в общих чертах воссоздать историю комплектования этой коллекции.

Было принято полагать, что античная коллекция, хранящаяся в современном музее, – это коллекция, поступившая в дар Музею Уральского Общества от Владимира Владимировича Голубцова (1856–1891), помещика, дворянина. Л.-Гв. Гусарского полка ротмистра в отставке, участника Русско-турецкой войны, действительного члена Уральского Общества Любителей Естествознания с 1882 года. Обращение к архивным документам позволило установить имена еще трех дарителей: Л.И.Крыжановского, М.Л.Коцинской, П.Ф.Первушина. Наиболее поздними по времени поступления стали предметы, переданные в 1922 году из музея Народного Университета.

Достаточно полно и точно установить источник поступления в Музей Уральского Общества краснофигурной пелики, одного из лучших экспонатов античной коллекции, представленной Екатеринбургским Краеведческим музеем для "Свода мифо-эпических сюжетов", установить не удалось. Однако в архивах обнаружено указание на место находки, опущенное при заполнении последующих книг поступления. В инвентарной книге 1935 года, где пелика значится в разделе коллекций из старых сборов, сделана пометка "Найдено близ Керчи".

**III. К ИСТОЛКОВАНИЮ СЮЖЕТОВ
БАЗОВОЙ РОСПИСИ**

МИФ, КУЛЬТ, ЭПОС В ГРЕЧЕСКОЙ ВАЗОПИСИ
КЕРЧЕНСКОГО СТИЛЯ
(IУв. до Р.Х.)

В "Своде мифо-эпических сюжетов" в его первом томе, собрано более 200 сосудов, целых и фрагментированных, с узнаваемым, однако, сюжетом. Цель - представить информацию о мифе, культе, эпосе, какую дает роспись этих сосудов. Материал огромен и речь пойдет только о росписях, сюжетно напрямую связанных с Дионисом и его кругом.

Сосуды эти - пелики, добытые, в основном, из погребельных комплексов, некрополей различных городов и поселений Северного Причерноморья, все они - IУ в. до Р.Х., большинство - второй его половины и, так или иначе, все они в конечном итоге связаны с дионисийством, как религией народных глубин, с его мифом, культом и, думается, эпосом.

Есть целая серия ваз, роспись которых отвечает на вопрос, как и какой представляли себе последователи дионисийства жизнь после смерти и как мыслили себе приобщение к этой жизни^I.

О том, что жизнь после смерти продолжалась, у людей, для которых расписывались вазы, для погребенных в некрополях и их родных, сомнений быть не могло. На оборотной стороне пелик - едва ли не большинства их, - и значительно реже на лицевой стороне, облаченные в гиматий мисты совершают культовое действо у низких алтарей, посвященных богам Преисподней, или у стел, стоящих на могилах.

Бывает, что на расписном изобразительном пространстве вазы представлено трое мистов (КМАК-50¹), бывает, что заузенное изобразительное поле занимает один (КМАК-23). Но чаще всего мистов двое. Они повернуты в профиль лицом к центру.

на некоторых изображениях раннего периода с точной передачей деталей, в волосах у мистов - головные повязки или венки, знак приобщения к культу и ритуалу (ККм КП-1086; 0-75/ некр. 528; 0-66/288, 1029, 103; КМ-3614/113).

Между мистами располагается алтарь или стела; выпростан-

ная из-под гиматия рука тянется к алтарю, сжимая в ладони горло арибалла (ОАМ-22040), ЯКМ КП-795 А₁ 3II; КМАК-2I) или, присогнутая в локте, держит тимпан. Жирная овальная линия внутренней росписи помечает часто его край (КМАК-52). Нередко тимпан орнаментирован крестом с точкой в каждом секторе (КМАК-2, КМАК-2I, ЕКМ-633, А-225I). Бывает, что овальная линия и крест совмещаются в одном изображении (РОМК КП-1I88).

Временами над алтарем в свободном парении висит фиала или арибалл, соответственно переданные графически как круг с точкой посередине (ЕКМ КП-633, А-225I; ЯКМ КП-773 А 249 А₄-II) и неправильной формы круг с большой точкой-отверстием, смещенным к краю (ККМ КП-2052), или с полукружьем и малой точкой в нем, смещенными к краю (ЕКМ КП-28750 А-297I), или только с малой точкой, расположенной точно так же (ОАМ-2I553).

Случается, что дело происходит в помещении, где есть стена, в которую вбит гвоздь, и тогда сосуд (арибалл) подвешен к стене (ОАМ-2I553).

Алтари, судя по графически переданным отверстиям и желобкам на них, предполагают возлияния маслом, вином, а, возможно, и кровавые жертвы (ОАМ-22684, КМАК-8I6I). На сравнительно ранних сосудах, где обращение к подземным богам представлено в росписи наиболее детально, к низким алтарям склоняют венки и ветви, покрытые листвою (ККМ КП-1086; 0-75/ некр. 528; 0-66/ 288, 1029, 103). И делают это, судя по собранию "Свода" женщины.

Отнюдь не всегда в росписи пелик с сюжетом заупокойного культа предстают только мисты, оплакивающие покойных, вызывающие к насильникам мира иного. Так, на пелике из Одессы человек, стоящий слева с тирсом в правой руке, еще, возможно, и мистагог, наставник (ОАМ-2I538). Однако, закутанные в гиматии юноши, также стоящие на изобразительном пространстве пелик слева и держащие в левой обнаженной руке стригиль, скорее усопшие, присутствующие при молении (ККМ КП-1085, ОАМ-2I537).

Ведь стригиль, казалось бы, связанный только с палестрой, несет в росписи "керченских ваз", сопричастных дионисийской символике, и другой, дополнительный мистический сущностный

смысл жизни после смерти, являясь символом готовности к супружеству, мужской зрелости миста, миста усопшего²..

Епрочем, вполне возможно, этот же стригиль имеет и смысл мистического ключа, открывающего вход. Недаром на пелике КМАК-480 мист слева (сторона А) стоит со "стриги́лем", волнообразно изогнутая ручка которого завершается кольцом.

Весь набор возможных ритуальных атрибутов вовсе не предполагал их обязательное размещение на изобразительном пространстве каждой пелики. Присутствие атрибутов – знак происхождения, прочее, хорошо известное, домысливается. Изобразительная вариативность диктуется умением и вкусом художника. То, что рисунок с изображением заупокойного культа мог располагаться на обеих, передней и задней, сторонах многочисленных пелик (в "Своде" их 15), вполне определенно говорит о самоценности, самозначимости сюжета.

А далее... Ритуальные действия у низких алтарей не остаются без ответа. На одной из пелик (ОАМ-22675) мист, справа, полностью задрапированный в гиматий, стоит перед вырастающей из земли лицом к нему головой богини.

Есть и пелика (КМАК-20), где к мисту движется крылатый Эрот, погребальный Эрот. Мист, справа, стоит у низкого алтаря. Его левая рука скрыта под гиматией, правая вытянута в сторону алтаря. Под ладонью, над алтарем, "в воздухе" располагается овал с крупным полуду́жьем у верхнего края (ритуальный хлеб? арибалл?). Шествующий к мисту Эрот в правой согнутой в локте руке держит тимпан (овал, помеченный косым крестом, в каждом секторе – точка). Левая, согнутая в локте рука Эрота, располагается над алтарем. Под ней – гуттос, сосуд с душистым маслом. На оборотной стороне пелики – с тимпаном (овал, косой крест, точка в каждом секторе) в правой руке уже не Эрот, но мист, и не у низкого алтаря, но у стелы.

У порога смерти, у границ потустороннего, миста встречают богиня и гений чувственной любви и брака. За порогом смерти – жизнь. И не та жизнь, на которую с печалью сетует гомеровский Ахилл, бесплотная тень, мертвый царь мертвых в подземном Аиде, готовый поменяться своим уделом с любым по-

денщиком на земле (Од. XI, 488-491), но жизнь полноценная и полнокровная. Жизнь, в которую вступают через смерть-сон, смерть-брак, и олицетворяет эту жизнь сам владыка инобытия Дионис.

Судя по вазовым росписям керченского стиля, Дионис в IV в. до Р.Х., во всяком случае в религиозных представлениях Северного Причерноморья, – божество синкретическое.

На многих пеликах Дионис сам, верхом на грифоне, преследует "менаду". В ряде случаев правая рука Диониса согнута в локте и приподнята. Над крылом грифона видны запястье и кисть руки, пальцы которой сложены так, как если бы сжимали некий вертикально расположенный предмет. Аналогия подсказывает – это поза Аполлона, летящего на лебедь и держащего в руке лавровую ветвь. Подобная иконография Диониса в позе Аполлона имеет место на ранних вазах (ХИАЗ, KB-3214, ЯМ КП 795, А₁-3II) и вазах поздних, но сохраняющих традицию (ФМ КП 26532 А-5447). Состояние сосудов (фрагментированность) и состояние росписи (осыпи) не позволяют с определенностью говорить, обут ли Дионис, скорее всего он все-таки бос, а если и обут, то в низкие башмаки (ЯМ КП 795 А₁-3II).

Но тот же Дионис-Аполлон, вздымающий руку с невидимой ветвью, на пелике из Керчи обут в варварские высокие сапожки с отворотами (КМАК-50). О том, что перед нами Дионис, свидетельствуют его средство передвижения и атрибут (не лебедь, но грифон), а также такие атрибуты дионисийства, как тимпан под ногами грифона и всадника (КМАК-50) или расположенный на месте тимпана растительный завиток ("расцветший посох", ЯМ КП 795 А₁ 3II).

На прочих пеликах "Свода" при общей иконографической близости рука божества оказывается скрытой за крылом грифона (КМАК-5I, КМАК-IO605). Во всех указанных случаях божество предстает полубогаженным, в коротком греческом плаще, скрепленном застежкой на правом плече (наиболее четко – ЯМ КП 795 А₁-3II).

В росписи великолепной, но, к сожалению, фрагментированной пелики из Херсонеса (ХИАЗ, KB-3214) кудри Диониса-Аполло-

на перехвачены лентой, тот же сакральный мотив прослеживается на феодосийском фрагменте (ФКМ КП 26532 А-5447).

На пелике из Херсонеса видна и фигура Гермеса Психопома, проводителя душ в царство мертвых. Оглядываясь назад, Гермес, с кадуцеем и в петасе, сопровождает того, кого преследует Дионис-Аполлон и кому он, Гермес, указывает путь из этого мира в мир иной. На пелике из Херсонеса этот некто, ведомый Гермесом, утрачен: выбоина и скол, — но перед мордой грифона еще сохранились детали рисунка, которые можно принять за части женской одежды.

На остальных из упомянутых пелик Гермес отсутствует, но зато стереотипная фигура убегающей женщины присутствует повсеместно. Женщина эта причастна дионисийскому культу. При ней или рядом с ней характерные символы мистерий: тимпан, лист плюща, растительный завиток, рог изобилия, — все вместе (КМАК-51) или порознь (ЯКМ КП 795 А₁-311, растительный завиток; КМАК-50, тимпан у ног Диониса; КМАК-10805, лист плюща). Но женщина эта не полуобнаженная менада, спутница Диониса и подруга сатиров; она пристойно одета в женский наряд гречанок: длинный хитон с отворотом, украшенный по подолу, краю отворота и груди. Волосы ее отнюдь не спутаны и не растрепаны в экстатическом танце, но собраны в прическу-пучок (ЯКМ КП 795 А₁-311; ФКМ КП 26532 А-5447; КМАК-51; КМАК-10805). Можно думать, что это почившая, уже на пути в мир иной, бежит от домогательств Владыки Преисподней, как некогда Дафна бежала от объятий Аполлона.

Подобную интерпретацию сюжета подтверждают изображения еще на двух вазах из Одесского музея.

На пелике ОАМ-22040 Дионис-Аполлон с поднятой вверх кистью правой руки и сжатыми, держащими невидимую ветвь пальцами, преследует женщину, будучи одет в варварский костюм: алопекиду, длинные штаны и рубаху с длинными рукавами, украшенные точками, мягкие короткие сапожки. У бегущей в руках тимпан: он покрыт белой краской, выделен, на него обращено внимание; между женщиной и преследователем небольшой кружок, оставленный в цвете глины, на нем черным лаком проставлено полудужье

(ритуальный хлебец).

На пелике ОАМ-21607 преследуемой нет, хотя всадник в варварской одежде все также, приподняв кисть правой руки, стремительно скачет на грифоне вперед. Но перед всадником вместо преследуемой расположились парящая Ника, сулящая успех, и спокойно сидящая лицом к всаднику женская фигура, наблюдающая за погоней.

В волосах у женщины широкая тения, псызка посвященной. Кто она, эта наблюдательница? Божественная обитательница иного мира или смертная, прошедшая испытания смерти-сна, смерти-брака и теперь спокойно взирающая на происходящее и это проходящее, осеменяющая? Скорее первое; в такой же позе спокойного созерцания, в том же месте композиции или зеркально ему противоположном на пеликах с изображением Геракла на Олимпе и в Аиде пребывает Афина ОАМ б/н; ЮМАК-406.

Подтверждая дионисийскую сущность сцены, за грифоном следует козлоногий сатир.

В обоих случаях особо примечательна варварская одежда всадника, сохраняющего позу Диониса-Аполлона. Но удивления, а тем более смущения, подобное сращение образов вызвать не должно и не может. Аполлон греческой религии — ведь не только бог солнечного животворящего света, но и бог гибели: народная этимология сближает его имя с глаголом *ἀπολλύμι* — гублю, сражаю. Недаром это он своими стрелами-лучами разил ахейское войнство под Троей по мольбе своего оскорбленного жреца (Ил. I, 43-52) и недаром это он вместе со своей сестрой Артемидой расстрелял из лука детей горделивой Ниобы (Ил. XXIV, 602-609).

Известно, что богов чужого и чуждого народа народ, с ними познакомившийся, но их не принявший, изводит из Верхнего мира в мир Нижний, в Преисподнюю. В греческой разосписи такая участь царя Аримаспа, некогда божественного предводителя племени аримаспов, эпического предводителя племени, вошедшего затем в божественный сонм греческой Преисподней и слившегося в своей верховной роли с Владыкой Диснасом³.

Есть основание полагать⁴, что миф о племени аримаспов,

в основе которого, как обычно, лежит собственный миф реально-го племени (в данном случае – известного в мифо-эпическом предании под именем аримаспов), равно как и эпическое предание об аримасах, возникшие на их же собственном эпическом материале, пришли к грекам от скифов. Так что в иконографии варварски одетого Диониса с рукой, поднятой в жесте Аполлона, слились изначальные верования минойского Средиземноморья варварских степей Северного Причерноморья, и греческого материка, и греческого же побережья Эвксинского Понта.

Мы пока что все время говорим о мифе, лежащем в основе сюжета: Дионис на грифоне преследует женщину, – но на пелике ЮМАК-50 две закутанные в длинные одежды и с покрытой головой женские фигуры, перед грифоном и за ним, как будто не бегут, но танцуют. Лица их обращены к Дионису и правая рука у той, что справа, и левая – у той, что слева, подняты на уровень талии. Женщины подбоченились. Можно думать, что брачное преследование Диониса сопровождается ритуальными танцами, но если это так, то перед нами и культовая сцена, известная по многочисленным этнографическим параллелям.

Подобным же образом подбоченившиеся женщины, закутанные по самые глаза (ЯКМ КП 723 А₁-239), иногда – в длинных одеждах, но с волосами, перехваченными лишь повязкой (ЮМАК-8161, ОАМ-22685), одни ли или кто-то из них в паре с женщиной с обнаженным плечом и левой, скрытой под гиматием, но покоящейся на талии рукой (ЮМАК-52), танцуют под удары тимпана, в который бьет крылатый Эрот.

Обращает на себя внимание наиболее полное воспроизведение сцены (ЮМАК-52): Эрот бьет в тимпан у алтаря, и действия его подчеркнута священны. Символика: лист плюща (символ Диониса и дионийства) над алтарем и тимпаном; рог изобилия у ног Эрота. Дело происходит по ту сторону бытия: рог изобилия, рог Плутоса, бога богатства, в народных верованиях и народной мифологии греков контаминировался, объединялся с атрибутами бога подземного мира Плутона, с которым ассоциировался Плутос. Белой краской выделено тело Эрота и тело полуобнаженной женщины справа. Ей в этом экстатическом танце отводит-

ся какая-то особая, центральная роль, и это не роль преследуемой.

Телесную страсть, плотский брак олицетворяет в изображениях на пеликах Эрот. Смысл здесь тот же, что и на римской гемме I в. до Р.Х.: пляшущий фаллический скелет с пустыми глазницами, держит в правой руке блюдо с трапезой. В отличие от Евангельского Царствия Божия, где не женятся и не выходят замуж, но пребывают как ангелы на небеси, в царстве Диониса, в царстве плоти, и женятся и выходят замуж. Поэтому столь большое место отводится в вазовых сюжетах Эроту.

Эрот на коне (конь в эротической народной символике – знак плотских утех), и перед ним – Ника (СКММ 6-/13000/; КМ КП 2052). Эрот на коне, и перед ним – преследуемая все в этой же позе бега: голова повернута к преследователю, туловище в трехчетвертном повороте влево, правая рука согнута в локте и поднята на уровень головы, в левой вытянутой вперед руке тимпан (АКМ КП 18952 инв. ОА 193/1).

Наконец, Эрот на пантере, преследующий все ту же убегающую от него женщину. Под рукой у преследуемой тимпан (См. 1803). Пантера – атрибут Диониса. Эрот, восседающий на ней, сближен с Владыкой Преисподней, и предстает едва ли не его ипостасью: неумолимая страшная страсть божества.

Значительно менее зловец другой иконографически известный Эрот в символике потустороннего брака. Это Эрот-преследователь, "плывущий по воздуху", летящий к убегающей от него женщине, той самой, которой предстоит брак за гробом, с Дионисом ли, своим ли прежним земным супругом или возлюбленным. Иконография женщины все та же (варьируется положение рук), иконография Эрота предполагает разнообразие атрибутики, образующей совокупности набор брачной символики свадебного туалета (охищение, обряжение): полотенце и зеркало. Эрот протягивает руки к убегающей женщине (ОАМ-21553), между Эротом и женщиной тимпан (КМАК-205); у Эрота в правой руке полотенце, женщина закутана в длинные брачные одежды, в волосах – тения, знак посвящения (ФКМ КП-1048, А-1217).

В правой руке у Эрота полотенце, левую он все тем же при-

вычным жестом протягивает к женщине. Слева – с повязкой в волосах, облаченная в длинный хитон и закутанная в гиматий, спокойно стоящая женская фигура в позе "наблюдателя" (ДХМ-474; см. также ИОХМ А-426 КП 32II). Возникает все тот же вопрос, кто это? Душа умершей, посвященной в таинства, наблюдает, приобщаясь, за жизнью иной или она та самая, за которой бегут, отстраненно созерцающая происходящее?

На пелике ДИМ А-8349: задрапированная в плащ женщина в позе "наблюдателя", "плывущий по воздуху" Эрот, бегущая от него женщина – в правой протянутой к женщине руке Эрота зеркало, символ амбивалентности, сообщаемости и равноподобия одного и другого, посю- и потустороннего миров. У пояса хитон женщины (ср. ЯКМ КА 733 А-249, А₄-III; ДХМ-474) украшен тремя точками черного лака, образующими треугольник (дионисийский символ, графическое изображение виноградной лозы).

На пелике из Ялты (ЯКМ КП 733 А-249, А₄-III) Эрот поставил ногу на алтарь. Слева от него – женская фигура в позе наблюдателя, справа – бегущая от преследования. В волосах у Эрота сакральная повязка. Левой рукой он опирается на колено ноги, занесенной над алтарем, правую – простирает к бегущей. Только тело Эрота выделено на картине белой накладной краской. Композиционно Эрот – в центре внимания; действия его божественно санкционированы и потому священны.

Белой накладной краской тело "плывущего по воздуху" Эрота выделено, приковывает к себе внимание, и на пелике из Одессы (ОАМ-22684). Бегущая, как всегда, – справа, но слева, за спиной Эрота, раскрывает объятия хвостатый и рогатый сатир. Последнее вовсе не означает, что именно сатир – тот, ради кого Эрот летит к преследуемой, но означает, что и Эрот и преследуемая находятся в круге действий Диониса и его свиты. Тем более, что в руке у преследуемой тирс, эмблема дионисийства.

На пелике из Перми (ПГУ-682) в той же сюжетно-композиционной рамке: женская фигура в позе "наблюдателя" слева, фигура убегающей справа – центральное положение занимает не "плывущий по воздуху" Эрот (он отсутствует вовсе), но "произросшая" из почвы голова богини (влево). За преследованием наблю-

дает Хозяйка Преисподней.

На пелике из Керчи (КМАК-6) женская голова, поднявшаяся из земли, расположена с правого края. Она смотрит, как "плывущий по воздуху" Эрот мчится с зеркалом в правой и полотенцем в левой руке. Нет ни наблюдателя, ни преследуемой. Они — "за кадром". О них знают и помнят.

На фрагментированной пелике из Сочи (МИГКС ОФ-543, ОФ-2545/1-5) сатир слева с небридой, переброшенной через правую руку, силится обнять бегущую от преследования. Справа к плечу бегущей тянется рука, можно предположить, другого сатира.

У бегущей, как обычно, в волосах священная повязка; одета в длинный хитон с апоптигмой. Под согнутой в локте и расположенной на уровне талии левой руке — рог изобилия. Правая — поднята на уровень головы; пальцы сложены так, как если бы сжимали нечто вертикальное.

Рисунок на пелике из Феодосии (ФКМ КП-28750 А-2971) помогает истолковать это нечто.

Позы сатира и убегающей те же, что и на предыдущей пелике, но правая рука женщины сжимает древко тирса, которым она отталкивает сатира, спасаясь от его домогательств. Тирс опущен шишкой пинии вниз. Часть видна над сжатыми пальцами руки.

Справа, лицом к происходящему, в спокойной позе "наблюдателя", сидит с тирсом в правой руке юный Дионис. Ничего непозволительного не происходит: шалит его свита.

На пелике из Симферополя (ККМ КП-1094) сатир, слева, в позе Эрота, поставившего ногу на алтарь, держит в левой руке, опираясь на согнутое колено, покрытое небридой, сосуд для возлияний, а в правой — тимпан, который он протягивает и, видимо, передает Владычице Подземного мира, облаченной в богатые одежды и восседающей в центре. За ее спиной задрапированный в плащ с каймой, украшенной листьями плюща, и с тирсом в правой руке стоит молодой безбородый Дионис. Рядом с сатиром "в воздухе" традиционные стилизованные виноградные гроздья.

Поза сатира, по аналогии с позой Эрота (ЯКМ КП 733, А-249, А₄-III) наводит на мысль о подчеркнуто сакральном действе. Фрагментированность стенки сосуда не позволяет с опре-

деленностью утверждать, что согнутая в колене нога сатира опирается, как у Эрота, на алтарь. Скорее это не искусственно созданный алтарь, но скала (почва, "горка" вазового рисунка), выполняющие роль "природного" алтаря, жертвенника. Судя по предметам в руках сатира, все готово к свершению ритуального возлияния под звуки оргиастически страстных ритмов, и те, кому предназначено это возлияние, Владычица и Владыка, здесь.

На изобразительном полотне пелики из Керчи (ЖМАК-10807) многофигурная композиция: заупокойная трапеза как один из этапов священного брака, жизни после смерти, жизни в Раю. Спокойно стоящая женская фигура, задрапированная в гиматий: руки скрыты под плащом, в волосах повязка — наблюдает за происходящим; душа посвященной видит все своими глазами. Обратим внимание на расположение фигур вазового пространства: облаченный в плащ "наблюдатель" (душа почившего) показана слева, справа место отводится божественному свидетелю (Дионис на двух предыдущих пеликах, Владычица — на пелике из Одессы).

По воздуху, перед фигурой "наблюдателя", мчится Эрот. Тело его скрыто белой накладной краской. Он привлекает к себе внимание, выделен по цвету и значимости. Голова его повернута к "наблюдателю". Правая рука, призывая к вниманию, поднята на уровень головы, левая присогнута в локте и отведена в сторону центральной фигуры композиции: женщины, сидящей на ложе. Тело женщины: ее лицо, обнаженные шея и руки, выглядывающие из-под плаща ступни ног, покрыты белой накладной краской. Той же краской показан до бедер хитон, складки на котором проведены разбавленным лаком. От бедер хитон скрыт под брошенным на колени и спускающимся ниже плащом.

В аккуратно забранных волосах у женщины повязка. Женщина сидит на ложе боком, слегка развернув корпус вправо. Правая рука ее поднята на уровень головы и держит край одежды, в левой у женщины плоское блюдо с едой, которое она протягивает возлежащему на ложе мужчине. Сотрапезник ее молод, безбород, обнажен по пояс. Нижняя часть тела скрыта под брошенным на

него плащом. В волосах повязка. Левая рука согнута в локте и поднята на уровень головы. Перед ложем низкий столик, с которого женщина взяла кушание. Персонажи узнаваемы. Жест поднятой правой руки мужчины традиционен: так на пелике из Феодосии (ФКМ КП 28750, А-2971) держал тирс такой же безбородый Дионис. Узнаваем и жест женщины, иконографически близкой преследуемому Дионисом-Аполлоном и Эротом. Правая рука этих женщин, согнутая в локте и поднятая на уровень головы, обычно пуста или держит тимпан, но на ранней пелике из Ялты (ЯКМ КП 795 А₁-311) рука эта сходным жестом придерживает край одежды. Лишь голову на нашей пелике женщина повернула не влево к преследователю, но вправо к своему повелителю.

На ложе с Дионисом вкушает ритуальную пищу мертвых и празднует брак не Ариадна, не Кора-Персефона, но почившая смертная, посвященная в тайны дионисийства, на время ставшая супругой Диониса, их ипостасью.

В ногах ложа, спиной к нему, на небриде сидит сатир. Увеселяя трапезу, он играет на флейте. Флейты художник не изобразил, но развел руки сатира так, что присутствие флейты разумеется, как разумеется копье, то нарисованное, то лишь прочерченное, а то и вовсе забытое художником, в руках амазонок и аримаспов в сценах их постоянных единоборств с греками и грифонами (ср. КМАК-9 и КМАК-440; РОМК КП 1188, А 3605 и ФКМ КП-117, А-746).

Итак, миф, культ, эпос. Даже краткий обзор вазовых изображений, непосредственно связанных с Дионисом и дионисийством на пеликах керченского стиля, позволяет выделить в них мифологическую канву, моменты культового действия и — на что обращалось менее всего внимания — эпизоды мифо-эпического повествования.

Последние видятся в едином художественном каноне, трафарете ряда сцен, в том числе сцен преследования Дионисом-Аполлоном и Эротом, в сценах ритуального танца, предполагающих при всей их композиционной закреплённости сюжетное развитие через вариативность поз и одежд действующих лиц, в строгой последовательности сюжетно разворачивающихся событий и в многочис-

ленных, не свойственных мифу и излишних для мифа, подробностях действий и сцен.

Помимо мышления мифологического с четким равенством образа и значения в росписи античных пелик керченского стиля сталкиваемся с мышлением художественным, мышлением мифо-эпическим, где реальность факта общественного сознания слита с вымыслом художника. Мистически реальна сцена Рая, сцена брака после смерти, но дать усопшей созерцать эту сцену или дать эту сцену без фигуры "наблюдателя", заставить сатира плясать или наигрывать оргиастически страстную мелодию, сидеть ему или стоять, — это уж дело сказителя и поэта, а за ним — художника. На вазах керченского стиля воспроизведено в аббревиатуре, в намеке, сжатой сцене, усеченном эпизоде то утраченное теперь целое, какое каждый посвященный знал целиком и намеком на которое служило каждое таковое изображение. Часть вызывала в памяти целое.

Вполне возможно, как это бывало не раз в духовной практике греков, чужеродный миф и культ породили эпос, эпос о Дионисе, пришедший к грекам, освоенный ими и вошедший в их станковую живопись, послужившую образцом для тех, кто расписывал вазы.

П р и м е ч а н и я:

1. Канва дионисийского мифо-эпического предания на вазах керченского стиля системно прослеживается в книге И.В.Шталь "Эпические предания Древней Греции" (М., Наука, 1989, с.99-160).

2. Сходное исследование дионисийской символики Г.Смит усматривает в росписи южноиталийских ваз IV в. до Р.Х., ориентированных на народные верования догреческого субстрата, слившиеся с греческими религиозными представлениями:

H.R.W.Smith, *Funerary symbolism in a pulian vase painting*, Ed. J.K. Anderson, Berkeley, 1976, pp. 260.

3. И.В.Шталь, цит. соч., с. 136-147. Здесь же литература вопроса.

4. J.D.K.Bolton, *Aristeus of Proconnesus*, Oxford, 1962, *passim*.

И.В.Шталь, *цит. соч.*, *passim*. Одно из основных положений исследования.

IV. ПРИЛОЖЕНИЕ

© 1994 г.

К. В. Петренко

ОПЫТ УТОЧНЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ПЕЛИК КЕРЧЕНСКОГО СТИЛЯ ПО МАСТЕРАМ И МАСТЕРСКИМ

Мастеров, их круг и мастерские мы определяем по манере изображения, группируя близкие по стилю веди. При этом учитываем, что внутри каждой мастерской существует тяготение к определенному кругу сюжетов и их своеобразному изображению.

Классификация произведена с учетом трудов К. Шефолда и Дж. Бизли¹. К. Шефолд впервые дал классификацию ваз керченского стиля и датировал их на основании манеры изображения и формы пелик. Работу продолжил Дж. Бизли. Он слил воедино несколько указанных Шефолдом мастеров и выделил несколько новых. Труд Дж. Бизли позволяет увидеть, что в творчестве каждого мастера преобладали сосуды определенной формы. Кроме того, как правило, мастер оперирует несколькими сюжетами, для изображения каждого из которых используется один трафарет.

Материал "Свода" позволяет опознать мастеров, указанных К. Шефолдом и Дж. Бизли. Однако в него входят и такие вазы из Северного Причерноморья, которые дают возможность выделить нескольких новых мастеров², и включить их в общую классификацию.

Как правило, стороны А и Б пелик написаны одной рукой. Работа подмастерья, если она была, могла заключаться в наложении трафарета и исполнении ов и пальметт.

Нами сначала будут рассмотрены две самые крупные мастерские: мастерская Грифонов и мастерская Амазонок. Далее мастера и мастерские рассматриваются в предполагаемой временной последовательности. Внутри каждой мастерской выделяются группы пелик, которые расписывали мастер и его ученики. Руки мастера и учеников выделяются по сравнительному совершенству росписи. Случаи, когда мастера можно отличить от учеников, оговариваются нами ниже. Внутри каждой такой группы вазы расположены в хронологическом порядке и датированы по аналогии и форме сосудов.

1. Мастерская Грифонов.

Из этой мастерской происходит самая большая группа пелик. Мастерская определена К.Шефолдом³ и окончательно выделена Дж. Бизли⁴. К.Шефолд разделил вещи этой мастерской на пять групп. самого Мастера Грифонов он помещает во вторую группу. Деление К.Шефолда не было четким – в ряде случаев одна и та же пелика стоит одновременно в двух группах (к примеру № 449 – в первой и второй группах). Как мне кажется, за принцип деления был принят сюжет. Дж.Бизли значительно расширяет круг вещей этой мастерской, как по сюжетам (протомы, сцены с пигмеями), так и по стилю. Членения внутри группы у Дж.Бизли произведено по сюжетам.

Наш материал позволяет выделить в мастерской по сюжетам и стилистическим особенностям около шести групп. Там, где проводимая нами классификация совпадает с классификацией К.Шефолда, на последнюю будет указываться в скобках.

Среди нашего материала нет пелик, соответствующих I группе по Шефолду, но есть материал, встречающийся в остальных его группах.

I.I.I – I группа (2-я группа по Шефолду; собственно Мастер Грифонов). Отличается наиболее качественным воспроизведением сюжета, тягой к орнаментальности. В данной группе есть как работы Мастера Грифонов (I.I.Ia), так и работы его учеников (I.I.Iб), которые несколько ниже по качеству росписи.

I.I.Ia – сюжеты с амазономахией и грифonomaxией: ИОХМ А-444 (370-360), КМАН-47 (360-350), РОМК КП-1188 (350-340), КМАН-48 (340-350), АМ КП-1852 (330-320); а также фрагмент О-54/846 (350-340).

I.I.Iб – те же сюжеты: ЯКМ КП-862 (360-350), ЯКМ КП-795 (350-340).

Общие черты группы I.I.I – лица с характерным округлым профилем, прямой нос, красивая форма глаз, волосы кудрявые. Морды грифонов тщательно выписаны, у них изогнутый клюв и аккуратный овальный глаз. На реверсе изображены задрапированные фигуры, у которых намечены черты лица. В одежде характерная черта – три параллельные складки вдоль линии плеч.

Для группы I.I.Iб - работ ученика - характерно более судорожное движение фигур, ряды параллельных складок на одежде. Низ ов тулова обеих ваз залит тонким слоем лака.

I.I.2. Сюжеты с женскими головами (протомы). Выделяются две руки. Более совершенные вазы, аналогичные по стилю группе I.I.Ia (здесь - I.I.2б), относятся к более позднему времени, чем менее совершенные изображения (I.I.2а).

I.I.2а: ЯМ-499 (370-360), ОАМ-23373 (370-360).

I.I.2б: КМЗВИ-141 АТК (360-350).

Для этой группы характерны те же черты, что и для группы I.I.I - у "амазонок" красивый нос с горбинкой, большие глаза. Плат (саккос) украшен орнаментом "волна". Морды грифонов тщательно прорисованы, особо выделены глаза.

I.2 - 2-я группа (3-я группа по Шефолду) - среди сюжетов представлены, в основном, сцены на колесницах. В этой группе можно выделить руку мастера (не мастера Грифонов!) (I.2а) и ученика (I.2б).

I.2а - ОАМ-22201 (350-340), ОАМ-21554 (330-320).

I.2б - ГИМ Б-II-22 (340-330), КМАК-473 (330-320), ТКМ-1387 (330-320); (Последняя - не сюжет с колесницей, но роспись выполнена той же рукой, что и на сосуде ГИМ Б-II-22; об этом можно судить, в частности, по трем коротким полоскам на одежде на реверсе), ОАМ-22039 (320-300); фрагмент КМАК-8338 (340-330). По сравнению с работами мастера, здесь хуже композиция и пропорции - например, появляются короткие руки.

В целом, для пелик этой группы характерны хорошие пропорции фигур, динамика в передаче движения. Одежда возниц передана рядами параллельных складок, волосы у них кудрявые. Изображение менее орнаментально и рафинировано, чем в первой группе.

I.3.- 3-я группа (близка по стилю изображения 4-й группе Шефолда - характерен волнистый контур фигур и драпировок) - КМАК-27 (330-320), КМАК-8161 (330-320), ОАМ-22677 (330-320), КМАК-52 (320-300). Пелика КМАК-27 сохранилась плохо, но силуэт фигур и орнаментация рядом точек напоминает ОАМ-22677. Стиль изображения более резкий по сравнению с вазами второй группы. Пропорции вытянутые и более мелкие. Здесь нельзя выделить мас-

I.4 - 4-я группа. К ней относится наибольшее число педик. В пределах группы выделяются подгруппы с пятью различными сюжетами. Руки мастера и учеников различить нельзя.

I.4.1 - ОАМ-21536 (360-350) - грифоны терзают лошадь. Грифоны, типичные для мастерской Грифонов, изображены бегло. Лошадь дана крупно, живо экспрессивно; испуг передает выпученный круглый глаз.

I.4.2 - группа сцен с преследованием женщин (Эротом, Дионисом и сатиром). 5-я группа мастерской Грифонов по Шефолду - ФКМ КП-28750 (360-350), ДХМ-474 (330-320), КМАК-10805 (330-320), ОАМ-23363 (330-320), СМ-1803 (330-320), КМАК-51 (330-320), ПГУ-682 (330-320), ДИМ А-8349 (320-300), КМАК-235 (320-300); фрагменты: ФКМ КП-26532 (330-320), КМАК-8140 (330-320).

I.4.3 - сцены с пигмеями - КМАК-24 (370-360); фрагменты: КМАК-7930 (330-320), ФКМ КП-26537 (330-320). Они даны очень экспрессивно, линии резкие.

I.4.4 - сцены битвы с пешим греком - ОАМ-21548 (330-320), ОАМ-24982 (350-320), ФКМ-КП II7 (330-320), КМЗВИ-94 АТК (330-320), ОАМ-21549 (320-300).

I.4.5 - битва конных "аримаспов" или "амазонок" с грифонами. Это самая большая подгруппа - КМЗВИ-140 АТК (370-360), ОАМ-22682 (360-350), ОАМ-21539 (350-340), КМАК-9 (340-330), КМАК-440 (330-320), КМАК-8143 (330-320), КМАК-8139 (330-320), ОАМ-22041 (330-320), ОАМ-23364 (330-320), ОАМ-24892 (330-320), ФКМ КП-120 (330-320), ЯКМ КП-732 (330-320), КМАК-25 (320-300).

Для всей группы характерна более грубая манера изображения, чем в предыдущих группах. Движение фигур резкое. Используется крупный орнамент, исполненный жидким лаком, толото.

I.5 - группа пеших "аримаспид" - КМАК-19 (340-330), ЯКМ-КП-733 (340-330), КМЗВИ-242 АТК (330-320), ХИАЗ - 9049 (330-320), ОАМ-24893 (320-300), ЯКМ КП-508 (320-300). Роспись выполнена очень экспрессивно. Черты лиц кругные. Одежда передана резкими параллельными линиями, иногда с изломом под лапами грифона. Грифоны изображены плотным белым тоном без прорисовки деталей. Сторона Б расписана также очень бегло и обобщенно, складки одежд даны несколькими линиями.

1.6 - сюжеты с протомы - выделяются три подгруппы:

1.6.1 - ФКМ КП-2512 (340-330), ОАМ-22042 (330-320), ОАМ-22764 (320-300). Она связана с группой I.1.2, но стиль изображения более грубый.

1.6.2 - КМАК-6 (330-320), ХИАЗ-9048 (330-320). Сосуды этой подгруппы сильно отличаются от предыдущих. Они расписаны экспрессивно, бегло, тонкими линиями. Для профиля используется другой трафарет.

1.6.3 - протомы с курносом носом - КМАК-4 (330-320), КМАК-11 (330-320), ОАМ-22683 (320-300), ПГУ-2928 (320-300); фрагмент ХИАЗ 52/36760⁵. Узор плата протом передан точками, как в мастерской Амазонок (см. ниже). Грифон изображен белым, но гребень у него темный. Глаз у протом крупный.

Фрагменты из мастерской Грифонов, которые нельзя отнести к выделенным группам: БИАМ КП-6095/209 (340-330), ИОХМ А-441/11 (330-320), КМ-3614/320 (330-320), КМАК-2776 (330-320), КМАК-7533, БДКМ КП-7993 (340-330), КМАК-8632 (330-320), КМАК-11949, КМАК-10647, КМАК-11838, О-66/786 (330-320), ТКМ-72/2 (330-320), ФКМ КП-26533 (330-320), О-79/59 (320-300), О-82/138 (330-320), О-83/461 (320-300), ФКМ КП-32795, ХИАЗ-35272/27, ХИАЗ-21929, ХИА-21.014, ХИАЗ-35272/35, ХИАЗ-35272/32.

П. Мастерская Амазонок.

Выделена и К.Шефолдом и Дж.Бизли⁶. Последний обобщил и дополнил классификацию К.Шефолда. Наш материал позволяет дать несколько более детальную классификацию, чем у Дж.Бизли, который включил в мастерскую Амазонок Мастера Амазонок, его круг, мастерскую Белых точек, мастерскую Митилена.

П.1 Собственно Мастер Амазонок и его круг (подмастерья и ученики, ему подражающие). В рамках группы выделяем три подгруппы с различными сюжетами: амазономахией, грифономахией и протомы амазонки, коня и грифона.

П.1.1 - амазономахия. Можно выделить работы мастера (П.1.1а) и ученика (П.1.1б).

П.1.1а - ЯКМ КП-866 (360-350), КМАК-10806 (350-340), ЯКМ КП-04 (330-320).

П.1.1б - БОХМ-156 гр. (330-320); фрагмент ХИАЗ-35272/34

(330-320) - аналогия БОХМ-156 гр. (330-320); КМАК-49 (320-300) - отнесена в эту подгруппу не по сюжету, а по особенностям манеры росписи.

П.1.2 - битва амазонок с грифонами. Выделяются работы мастера (П.1.2а) и учеников (П.1.2б).

П.1.2а - ОАМ-22051 (330-320); (на обратной стороне - бой амазонок с греками, та же рука, роспись декорирована богаше, но хуже сохранилась). Стиль аналогичен группе П.1.1а.

П.1.2б - КМАК-10804 (340-330), КМАК-17 (330-320), КМАК-8319 (330-320).

К группе П.1 относятся фрагменты сосуда ОАМ-87247-87249 (330-320).

П.1.3 - протомы амазонки, коня, грифона. Нельзя выделить мастера. ЮОХМ А-430 (330-320), КМАК-5 (330-320), КМАК-10 (330-320), КМАК-26 (330-320), АМ КП-7369 (320-300), КМАК-7 (320-300), КМАК-8144 (320-300), КМАК-8579 (320-300), ОАМ-23362 (320-300), ПКМ-А 92/6 (320-300). Лица изображены крупно, с большим глазом. Конь дан бегло, экспрессивными линиями. Для всей подгруппы характерен круглый залитый лаком глаз у лошади.

П.2 - группа пелики КМАК-46. Выделена И.И.Вдовиченко: КМАК-18 (340-330), КМАК-3 (330-320), ГИМ Б-11-21 (330-320), КМАК-15 (330-320), ОАМ-23371 (330-320), ОАМ-69018 (330-320), АМ КП-4981 (320-300), ГИМ-160 (320-300), КМАК-46 (320-300), ПГУ-683 (320-300); фрагмент О-63/2168 (330-320), ХИАЗ-35272/33 (330-320). Изображения напоминают группу П.1.3, но выполнены более тонко. Профиль амазонки имеет форму фигурной скобки. Грифон напоминает мокрого попугая с острыми ушами. Узор протомы передан точками. На обратной стороне фигуры изображены бегло, извилистыми линиями, жидким лаком.

П.3 - группа протом с крючковатым носом. Выделена на местном материале. Здесь можно выделить мастера (П.3а) и ученика, работа которого менее аккуратна (П.3б).

П.3а - КМАК-1 (330-320), НМ-256 (320-300).

П.3б - ПКМ-92/35 (320-300).

П.4 - мастерская Белых точек. Выделена К.Шефолдом. Дж.Бизли включил ее в мастерскую Амазонок⁷; НМ-39 (350-340), ФКМ-КП-

22/108 (340-330), ДХМ-471 (330-320), ЕКМ-634 (330-320), КМАК-14 (330-320), КМАК-16 (330-320), ПГУ-556 (320-300); фрагмент КМАК-6982 (330-320).

П.5 - мастерская Митилена. Выделена Дж.Бизли⁶; ОАМ-23374 (330-320), КМАК-12 (320-300); фрагмент ХИАЗ КВ. 151 (320-300). Характерные черты этой группы: грифон напоминает петуха, профиль у протом более или менее правильный, черты лица крупные.

Фрагменты мастерской Амазонок с неопределенным сюжетом: ПМ-2512/62, О-54/1065, КМАК-8643.

Ш. Мастер Феодосийской пелики ФКМ КП-42595. Выделен И.И. Вдовиченко; ФКМ КП-42595 (330-320). По композиции близок к мастерской Амазонок, но стиль изображения сильно отличается. В том, как передана голова грифона и морда лошади, этот мастер напоминает мастерскую Грифонов, но очень оригинальные прорисовки. Хорошие пропорции. Фигуры оборотной стороны длинные, изогнувшиеся; у них удлиненные пальцы рук.

Ю. Мастер Боннской пелики. Выделен И.И. Вдовиченко; ЮКМ КП 1086 (380-370), О-75/528 (380-370); фрагменты О-66/288, 1029, 1032 (380-370), КМАК-8659 (380-370), ХИАЗ- 35272/40 (380-370), ХИАЗ -47/35904 (380-370). Для мастера характерны заливка лаком волос, острый профиль, косые параллельные складки хитонов. Сюжет - стоящие друг против друга мисты.

У. Круг мастера Ипполита⁹. ХИАЗ -3214 (380-370), ОАМ-6/и (380-370), ЮХМ А-427 (380-370). Хорошее качество, хорошие пропорции, сложные композиции. Лица имеют выражение, волосы кудрявятся. Складки одежды хорошо прорисованы.

Ю. Мастер Геракла. Выделен К.Шефолдом и Дж.Бизли¹⁰; КМАК-406 (370-360), КМАК-480 (370-360), О-54/386 (370-360). Хорошие пропорции, много пространства. Глаза прописаны очень аккуратно. Из единой массы волос выделены отдельные локоны.

УП. Мастер Львиноголового грифона. Выделен К.Шефолдом и Дж.Бизли¹¹. НКМ КП-498 (380-370). Грифон с львиной мордой. Толстый контур, крупный орнамент.

УШ. Группа "Олинф 5.141". Выделена Дж.Бизли¹². Включает в себя несколько мастеров. Среди сюжетов, в основном, стоящие

фигуры (УШ.1) и протомы (УШ.2).

УШ.1 - ОАМ-21538 (380-370), О-62/1613, 1638 (370-360); фрагмент ХИАЗ-35272/39 (370-360).

УШ.2 - ОАМ-21540 (370-360), ГИМ Б-II-35 (350-340), КМАК-13 (350-340); фрагмент О-49/1414 (350-340).

Складки одежды изображены более резко и беспорядочно, чем у мастера Бонинской пелики, черты лиц острые, не всегда прописаны.

IX. Группа "Олинф I, 156". Выделена Дж.Бизли¹³. Также в ней есть несколько мастеров. Среди сюжетов стоящие фигуры (IX.1), протомы, два мастера (IX.2.1) и (IX.2.2) и сцена с летящим Эротом (IX.3).

IX.1 - КМАК-21 (380-370), КММ КП-1059 (370-360), ОАМ-21537 (370-360), КМАК-2 (370-360), ЕММ-633 (360-350), КМАК-23 (360-350), ФММ-191 (360-350), Рига К-II91 (350-340), КММ КП-1085 (340-330), КМАК-22 (350-360); фр. ГМИНВ Улэп. 825.361 (370-360).

IX.2.1 - ОАМ-22675 (370-360) - крупные черты лица, жидкий лак, орнаментация точками, тонкие складки.

IX.2.2 - ОАМ-22678 (350-340) - голова круглая, написана жидко, как набросок, на стороне В - складки одежды драпируют фигуру.

IX.3 - ОАМ-21553 (360-350).

Для этой группы характерно более беглый характер росписи, чем в предыдущей. Волосы локонами.

X. Группа "Толстого мальчика"¹⁴: КМАК-20 (370-360) - образующий Эрот.

XI. Мастер КМ-3614/13 - КМ-3614/13 (380-370) - новый в пределах классификации: коренастые фигуры, бегло, мало складок, волнистые пряди волос; напоминает группу "Олинф 5.156".

XII. Мастер "Афродиты на беге"¹⁵ - ФММ КП-3747/2 (370-360).

Характерный грифон с тщательно разработанной мордой - острые уши, гребень изображен треугольниками с прочерченной серединой, рога с закруглением на конце, лоб нависает над глазами, клюв ухмыляется.

ХШ. Мастер Терзаний - КМАК-8 (370-360).

Два грифона терзают коня. Ранее не встречался. Грифоны напоминают китайских драконов, лошадь с тонкой мордой и испуганным глазом-кружком. Фигуры реверса - носатые с прорисованными руками и пальцами.

ХІV. Мастер "Грифона с зубчатым гребнем" - ранее не встречался - ОАМ-22040 (360-350). От изображения сохранились лишь общие контуры. Для этого мастера характерны мягкие линии и необычный тип грифона с острыми шипами на гребне.

ХV. Мастер "Монхен 2391"²¹ - ОАМ-22684 (360-350). Роспись выполнена широко, экспрессивно, жидко, лица с крупными чертами.

ХVІ. Мастер "Афины СС 1891"¹⁶ - СКМІІ 6-(13000) (360-350), ККМ КП-2052 (350-340). Экспрессивно, удлинённые фигуры, неровный контур, волосы переданы единой массой, кудрявые, у лошадей хвосты написаны черным лаком и обведены светлым тоном.

ХVІІ. Мастер Черного Тирса¹⁷ - ККМ КП-1094 (350-340); МИГКС Оф. 543 (330-320), ЯКМ КП-505 (320-300) - эти две, возможно, работы учеников, так как они позже по времени. Знаки черного тирса есть только на первой пелике, но остальные идентичны ей по манере работы с лаком и стилю изображения.

ХVІІІ. Мастер оксфордской грифономахии¹⁸ - КМАК-1949 (350-340). Фрагмент пелики с профилем амазонки с волнистыми локонами и маленькими глазами.

ХІХ. Мастер Марсия¹⁹ - КМАК-10807 (330-320). Хорошие пропорции, многофигурная композиция, очень орнаментально.

ХХ. "Ялтинский мастер"²⁰ - выделен Дж.Бизли - ЯКМ КП-723 (330-320). Белый Эрот с крыльями, прописанными белым. По сторонам от него стоят две задрапированные женские фигуры, довольно плотные, с прямыми темными складками одежды.

ХХІ. Мастер "Эрота с зубчатыми крыльями" - ранее не встречался - ОАМ-22685 (320-300). Крупные, резкие черты лица Эрота, широкий экспрессивный контур фигур. Крупный силуэт сочетается с прописями белым по телу Эрота и черным по телам фигур. Округленные линии фигур контрастируют с рваными концами крыльев

XXII. Мастер "Расписной колесницы" - выделен И.И.Вдовиченко - ОАМ-21547 (320-300). Схема композиции как и у третьей группы Грифонов, но иные пропорции фигур - удлиненные, более тонкие. В изображении много орнаментальных мотивов.

XXIII. Мастер "Курносого носа" - ранее не встречался - КМАК-423 (330-320), ОАМ-21607 (320-300). Обе пелики объединяет характерная деталь - курносый нос у фигуры на аверсе. На обеих сторонах вазы у фигур хорошие пропорции.

XXIV. Мастер "Бараноголового грифона" - ранее не встречался - КМАК-50 (320-300). Необычен рисунок головы грифона, характерны волнистые локоны головы Диониса, тяга с орнаментальности изображения, хорошо передано движение, складки драпировок следуют за движением фигур.

XXV. Мастер "Размытого Эрота" - ранее не встречался - ФКМ КП-1048 (320-300), ИОХМ А-426 (320-300). Контуры размыты, фигуры в движении, порывисто. На реверсе фигуры сильно распластаны по поверхности.

XXIV. Мастер ТКМ 72/1 - выделен И.И.Вдовиченко - ТКМ 72/1 (320-300). Трафарет напоминает мастерскую Грифонов, но отличается по стилю. Лошадь с красивым глазом и тщательной прорисовкой морды, грустный мокрый грифон, большеглазая амазонка. Возможно, это копия местного мастера с работы мастерской Грифонов. На реверсе фигуры как будто спеленутые, почти соприкасаются локтями.

П р и м е ч а н и я:

1. Некоторый материал, в т.ч. прорисовки утраченных вещей, дает статья М.М.Кобылиной "Поздние Боспорские пелики" в МИА № 19, М., 1951.

2. Название "Новый мастер" условное. Это может быть уже ранее известный мастер, которого я не смогла опознать по недоступности литературы.

3. K.Schefold. Untersuchungen zu den Kertschervasen. Berlin, 1934, s. 159.

4. J.Beazley. Attic Red-Figured Vase-Painters. Vol.2. Oxford, 1963, pp. 1462-1470.

5. Здесь и ниже: если следом за шифром фрагмента пелики не стоит дата, то значит я не смогла дать датировку этих вещей.

6. K.Scheffold, *op. cit.*, ss. 134-135, 159; J.Beazley, *op. cit.*, pp. 1478-1480.

7. K.Scheffold, *op. cit.*, s. 159; J.Beazley, *op. cit.*, p. 1479.

8. J.Beazley, *op. cit.*, p. 1480.

9. K.Scheffold, *op. cit.*, ss. 88-90.

10. K.Scheffold, *op. cit.*, ss. 83-85; cf. J.Beazley, *op. cit.*, p. 1472.

11. J.Beazley, *op. cit.*, p. 1475.

12. *Ibid.*, p. 1509.

13. *Ibidem.*

14. D.M.Robinson. *Excavations at Olynthus*, Vol. V, London, 1933, r. 195, pl. 95.

15. М.М.Кобылина. *Указ. соч.*, рис. 1.

16. J.Beazley, *op. cit.*, pp. 1456, 1461.

17. *Ibid.*, pp. 1431-1434.

18. *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, Vol. V,1; München, 1990, p. 623, N 569.

19. J.Beazley, *op. cit.*, pp. 1474-1476;
K.Scheffold, *op. cit.*, ss. 127-131.

20. J.Beazley, *op. cit.*, p. 1452;

М.М.Кобылина. *Указ. соч.*, с. 159.

21. J.Beazley, *op. cit.*, p. 1461.

ЭЛЕМЕНТЫ ОРНАМЕНТА НА ПЕЛИКАХ КЕРЧЕНСКОГО СТИЛЯ

А. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ. КЛАССИФИКАЦИЯ

1. Различаем: графическое изображение (а), индивидуальные проявления общеграфической тенденции (б). Наша цель – выявить типы графических изображений, орнаментов, на пеликах (горле, венчике и тулове сторон А и В).

II. По основным элементам, составляющим орнамент, выделяем пять основных типов орнамента. Первые три – овы, меандры, упрощенный орнамент. Четвертый тип – сложный орнамент, куда входят как элементы предыдущих групп, так и новый элемент, волна, не встречающийся самостоятельно, а также используются позолоченные налеты; при этом отдельные элементы (налеты под лаком) могут быть рельефны. За пятый тип принимаем отсутствие орнамента как элемент его; условно назовем эту группу "безорнаментальной".

В рамках пяти групп (овы, меандры, упрощенный орнамент, сложный орнамент и "безорнаментальная" группа) выделяются в целях облегчения классификации подгруппы по наличию особых определяющих элементов орнамента.

Расположение в классификационной таблице групп с первой по третью проходит по убывающей в употреблении орнамента. За первую группу принимаем овы как наиболее распространенный вид орнамента. Далее следуют меандр и упрощенный орнамент. Сложный орнамент стоит четвертым, так как использует элементы первых трех групп. Пятая группа, как не имеющая орнаментальных элементов, завершает классификацию.

I. Овы.

1. Овы без точек по нижнему краю:

- а) овы;
- б) овы с закрасенной серединкой;
- в) овы с прозрачной полосой лака по нижнему краю пояса овы;

- г) овы с заливкой фона по нижнему контуру ов;
- д) овы с заливкой фона по нижнему контуру ов, разделенные дротиками;
- е) овы с заливкой фона по нижнему контуру ов с поясом точек сверху;
- ж) овы, разделенные дротиками, с поясом точек сверху;
- з) овы с подводкой снизу (наковальня), разделенные дротиками, с поясом точек сверху;
- и) овы с заливкой фона по нижнему контуру, разделенные дротиками, с поясом точек сверху;
- к) овы с заливкой фона по нижнему контуру ов, разделенные дротиками, с поясом точек сверху в шахматном порядке;
- л) овы с закрашенной серединой и заливкой фона по нижнему контуру ов, разделенные дротиками, с двумя поясами точек сверху и снизу в шахматном порядке.

2. Овы с точками по нижнему краю:

- а) овы;
- б) овы с закрашенной серединой;
- в) овы со стрелкой в центре внутренней овы;
- г) овы с дротиками (по две точки по бокам от дротика);
- д) овы с поясом точек снизу;
- е) овы с поясом точек сверху;
- ж) овы с дротиками (по две точки по бокам от дротика) и поясом точек сверху;
- з) овы с поясом точек в шахматном порядке сверху;
- и) овы с поясом палочного орнамента в два ряда сверху;
- к) овы с дротиками (по две точки по бокам от дротика) и поясом точек в шахматном порядке сверху.

П. Меандры.

1. Меандры, разделенные шашечным орнаментом:

- а) от трех до пяти меандров между шашками.

Ш. Упрощенный орнамент.

1. Точки:

- а) ряд точек.

2. Резки:

а) ряд резок

IV. Сложный орнамент.

1. Овы с налечами под лаком:

а) овы с точками с налечами под лаком.

2. Овы с золотыми налечами в центре:

а) овы с точками, золотыми налечами в центре и стрелкой в центре налеча;

б) овы без точек с дротиками и волнистой линией по нижнему краю ов, золотыми налечами в центре и стрелкой в центре налеча;

в) овы без точек с закрашенной серединой, золотыми налечами в центре и черным поясом с золотыми точками-налечами сверху.

3. Орнамент с волной:

а) два ряда ов без точек с заливкой фона по нижнему контуру ов и дротиками, с золотыми налечами в центре, соединенные волной;

б) два ряда ов без точек с закрашенными серединами и дротиками, опирающимися на точку, соединенные волной;

в) два ряда ов без точек с золотыми налечами в центре, с заливкой фона по нижнему контуру ов и дротиками, соединенные черным поясом с золотыми точками-налечами и волной наверху и с мелкими точками-налечами снизу.

4. Сложный орнамент с меандром:

а) два меандра, внутри де ряда ов без точек с золотыми налечами в центре и закрашенными серединами с дротиками, опирающимися на точку, соединенные черным поясом с золотыми точками-налечами. Золотые точки-налечи и на шашках меандра.

У. Безорнаментальная группа.

1. Закрашен один элемент сосуда:

а) венчик.

2. Закрашено два элемента сосуда:

а) венчик и тулово;

б) венчик и горло;

в) тулово и горло.

В. ОБ ОРНАМЕНТЕ ВАЗ КЕРЧЕНСКОГО СТИЛЯ КАК ДАТИРУЮЩЕМ МАТЕРИАЛЕ

В работе использован материал "Свода мифо-эпических сюжетов", а именно, 184 пелики керченского стиля из музеев России, Украины, Прибалтики, Грузии. Цель этой работы - выяснить, может ли элемент орнамента - овы - служить датирующим материалом и сколь индивидуально пользовались этим элементом разные мастера.

При разборе декора сосудов мы выделили два аспекта: тип овы и индивидуальную манеру исполнения орнамента. Ниже рассмотрим, как соотносится каждый из них со временем создания пелики и с мастерской, из которой она вышла.

Задача осложняется тем, что, несмотря на богатство анализируемого материала, имеющиеся в нашем распоряжении вазы распределяются неравномерно как по датам, так и по мастерам и мастерским. Так, большинство, 80 сосудов, датируются 330-320 годами, 18 - 320-300, по 17 - 380-370 и 370-360, 16 - 350-340, 14 - 360-350 и 8 - 340-330 годами до н.э. При этом нередко в анализируемом материале отдельная мастерская представлена одной или двумя пеликами. В таких случаях нельзя говорить о закономерностях использования определенного типа орнамента и конкретной манеры изображения овы, а лишь констатировать факт использования такого типа и манеры.

Вместе с тем, несколько мастерских представлены довольно полно. Это, прежде всего, касается мастерской Грифонов, к которой относится 71 пелика, мастерской Амазонок - 48 пелик, мастеру Боннской пелики - 6 пелик (две из них сохранились полностью) и группам Олинф 5.141 - 6 пелик и Олинф 5.156 - 13 пелик. Материал этих групп позволяет провести более детальный анализ с выделением групп (особенно в мастерских Грифонов и Амазонок). Рассматривая работы как собственно мастера, так и его круга, удается проследить различия манеры исполнения орнамента для каж-

дой подгруппы.

Большинство пелик мастерской Грифонов (37) относятся к 330-320 гг. до н.э., остальные примерно равно распределяются по временным отрезкам на протяжении 4 в. до н.э., за исключением периода 380-370 г. до н.э.

Самые ранние вазы мастерской Амазонок датируются соответственно 360-350 гг. и 350-340 гг. до н.э. Основное число сосудов (41) приходится на 330-320 и 320-300 гг. до н.э.

Работы мастера Воннской пелики относятся к началу 4 в. до н.э., как и работы круга мастера Ипполита, работы мастера Геракла - к 370-360 гг. до н.э.

Более широкий диапазон датировок имеют пелики групп Олинф 5.141 и Олинф 5.156. Однако, они тяготеют к началу и середине 4 века. Самые поздние из них датируются 350-340 годами.

Сначала рассмотрим виды орнаментации пелик с помощью ов. Поскольку от некоторых сосудов сохранились лишь фрагменты, мы не можем точно определить вид орнаментации, а можем использовать этот материал только при рассмотрении индивидуальной манеры исполнения ов.

Мы выделяем три вида орнаментации, учитывая закономерности декора пелик, а также возможные сочетания ов на венчике, горле и тулове:

I) простой, когда горло, венчик, тулово сторон А и В украшает один и тот же тип ов;

II) неполный, когда одна или несколько частей сосуда не орнаментированы овами, а закрашены;

III) сложный вид, когда на одном сосуде использованы разные типы ов. Чаще всего выделяется по сложности орнамент на горле стороны А. Это характерно для больших пелик. Здесь можно выделить подгруппу с особо сложным типом декора (III.1), который включает помимо ов позолоченные налесты, меандры, волны. Он занимает нередко не только горло стороны А, но и горло стороны В, венчик и тулово сосуда.

Систему распределения видов орнаментации показывает таблица¹.

Виды орнаментации не зависят от датировок и, скорее, их можно соотнести с конкретными мастерами и мастерскими (для групп, представленных большим числом пелик).

Самый распространенный – простой вид орнаментации (I группа). Для него наиболее характерен тип ов I.2a. Он встречается почти во всех группах на протяжении всего 4 в. до н.э. Особенно часто – в мастерской Грифонов для сосудов 330–320 годов и в мастерской Амазонок. Тип I.1a встречается значительно реже. У Грифонов он – почти исключение, но часто используется в подгруппе I.3 мастерской Амазонок (протома руки мастера и его круга). Овы этого типа встречаются также в группах Олинф 5.141, Олинф 5.156.

Неполный вид декора встречается 21 раз и чаще всего на сосудах мастера Воннской пелики (на двух полностью сохранившихся вазах, фрагменты могли быть орнаментированы подобным образом) и в группах Олинф 5.141 и Олинф 5.156 (соответственно на пяти пеликах из шести и на восьми пеликах из тринадцати). Возможно, этот способ орнаментации характерен для начала и первой половины 4-го века, хотя известны отдельные поздние примеры (в частности четыре пелики из мастерской Грифонов, одна пелика мастера Размытого Эрота). Чаще всего закрашен только венчик.

Сложные орнаменты довольно разнообразны. Они включают в себя различные вариации оформления горла стороны A (случаи повтора редки). Довольно большое число сосудов – 10 из 28 – принадлежат мастерской Грифонов (собственно мастеру Грифонов и подгруппе 2.2, включающей сцены с колесницами).

Подгруппа III.1 (особо сложный вид декора) соответствует пеликам мастера Амазонок (4 вазы со сценами грифо- и амазономахи). Кроме того, еще пять пелик мастерской Амазонок имеют сложную орнаментацию.

В целом, рассмотрение видов позволяет наметить общие

выводы и тенденции. Тип ов не может служить прямым датирующим материалом, но косвенно, через мастеров и мастерские, в отдельных случаях дает указание на возможное время создания росписи.

Итак, чаще всего употребляются овы типа I.2a. Сложные орнаменты декорируют большие сосуды вне зависимости от принадлежности к мастерской². Повышенная сложность декора характерна для мастера Амазонок. Тенденция закрашивать отдельные части сосудов характерна для первой половины 4-го века (особенно для мастера Вониской пелики, групп Олинф 5.141, Олинф 5.156), но отголоски ее сохраняются и во второй половине века, хотя для этого времени это не типично.

Если рассматривать индивидуальную манеру изображения ов, то попытка проследить изменения стиля во времени результатов не дает, то есть и здесь овы не могут служить непосредственно датирующим материалом, вырванные из "контекста" формы сосуда и характера изображения. Однако, разбирая группы мастеров и мастерских, представленных достаточным количеством пелик, видно, что каждой группе и подгруппе (в частности для мастерских Грифонов и Амазонок) соответствует своя манера исполнения ов.

Особенно важно, что в тех случаях, когда роспись на нескольких пеликах выполнена одной рукой, манера ов на них совпадает (группа I.1.3).

Таким образом, овы могут служить фактором, уточняющим принадлежность вазы к определенной мастерской, а через это и время создания росписи.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Латинскими цифрами дан номер группы, арабскими подгруппы. Если за номером группы или подгруппы нет перечисления педик, то, значит, данный тип ов характерен для всей группы.

2. Определяющим фактором для этих сосудов является размер. Он обуславливает появление сложного орнамента на горле многофигурной композиции на стороне А; композиции с тремя стоящими фигурами на стороне В.

Таблица

Вид орнамента	Номера групп, где данный тип встречается
1	2
1. простой	I.1.16 - ЯКМ КП-862; I.1.2a; I.1.26; I.3;
Ia/I.2a - венчик,	I.4.1; I.4.2 - кроме: ДИМ А 8349; ПГУ 682,
горло, тулово	КМАК 8149; I.4.3; I.4.4; I.4.5; I.5;
сторон А-В	I.6.1; I.6.3; П.1.16 - ВОХМ I56 гр., ХИАЗ-35272/34; П.1.26 - КМАК I0804, КМАК I7;
	П.1.3 - КМАК 7, ПКМ А 92/6, ХИАЗ 35272/33;
	П.2.1 - кроме 0-63/2I68; П.3.1; П.3.2;
	П.4.2 - кроме НМ-39; П.5 - ОАМ-23374,
	ХИАЗ KB I5I; П - фр-ты: 0-54/I065, КМАК-8643; III; IV - 0-66/288, I029, I052, ХИАЗ-35272/4I; V - ОАМ-6/н (фр-т); VI - КМАК 406
	406, 0-54/386 (фр-т); УП; УШ.1 - фр-т 0-62/I6I3, I638; УШ.2 - фр-т 0-49/I4I4;
	IX.1 - КМАК 2I, ОАМ 2I537; XI; XIV; XVI - фр-т КЮМ КП 2052; ХУП - МИГКС 0ф. 543; ХУШ; ХХ; ХХП; ХХШ.
I6/I.1a - венчик,	I.3 - ОАМ-22677; I.4.2 - КМАК 8I40 (фр-т);
горло, тулово	П.1.26 - КМАК 83I9; П.1.3 / ЮХМ А 430,
сторон А-В	КМАК 5, КМАК 26, АМ КП 7364, КМАК 8I44, ОАМ-23362; П.2.1 - 0-63/2I68; П.5 - КМАК I2; УШ.2 - фр. КМАК I3; IX.2.2; IX.3; ХУП - ЯКМ КП 506; ХХУ - ФКМ КП I048; ХХVI.
Iв/I.16 - венчик,	ХУП - КЮМ КП I094
горло, тулово	
сторон А-В	

1	2
<u>П.</u> неполный <u>Па/Уа</u> - венчик сторон А-В, I.2а - горло, тулово сторон А-В	I.4.2 - ДИМ А-8349; УШ.1 - ОАМ - 21538; УШ.2 - ОАМ-21540; IX.1 - КМАК-2, ФКМ КП 191, ГМИНВ Уляп 82.5.361 (фр-т); X; ХХУ-ИОХМ А-426
<u>Пб/Уа</u> - венчик сторон А-В; I.1а - горло, тулово сторон А-В	I.6.2; УП.2 - ГИМ-В II-35; IX.1 - КМАК-23, ККМ КП-1085, К-1191
<u>Пв/У.2б</u> - венчик, горло стороны А, I.1б - венчик сто- роны В, тулово сто- рон А-В, I.1а - горло стороны В	IX.1 - ККМ-КП-1059
<u>Пг/Уа</u> - венчик сторон А-В, I.2к - горло стороны А, I.2а - горло сто- роны В, тулово сторон А-В	I.1.1а - ИОХМ А-444
<u>Пд/У.2а</u> - венчик, тулово сторон А-В, I.2а - горло сторон А-В	IУ - ККМ КП-1086, О-75/528; XI
<u>Пе/У.2а</u> - венчик сторон А-В, I.1а - тулово стороны А, I.1а - тулово сторон В	IX.2.1

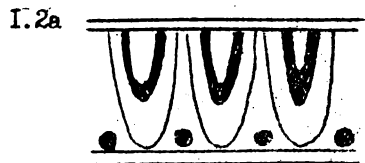
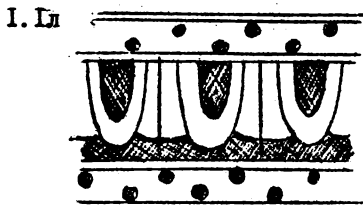
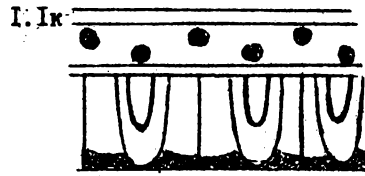
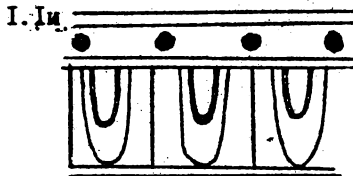
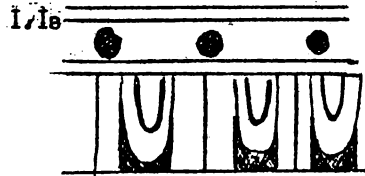
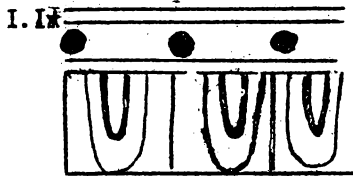
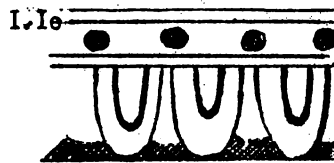
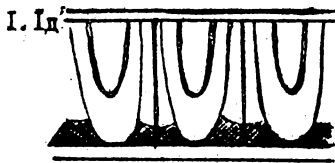
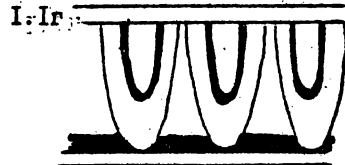
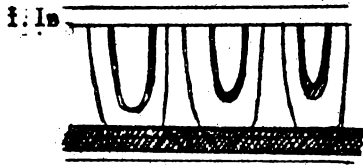
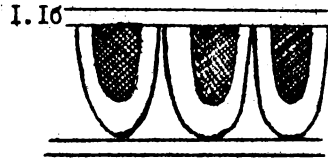
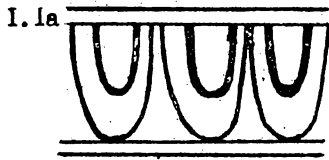
1	2
Дж/1.2а - венчик сторон А-В, горло стороны А, У.2б - горло стороны В, тулово сторон А-В	1.4.2 - ПГУ 682
Ш. сложный	
Ша/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло сторо- ны В, 1.2и - гор- ло стороны А	1.2.2 - КМАК 473; У - ХИАЗ 3214 (фр-т)
Шб/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны В, 1.2д - горло сто- роны А	П.2.3 - КМАК 10
Шв/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны В, 1.1д - горло сто- роны А	У - ИОХМ А 427
Шг/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны В, 1.1ж - горло сто- роны А	У1 - КМАК 480
Шд/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны В, 1.2к - горло сто- роны А	1.1а - КМАК 47; 1.2.1 - ОАМ 21554; XIX

I	2
Ше/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны Б, I.1к - горло сто- роны А	П. I. 1а - ЯКМ КП-501
Шж/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны Б, I.2а - горло сто- роны А	XXIV
Шз/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны Б, I.2ж - горло сто- роны А	I. I. 1а - 0-54/846; I. 2. I - ОАМ 22201
Ши/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, горло стороны Б, I. 1з - горло сто- роны А	I. 2. 2 - ОАМ 22039
Шк/1.2г - горло стороны А	I. 2. 2 - ЮМАК 8338
Шл/1.1я - горло стороны А	П. фр-т - ПКМ А-2512/60
Шм/1.2а - венчик, тулово сторон А-В, I. 2е - горло сто- роны А	П. фр-ты - ОАМ 87247-9
Шн/1.2б - венчик сторон А-В, I. 2а - горло, тулово сто- рон А-В	XIII; XV

I	2
Шо/І.Іа - венчик стороны А, горло, тулово сторон А-В, І.Іб - венчик сто- роны В	ХУІ - ККМ КП 2052
Шп/Ш.2а - венчик сторон А-В, І.Іа - горло, тулово сто- рон А-В	ХХІ
Шр/І.2а - венчик, горло сторон А-В, І.Іа - тулово сторон А-В	І.І.Іа - АМ КП І8952; І.І.Іб - ЯКМ КП 795
Шс/І.Іа - венчик сторон А-В, гор- ло, тулово сторо- ны А, І.2а - гор- ло, тулово сторо- ны В	П.4.2 - НМ 39
Ш.І - очень сложный Ш.Іа/І.2а - венчик сторон А-В, ІУ.4а - горло стороны А, ІУ.3б - горло сто- роны В, П.Іа - ту- лово сторон А-В	П.І.Іа - ЯКМ КП 866
Ш.Іб/ІУ.2а - вен- чик стороны А, І.2б - венчик, горло стороны В, тулово сторон А-В, ІУ.2в - гор- ло стороны А	П.І.Іа - КМАК І0806

1	2
Ш. Iв/IУ.2б - венчик сторон А-В, IУ.3в - горло стороны Б, П. Iа - горло сто- рон А-В	П. I.2а - ОАМ 2205I
Ш. Iг/I. Iг - венчик сторон А-В, I. Iз - горло стороны А, I.2а - горло сто- роны В, тулово сторон А-В	ЮМАК 49

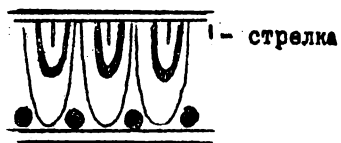
ТИПЫ ОБ

1.2б

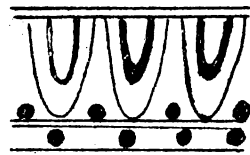
1.2в

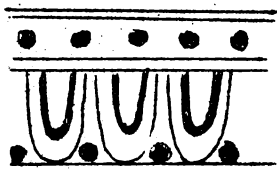
1.2г

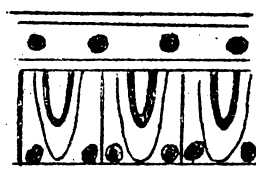
1.2д

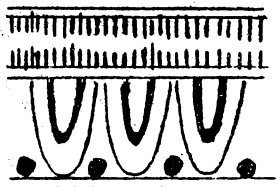
1.2е

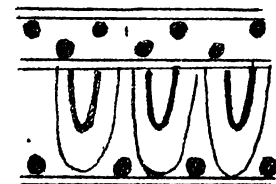
1.2ж

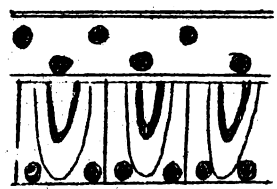
1.2з

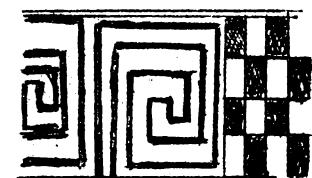
1.2и

1.2к

II. Ia

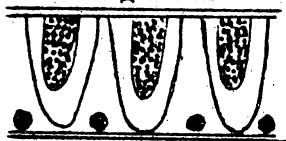
III. Ia

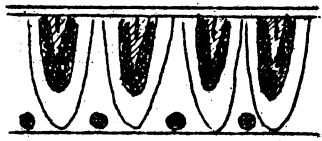
III. 2a

IV.1a - выпуклость
под лаком

IV.2a - налепа с
позолотой

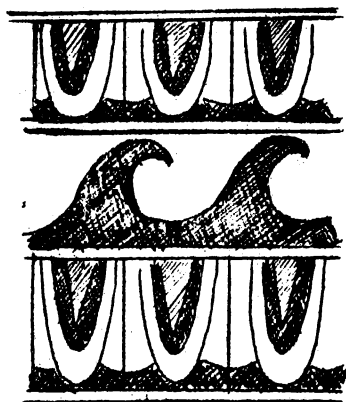
IV.2b' - налепа с
позолотой

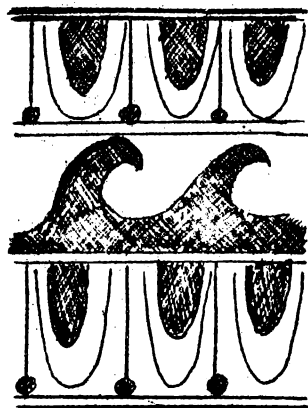
IV.2b - налепы с
позолотой

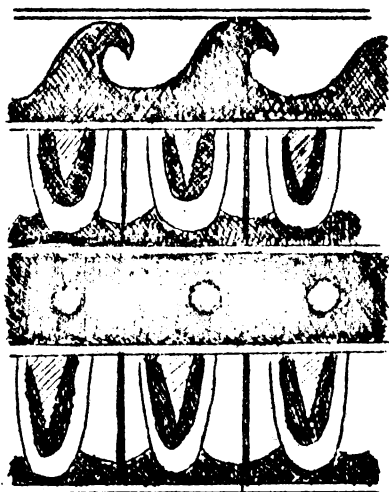
IV.3a - налепа с
позолотой

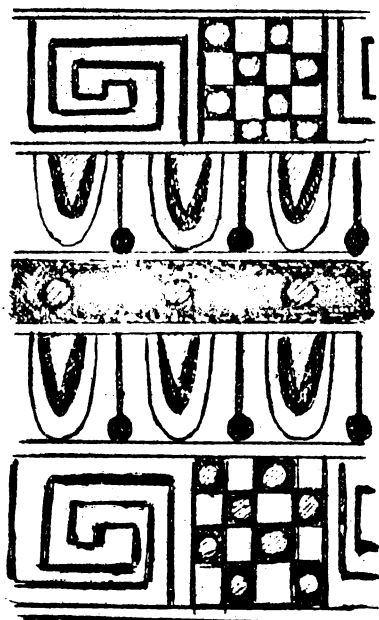
IV.3b

IV.3в ○ ▽ - налѣпы с
позолотой

IV.4a ○ ▽ - налѣпы с
позолотой

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИБ	- Археология и история Боспора
АИЗ	- Археологические Известия и Заметки
АКМ	- Азовский Краеведческий музей
БСЭ	- Большая Советская Энциклопедия
ВДИ	- Вестник древней истории
ГАОО	- Государственный архив Одесской области
ДВХМ	- Дальневосточный Художественный Музей. Хабаровск
Д(О)ХМ	- Донецкий (областной) Художественный музей
ЕКМ	- Евпаторийский Краеведческий музей
ЖМП	- Журнал Министерства Народного Просвещения
ЗООИД	- Записки ООИД
ИАК	- Известия Императорской Археологической Комиссии; Императорская Археологическая Комиссия
ИИМК	- Институт истории материальной культуры АН СССР
ИОХМ	- Ивановский Областной Художественный музей
ИТОИАЭ	- Известия ТОИАЭ
ИТУАК	- Известия ТУАК
КТГКЗ	- Керченский Государственный Историко-культурный заповедник
ККМ	- Крымский Краеведческий музей
КМАК	- Керченский Музей; археологическая коллекция
КМД(р)	- Керченский Музей Древностей
КОГА	- Крымский областной государственный архив
КОКМ	- Курский областной Краеведческий музей
КрымОхрис	- Крымский областной комитет по делам музеев и Охране памятников искусства, старины, природы и народного быта
КС	- Киевская старина
МИА	- Материалы и Исследования по археологии СССР
МИТКС	- Музей истории города-курорта Сочи
МПГ	- Музей Пещерных городов
ОАК	- Отчет (Императорской) Археологической Комиссии
ОАМ	- Одесский Археологический музей
ОдВ	- Одесские Ведомости

ООГА	- Одесский областной государственный архив
ООИД	- Одесское Общество Истории и Древностей
ПГУ	- Пермский государственный университет
РЕС	- Русский Биографический Словарь
РО	- Русское обозрение
РОМК	- Ростовский областной Музей краеведения
РС	- Русская Старина
СА	- Советская археология
СИЭ	- Советская Историческая энциклопедия
СКММИ	- Ставропольский Краевой Музей изобразительных искусств
ТОИАЭ	- Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии
Тр.ГМИИ	- Труды Государственного Музея Изобразительных Искусств им.А.С.Пушкина
Тр.ОИИКАМ	- Труды Отдела истории, искусства и культуры Античного Мира Государственного Эрмитажа
ТУАК	- Таврическая Ученая Архивная Комиссия
ФЮМ	- Феодосийский Краеведческий музей
ФМД	- Феодосийский Музей Древностей
Х(Е)М	- Херсонский Краеведческий музей
ХИАЭ	- Херсонский Историко-археологический заповедник
ЦМК	- Центральный музей Крыма
ЦМТ	- Центральный музей Тавриды
ЯЮМ	- Ялтинский Краеведческий музей

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

АБИКУЛОВА МАРИНА ИОСИФОВНА (р. 1948),
историк, ст.научный сотрудник и хранитель фондов археологии
в Херсонском Краеведческом музее. Выпускница Ростовского
Университета. Работает в области археологии Сев. Причерно-
морья и краеведения.

БОРОВИКОВА ВИКТОРИЯ НИКОЛАЕВНА (р. 1940),
историк-архивист, главный хранитель фондов Керченского Исто-
рико-культурного заповедника. Выпускница Московского Истори-
ко-Архивного института. Автор статей по музееведению и крае-
ведению Юга России.

ВЮВИЧЕНКО ИРИНА ИВАНОВНА (р. 1952),
археолог; работает в Крыму, сотрудничает с группой "Античная
архаика". Выпускница Симферопольского Университета. Автор
статей по истории материальной культуры Северного Причерно-
морья. Живет в Симферополе.

ГИМАДЕЕВ РУСТЭМ АНАСОВИЧ (р. 1956),
филолог-классик, журналист, научный сотрудник группы "Антич-
ная архаика" (ИМЛИ РАН). Выпускник С.-Петербургского Универ-
ситета. Автор статей по классической филологии и истории
взаимовлияния античной и восточной культур. Живет в С.-Петер-
бурге.

ГУДИМЕНКО ИГОРЬ ВИКТОРОВИЧ (р. 1963),
археолог, ст.научный сотрудник Отдела археологии Азовского
Краеведческого музея. Выпускник Ростовского Университета.
Автор статей по археологии Северного Причерноморья.

ДАНИЛЕНКО ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (р. 1936),
историк и археолог, к.и.н., заведующий отделом ираноязычных
народов Крымского отделения Института Востоковедения АН Укра-
ины, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков
Симферопольского Университета. Выпускник Харьковского Универ-
ситета. Автор статей по древней и средневековой археологии
Крыма.

КОСТРОМИЧЕВА ТАМАРА ИВАНОВНА (р. 1934),
историк, заведующий фондами Херсонесского Историко-археологического заповедника. Выпускница Петрозаводского Университета. Работает в области античной нумизматики и истории культуры.

НЕРУБЕНКО ИРИНА ПЕТРОВНА (р. 1956),
искусствовед, научный сотрудник Курского Краеведческого музея. Выпускница Московского Университета. Работает в области истории декоративно-прикладного искусства и истории античного искусства.

ПЕТРЕНКО КСЕНИЯ ВАЛЕНТИНОВНА (р. 1970),
искусствовед-античник, выпускница МГУ. Живет и работает в Москве.

ПЕТРОВА ЭЛЕОНОРА БОРИСОВНА (р. 1950),
историк, к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков Симферопольского Университета. Выпускница Казанского Университета. Автор статей по истории и истории культуры античности, в частности - Восточного царства.

ПОПОВА ЛЮДМИЛА ГЕННАДИЕВНА (р. 1957),
филолог-классик, хранитель фондов археологии Николаевского музея краеведения. Выпускница Львовского Университета. Работает в области античной материальной культуры.

РОЗОВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ (р. 1950),
археолог, заведующий сектором "дореволюционной" истории Музея истории "города-курорта" Сочи. Выпускник Новосибирского Университета. Автор статей по археологии, нумизматике и эпиграфике Понта в античную и византийскую эпохи.

СОЛНЦЕВА ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА (р. 1961),
историк, ст.научный сотрудник Ивановского областного Художественного музея. Выпускница Ивановского Университета. Работает

ет в области истории культуры Древнего Египта и античности.

СТАБРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ (р. 1948),
историк, директор Музея истории Пермского Университета. Выпускник того же университета. Автор работ по русской истории и краеведению.

ХАРИТОШКИНА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА (р. 1959),
искусствовед, ст. научный сотрудник Екатеринбургского объединенного историко-краеведческого музея. Выпускница Уральского Университета. Работает в области истории прикладного искусства.

ХАЧАТУРОВА ЕВАНГЕЛИНА АНАТОЛЬЕВНА (р. 1948),
историк, заведующий сектором археологических фондов в Екатерининском Историко-археологическом музее-заповеднике им. Е. Д. Фелицына. Выпускница Кубанского Университета. Работает в области истории античного искусства и археологии.

ШЕВЧЕНКО АНТОНИНА ВИКТОРОВНА (р. 1937),
историк, заведующий Античным отделом Херсонесского Историко-археологического заповедника. Выпускница Уральского Университета. Работает в области античной и духовной культуры (культы античного Херсонеса).

ШТАЛЬ ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА (р. 1934),
филолог-классик, д.ф.н., Председатель Административного Совета Центра Изучения Античности в Москве, в.н.с., руководитель группы "Античная архаика: литература и культура" (ИМЛИ РАН). Выпускница Московского Университета. Автор книг и статей по классической филологии (история и теория античной литературы, мифология, история религии), переводчик.

Объем 10,66 в.л. Тираж 200 экз. Цена договорная

Типография ИНИОН РАН. Зак. № 60

ПРИЛОЖЕНИЕ
к книге “Античные
коллекции из раскопок
Северного Причерноморья”.

К статье Э.Б.Петровой “Феодосийский Музей Древностей: античные памятники и их собиратели”.

1. Феодосия. Музей Древностей на горе Митридат. Фото конца XIX в.

2. Феодосия. Гора Митридат. Музей Древностей. Фото конца XIX в.

3. Людвик Петрович Колли (1849–1917 гг.) Фото 1878 г.

К статье Т.И.Костромичевой, А.В.Шевченко “Коллекция аттической краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса. К истории комплектования”.

1. Севастополь. Херсонесский историко-археологический заповедник. Административный корпус и Средневековый отдел музея. Фото 1979 г.

2. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907 гг.)

3. Роман Христианович Лепер.

4. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970 гг.)

5. Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979 гг.)

К статье Г.А.Солнцевой “Собрания I гильдии купца Д.Г.Бурылина, основателя Иваново-Вознесенского музея”.

1. Музей промышленности и искусства. Выстроен Д.Г.Бурылиным в 1915 г. по проекту архитектора Трубникова.

2. Дмитрий Геннадиевич Бурылин (1852–1924 гг.).

К статье В.Н.Боровковой “История Керченского собрания краснофигурных пелик IV в. до Р.Х. (керченский стиль)”. Фоторепродукция с почтовых открыток 1902–1906 гг.

1. Керчь. Керченский Музей Древностей (ул. Мещанская, 10).

2. Керчь. Графская пристань, наверху – здание музея и выше – часовня И.А.Стемпковского.

3. Царский курган.

4. Мелекчесменский курган.

5. Раскопки на горе Митридат.

К статье В.Н.Розова “О происхождении краснофигурной пелики из собрания Музея города-курорта Сочи”.

1–3. Пелика. МИГКС Оф-543 (1 – сторона А, 2 – сторона Б, 3 – вид сбоку).

К статье И.П.Нерубенко “Коллекция античной краснофигурной керамики в фондах Курского областного краеведческого музея”.

1–3. Пелика. Протомы коня, “амазонки”, грифона влево. КОКМ 3791 (1 – сторона А, 2 – сторона А₁, 3 – сторона Б).

4–5. Пелика. Изображение женской головы в профиль влево. КОКМ 3790 (4 – сторона А, 5 – сторона Б).

6–9. Гидрия. Многофигурная композиция. Парадиз (Рай). КОКМ 14011 (по кругу).

10–11. Гидрия. Многофигурная композиция. Священный брак. КОКМ 53903 (по кругу).

К статье И.В.Шталь “Миф, культ, эпос в росписи античных ваз из собрания ”Свода мифо-эпических сюжетов (IV в. до Р.Х., керченский стиль)”.

Пелики:

1. Мист и мистагог. ОАМ-21538 (сторона А).

2. Мисты. КМАК-480 (сторона Б).

3. Мист и голова божества. ОАМ-22675 (сторона А).

4. Мист и погребальный Эрот. КМАК-20 (сторона А).

5–7. Дионис-Аполлон на грифоне преследует женщину. КМАК-51 (5 – сторона А, 6 – сторона Б, 7 – вид сбоку).

8–9. Дионис-Аполлон на грифоне преследует женщину (?), справа Гермес. ХИАЗ КВ-3214 (8 – прорисовка, 9 – профиль).

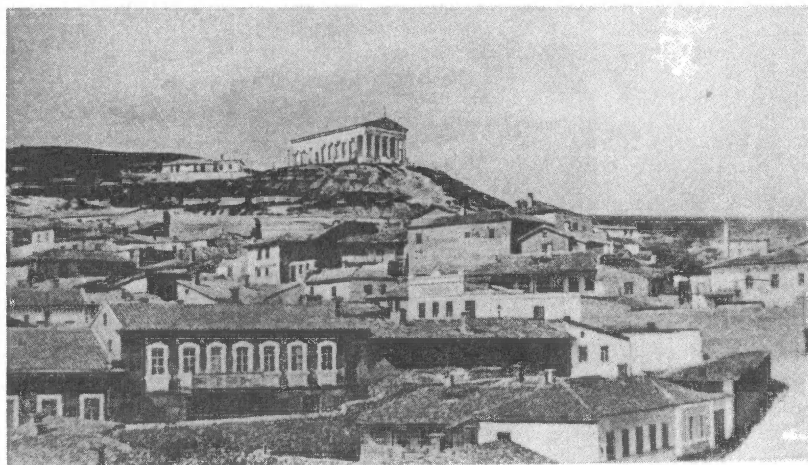
10–11. Дионис-Аполлон в варварской одежде и убегающая от него вправо женщина. ОАМ-22040 (10 – сторона А, 11 – сторона Б).

12–13. Дионис-Аполлон между двух женских фигур. КМАК-50 (12 – сторона А, 13 – вид сбоку).

14. Эрот с тимпаном у алтаря между двух танцующих женщин. КМАК-52 (сторона А).

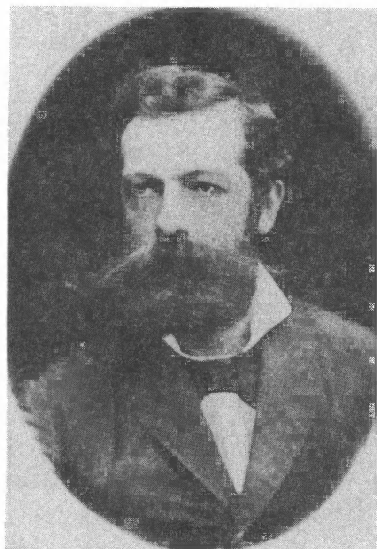
К статье Э.Б.Петровой
“Феодосийский Музей Древностей: античные памятники и их собиратели”.

1. Феодосия. Музей Древностей на горе Митридат. Фото конца XIX в.

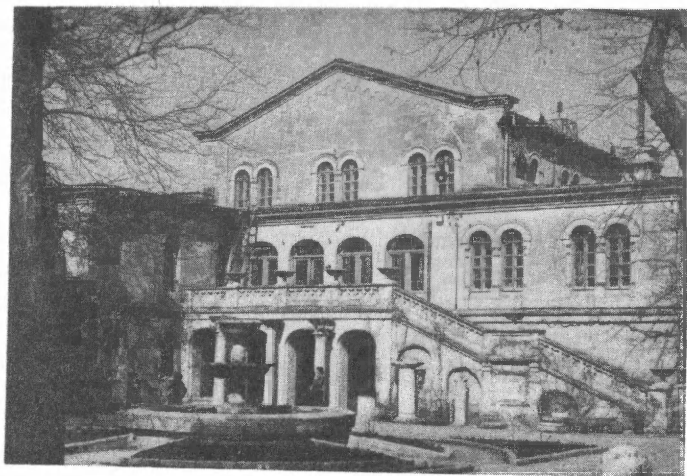
2. Феодосия. Гора Митридат. Музей Древностей. Фото конца XIX в.

К статье Т.И.Костромичевой, А.В.Шевченко
“Коллекция аттической краснофигурной керамики из раскопок Херсонеса.
К истории комплектования”.

1. Севастополь. Херсонесский историко-археологический заповедник. Административный корпус и Средневековый отдел музея. Фото 1979 г.

2. Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (1847–1907 гг.).

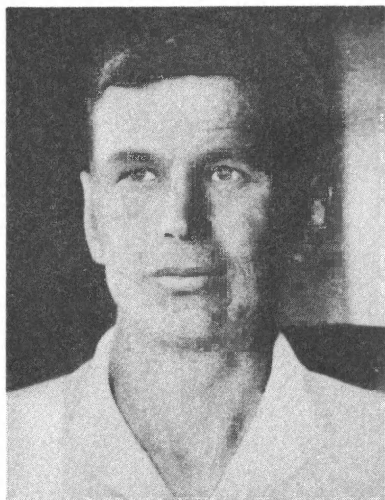
3. Роман Христианович Лепер.

4. Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970 гг.).

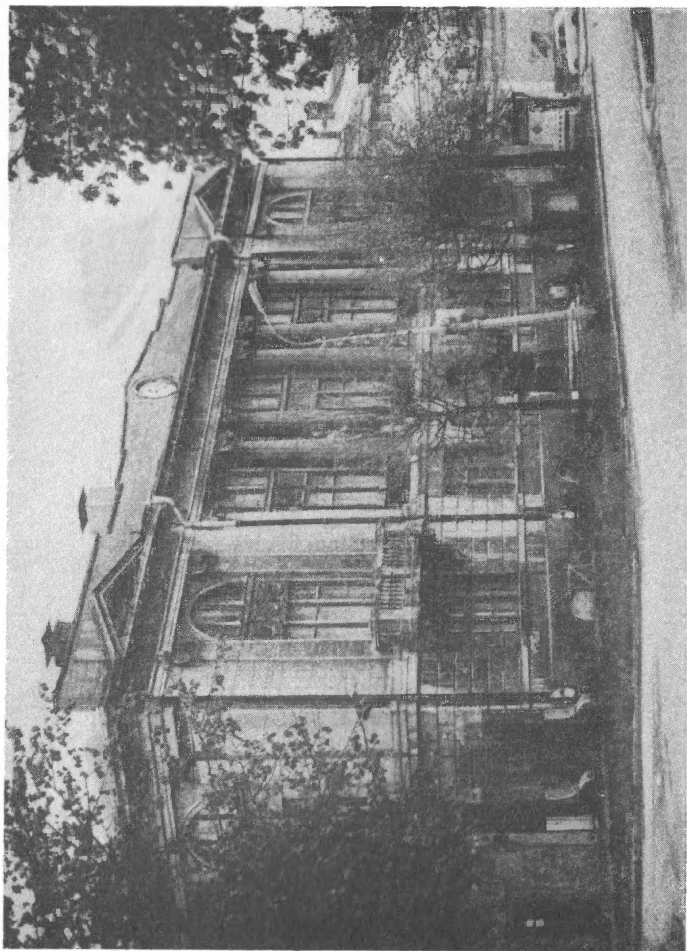

5. Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979 гг.).

К статье Г.А. Солнцевой
"Собрания I гильдии купца Д.Г. Бурялина, основателя
Иваново-Вознесенского музея".

*1. Музей промышленности и искусства. Выстроен Д.Г.Бурялиным в 1915 г.
по проекту архитектора Трубникова.*

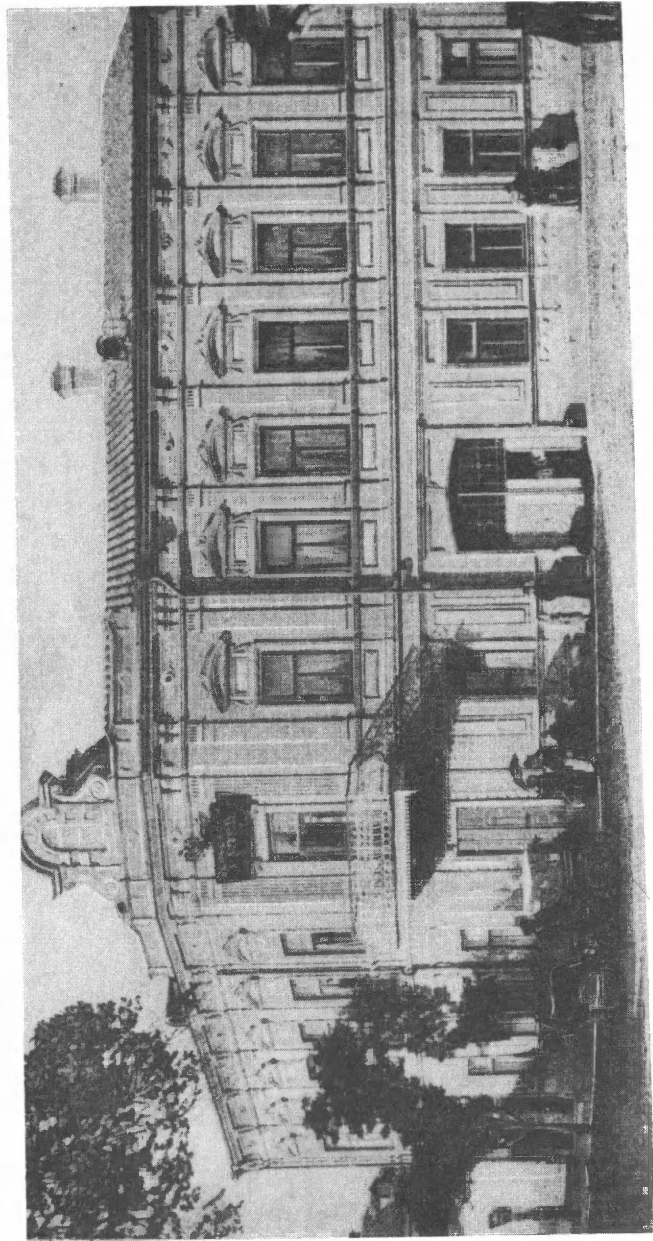

2. Дмитрий Геннадиевич Бурылин (1852–1924 гг.).

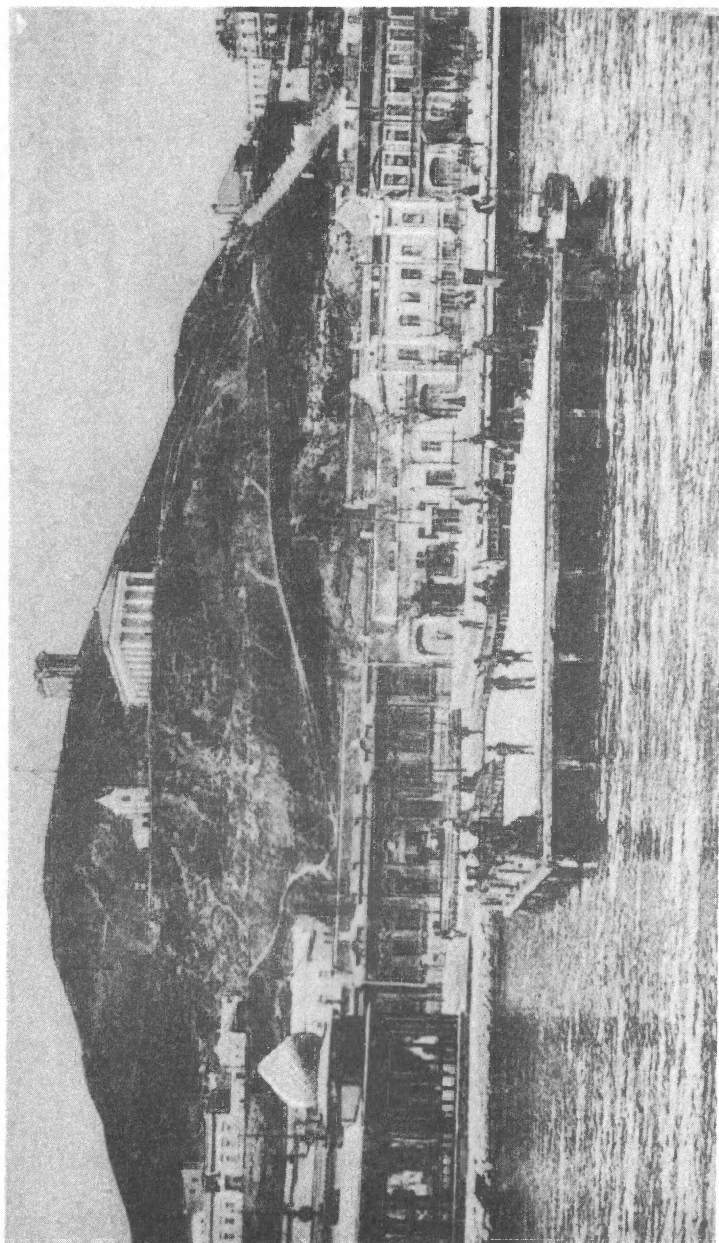

К статье В.Н.Боряковой
“История Керченского собрания краснофигурных пелик IV в. до Р.Х.
(керченский стиль)”. Фоторепродукция с почтовых открыток 1902–1906 г.

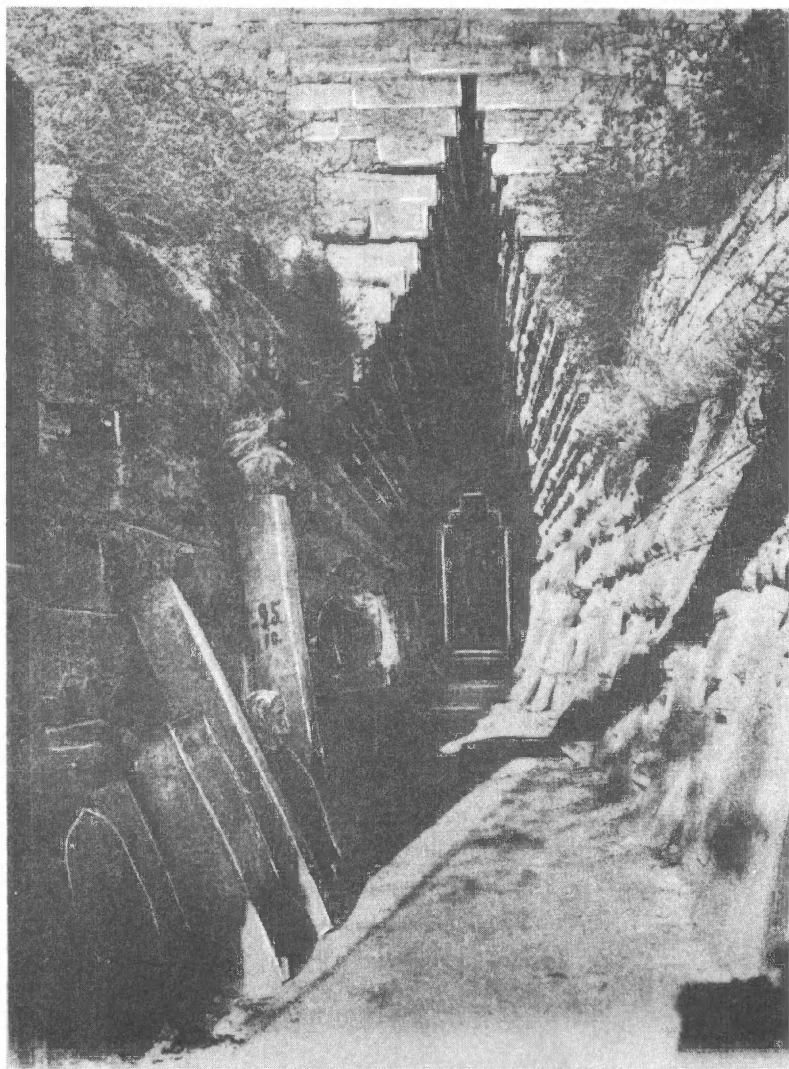
1. Керчь. Керченский музей древностей (ул. Мещанская, 10).

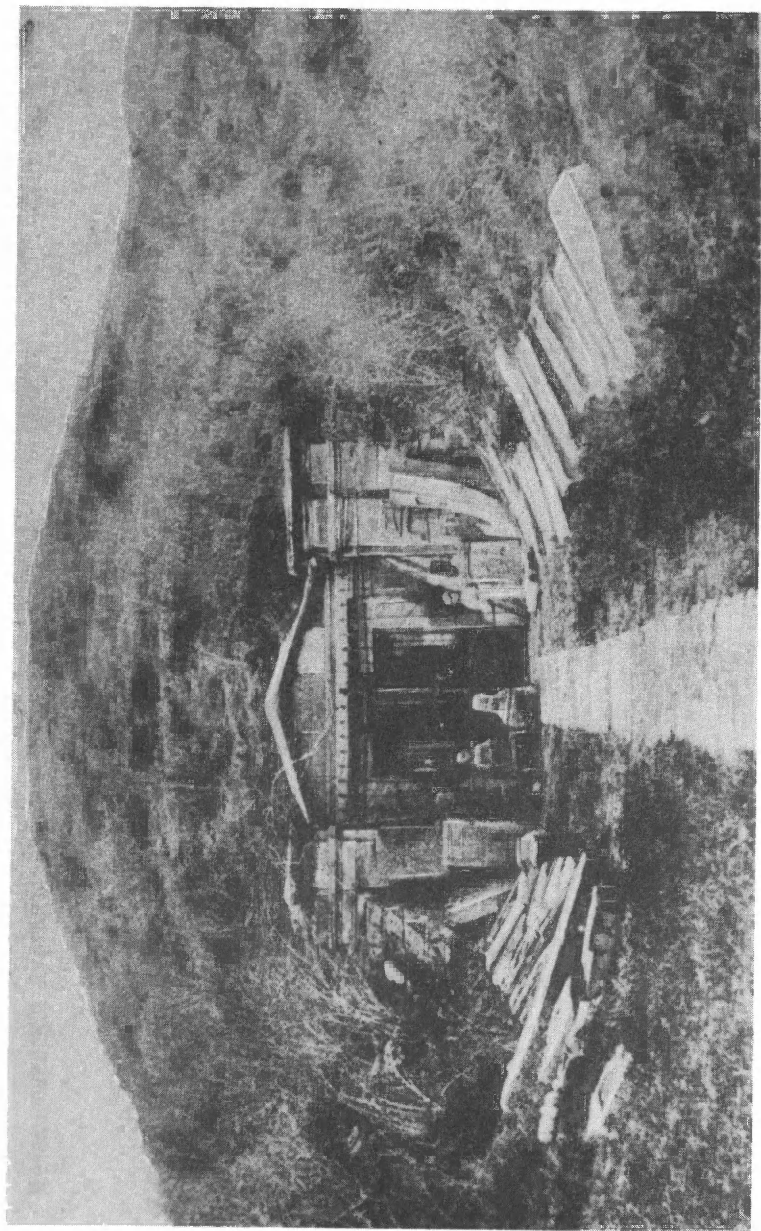
2. Керчь. Графская пристань, наверху — здание музея и выше — часовня
И.А.Стемпковского.

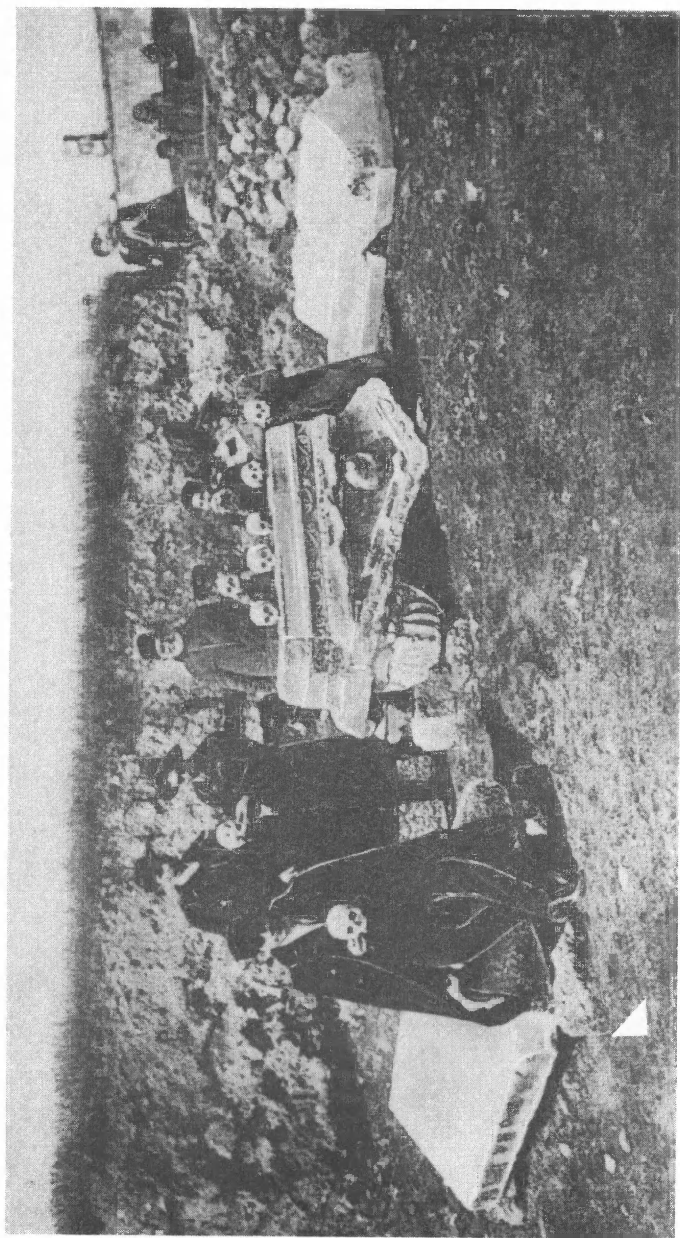
3. Царский курган.

4. Мелекчесменский курган.

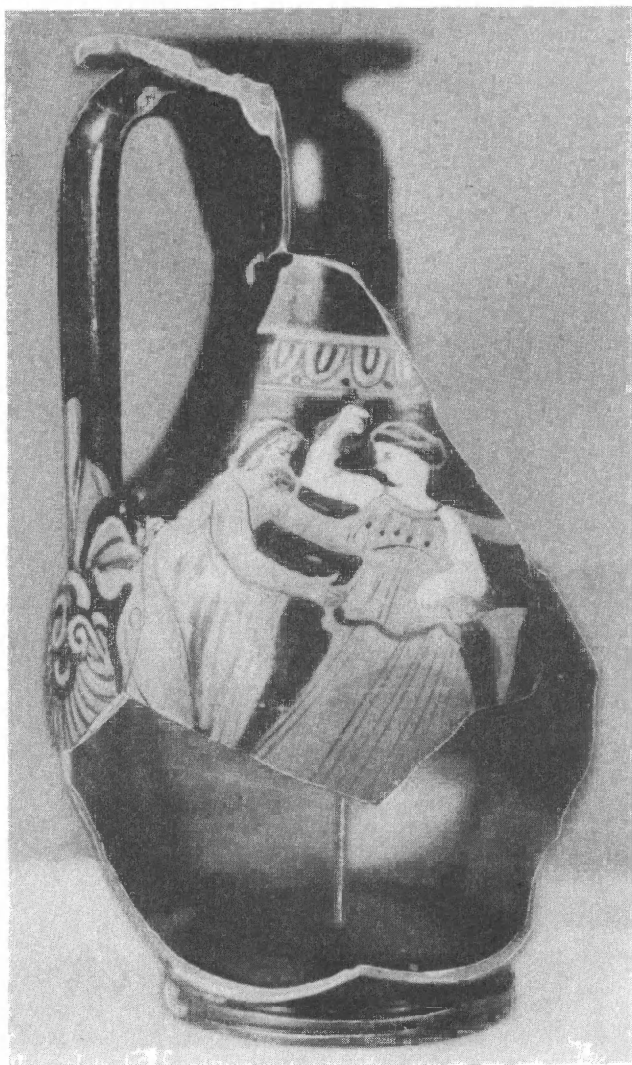
5. Раскопки на горе Митридат.

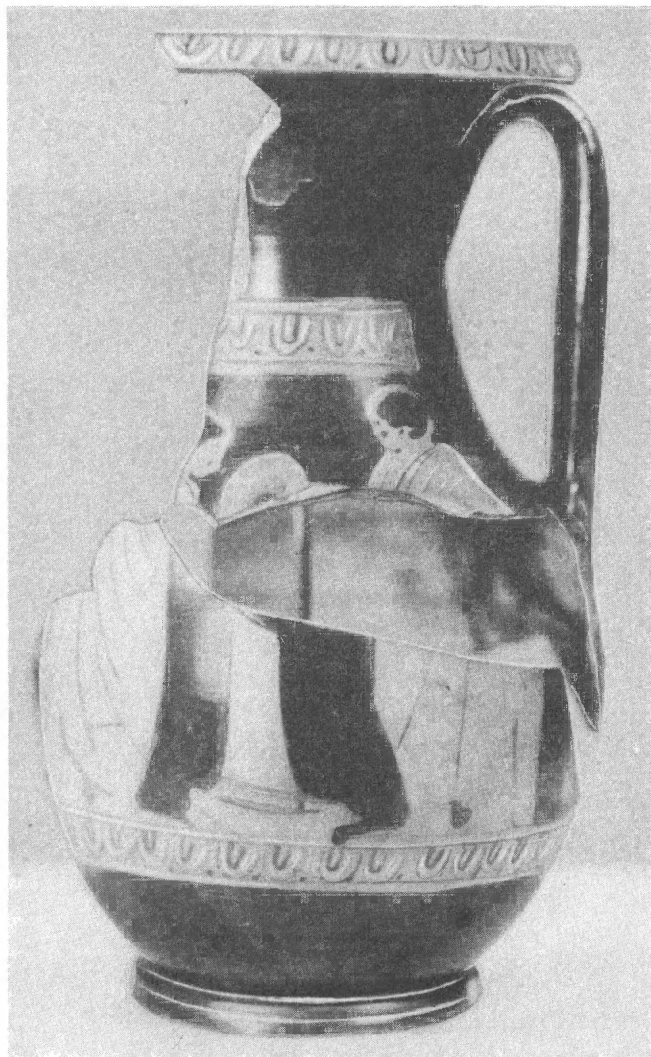

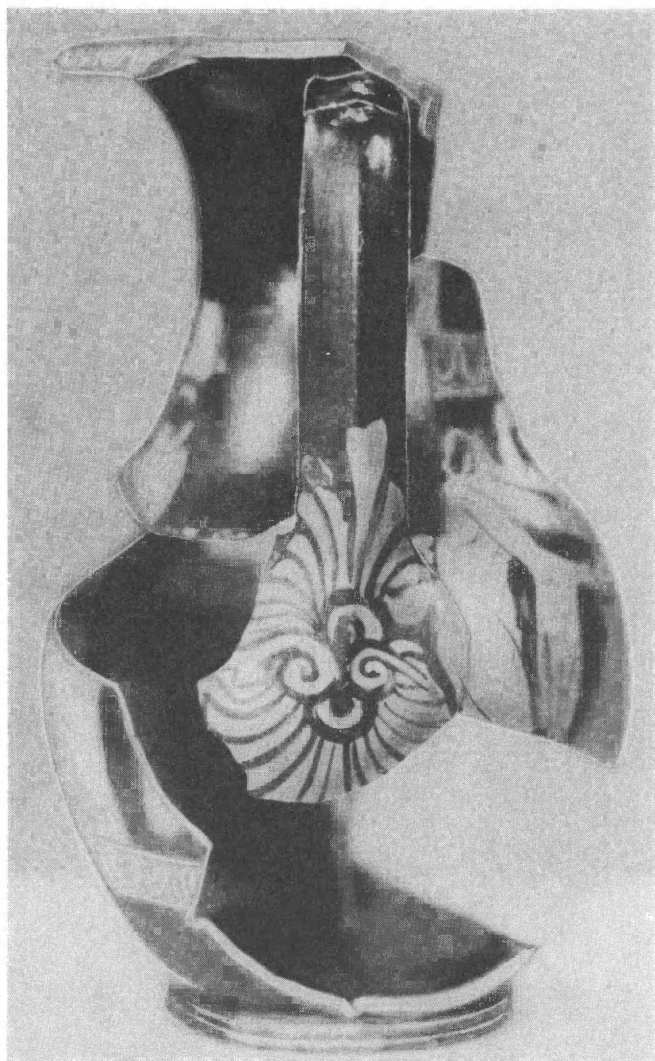
К статье В.Н.Розова
“О происхождении краснофигурной пелики из собрания Музея
города-курорта Сочи”.

1-3. Пелика. МИГКС Оф-543 (1 - сторона А, 2 - сторона Б, 3 - вид сбоку).

1.

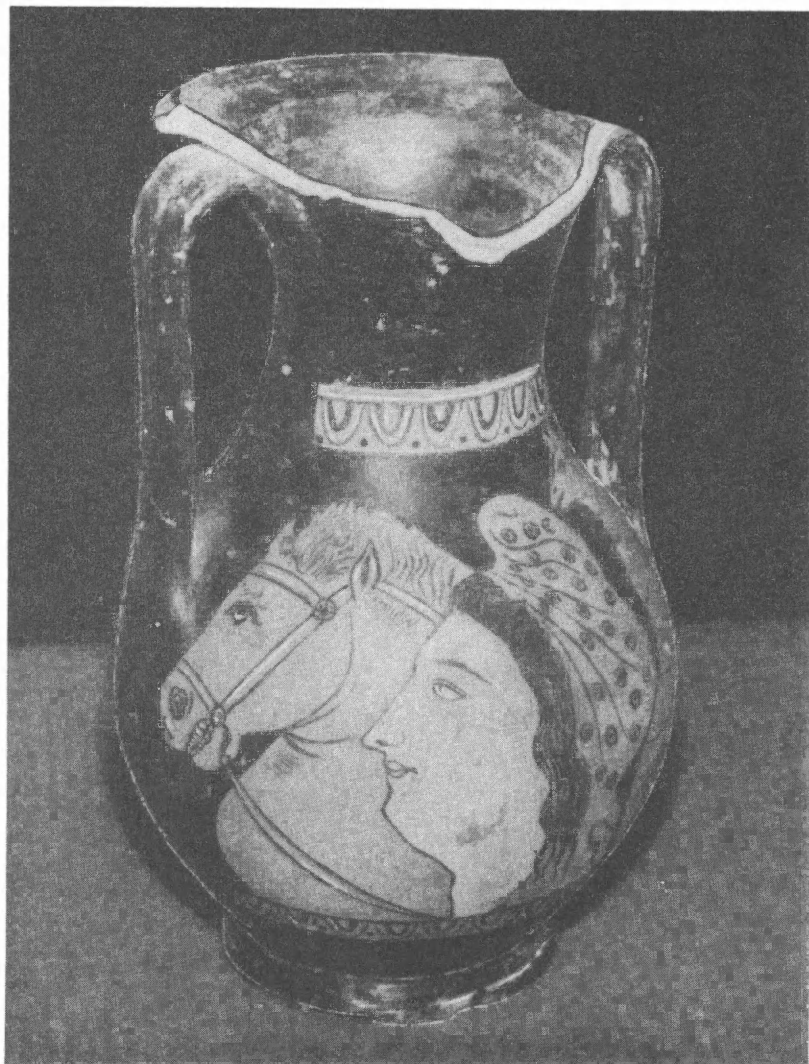

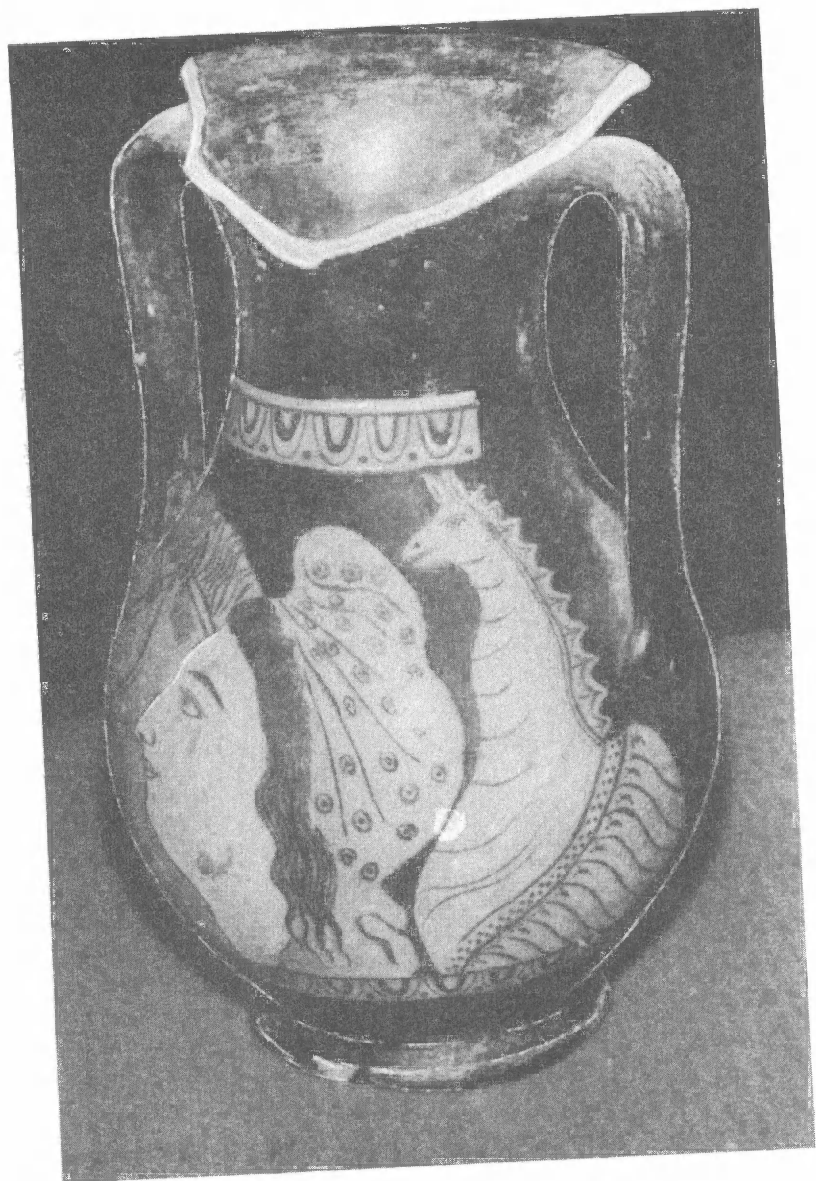

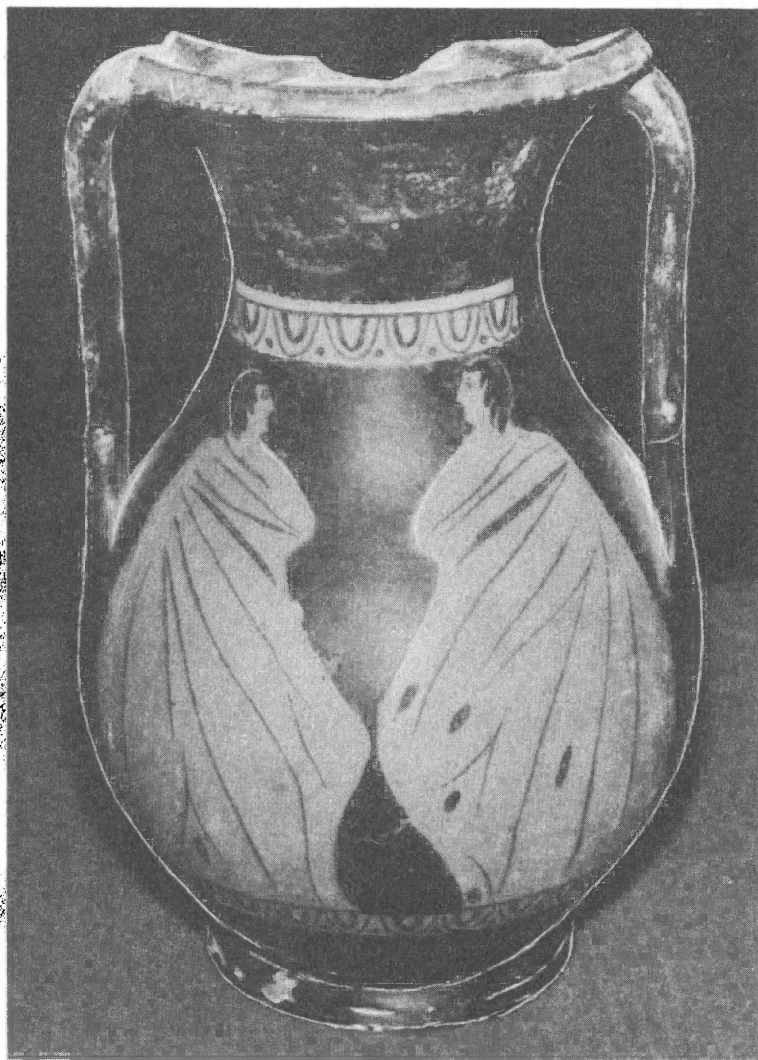

*1-3. Пелика. Протомы коня, "амазонки", грифона влево. КОКМ 3791 (1 -
сторона А, 2 - сторона А₁, 3 - сторона Б).*

1.

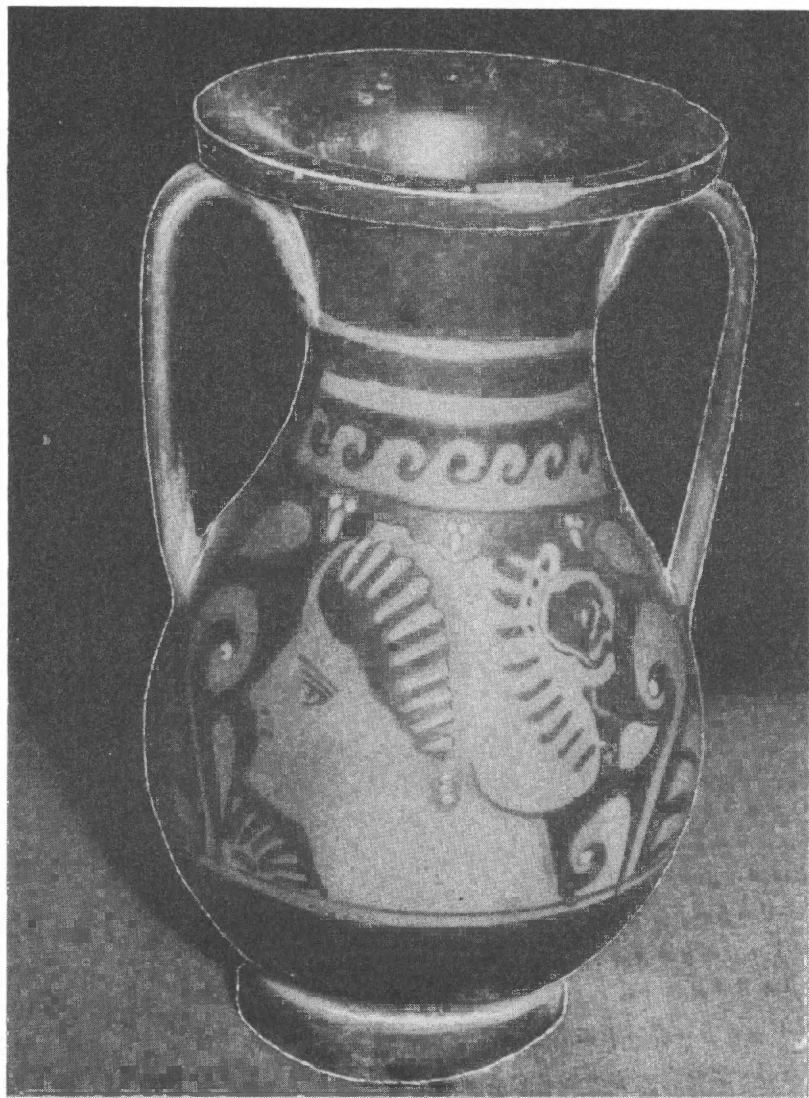

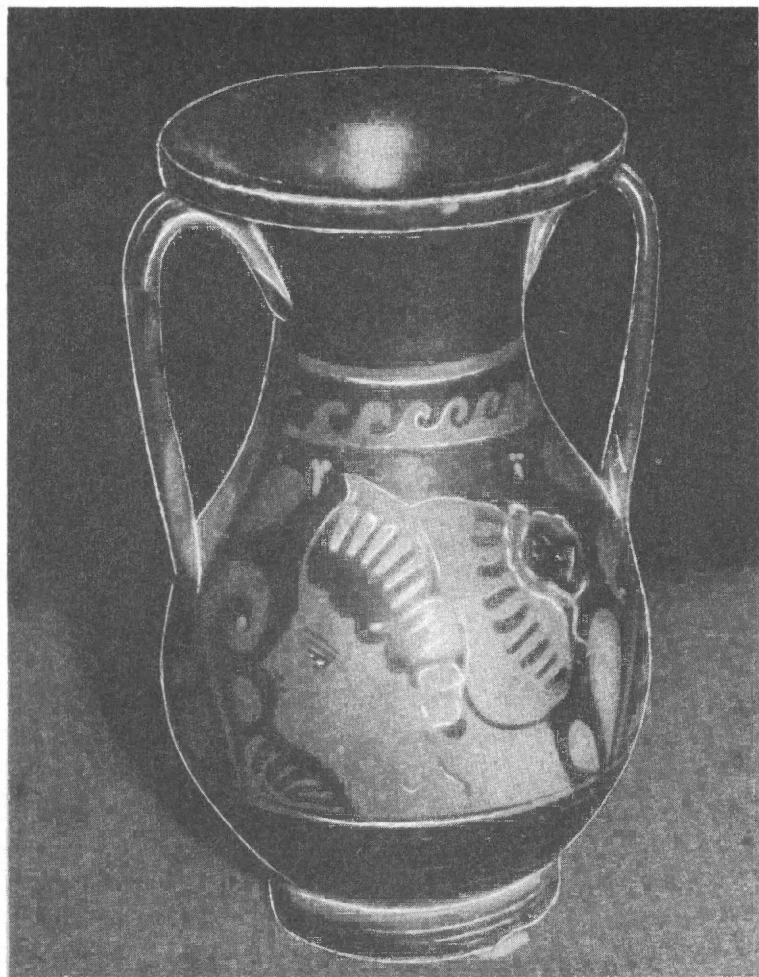

4–5. Пелика. Изображение женской головы в профиль влево. КОКМ 3790 (4 – сторона А, 5 – сторона Б).

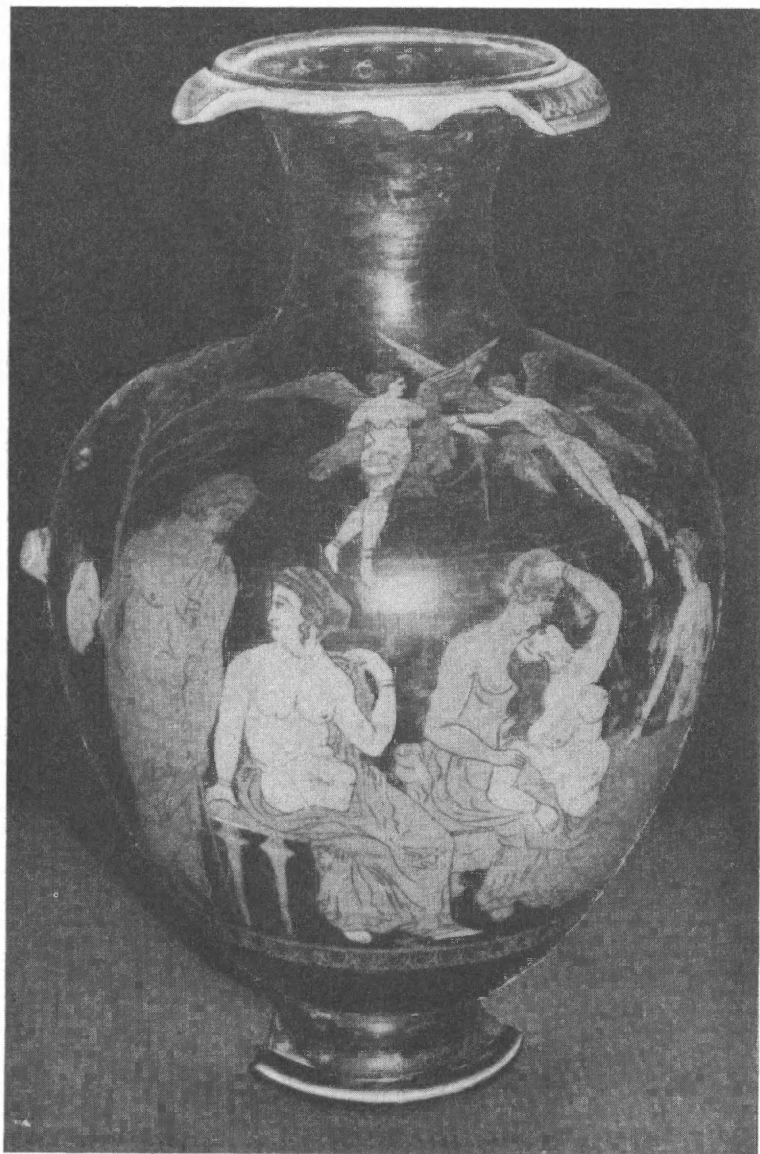
4.

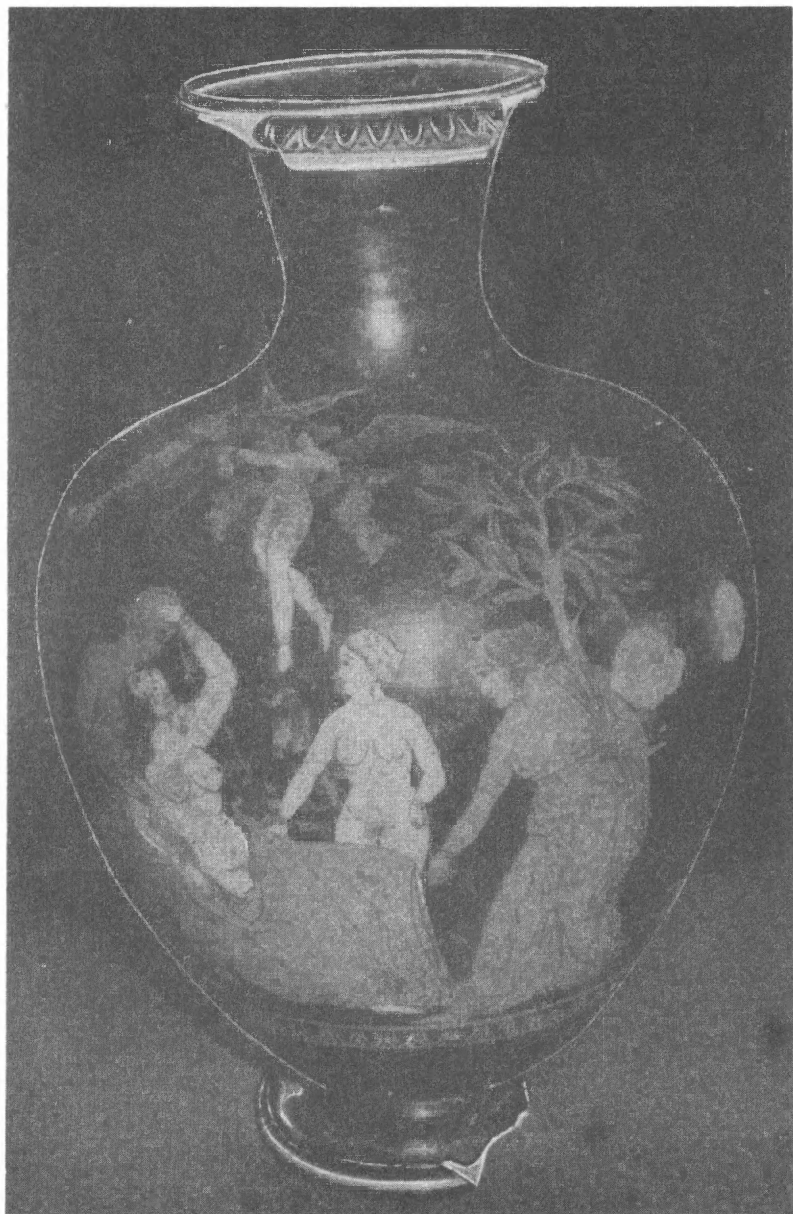

6-9. Гидрия. Многофигурная композиция. Парадиз (Рай). КОКМ 14011 (по кругу).

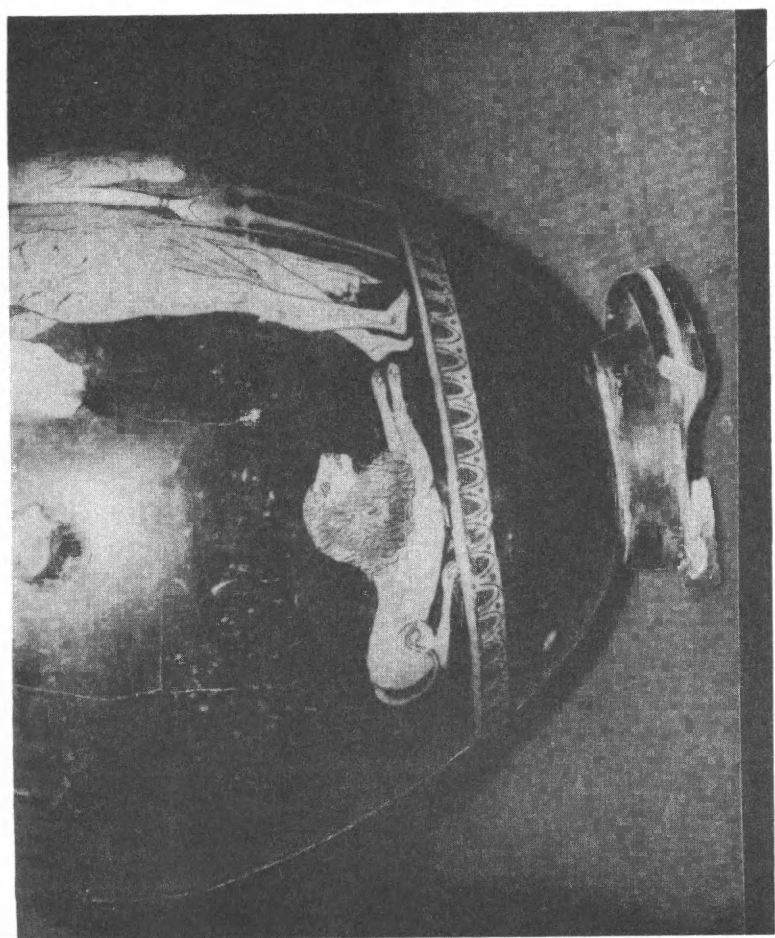
6.

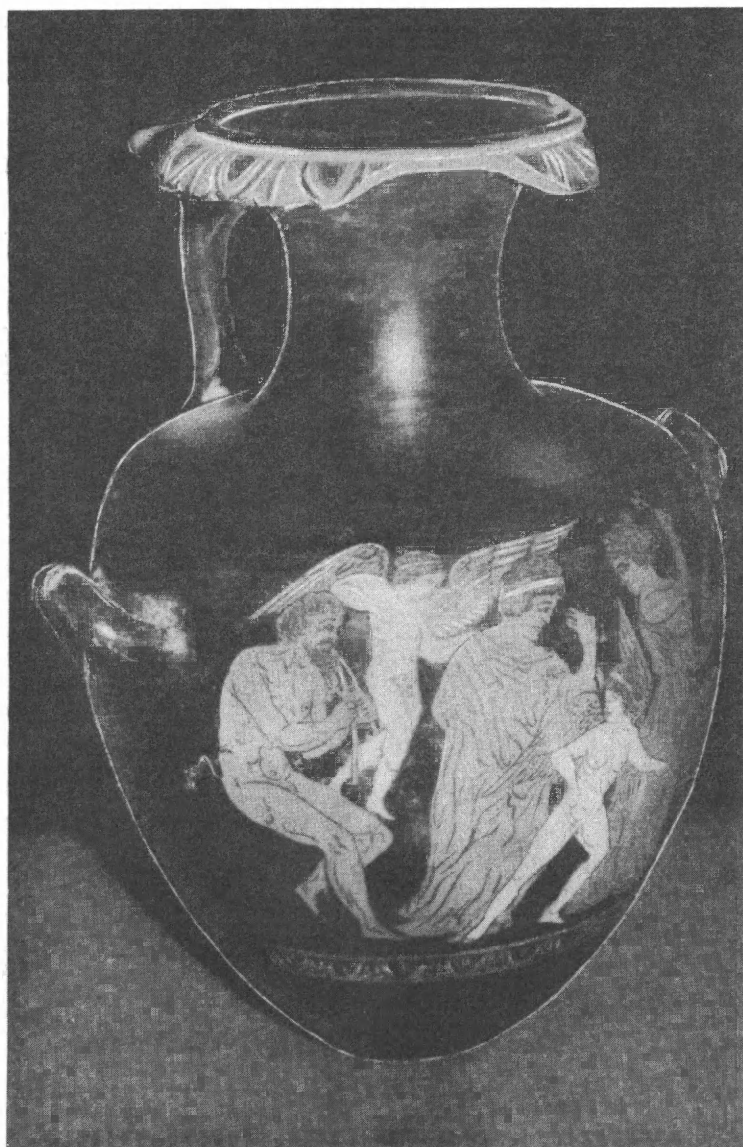

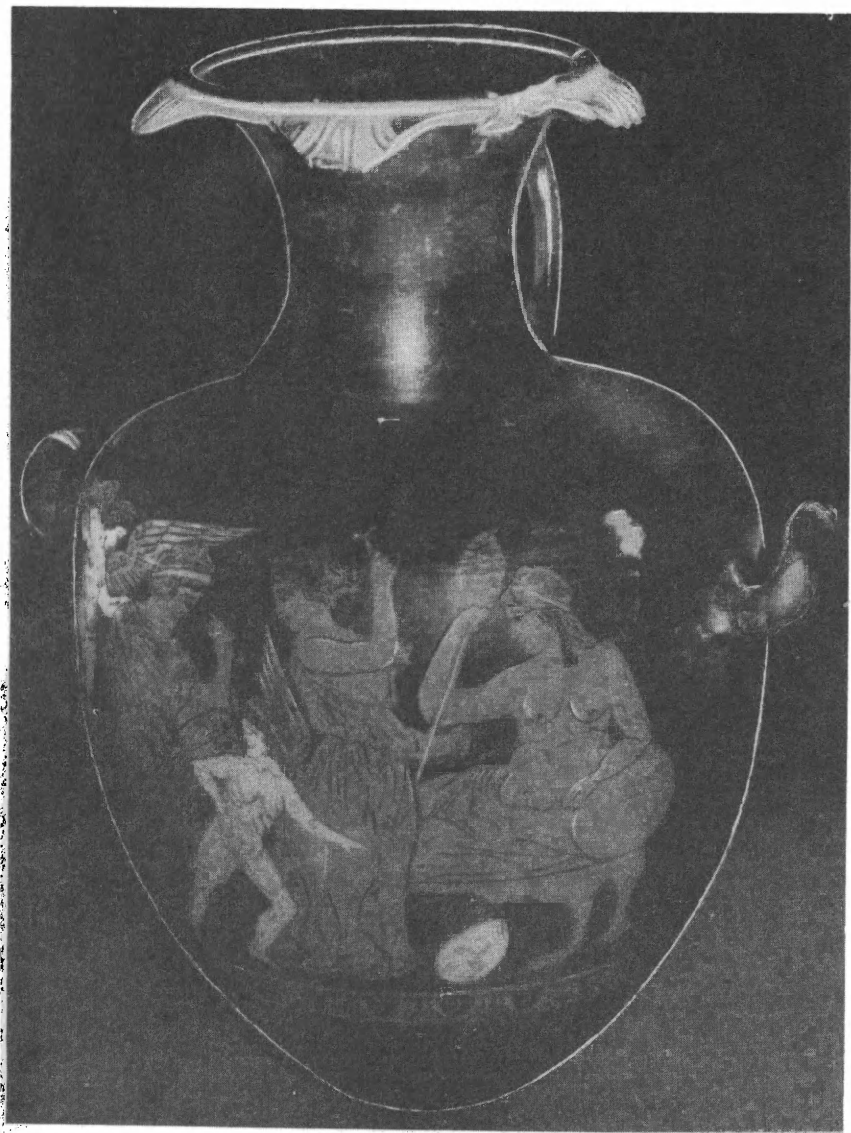
9.

10–11. Гидрия. Многофигурная композиция. Священный брак. КОКМ 53903 (по кругу).

10.

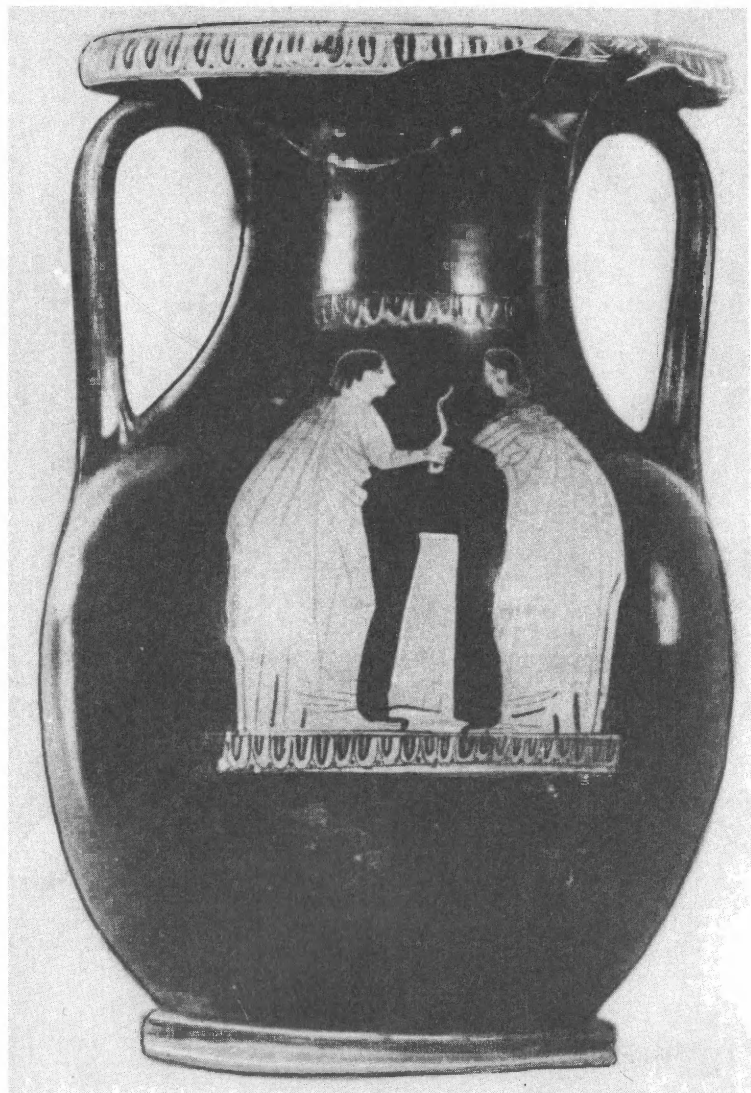

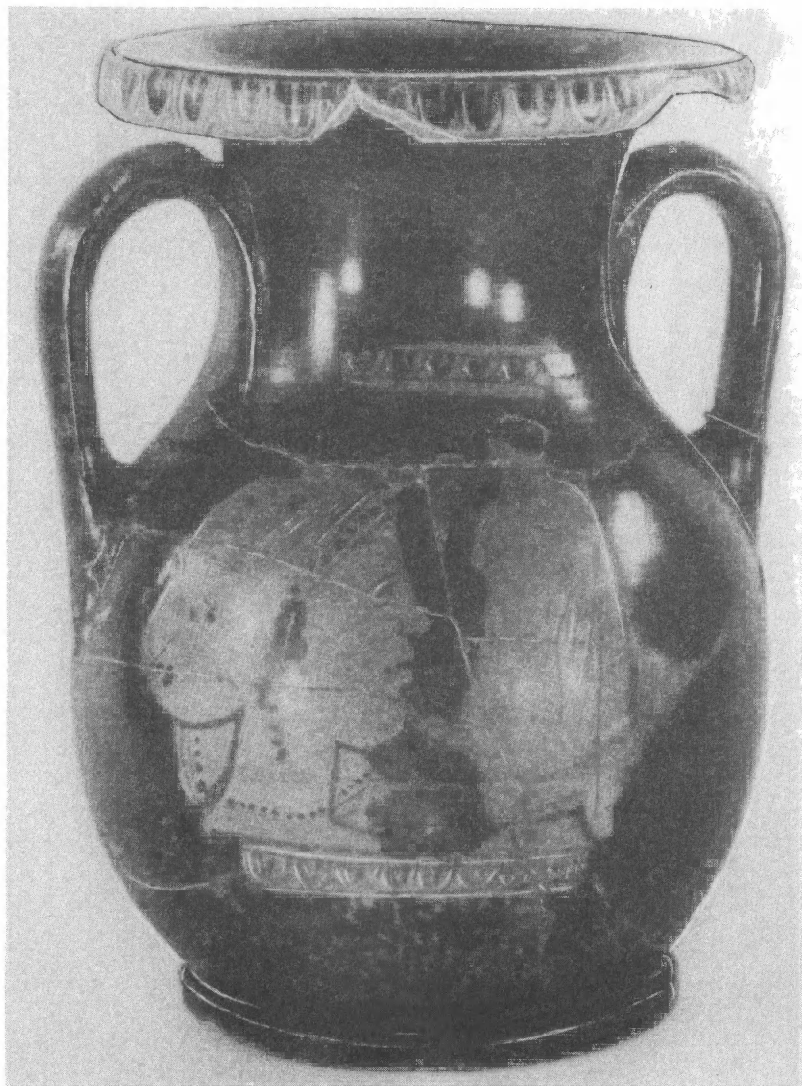

К статье И.В.Шталь
"Миф, культ, эпос в росписи античных ваз из собрания
"Свода мифо-эпических сюжетов (IV в. до Р.Х., керченский стиль)".

1. Пелика. Мист и мистагог. ОАМ-21538 (сторона А).

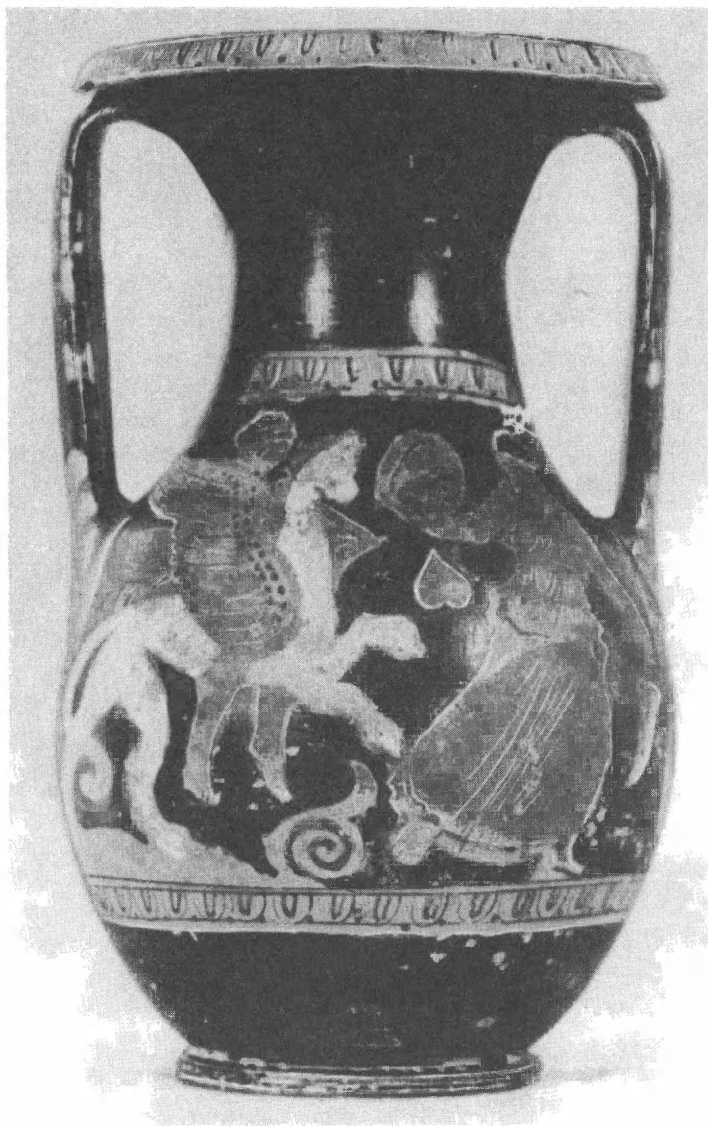

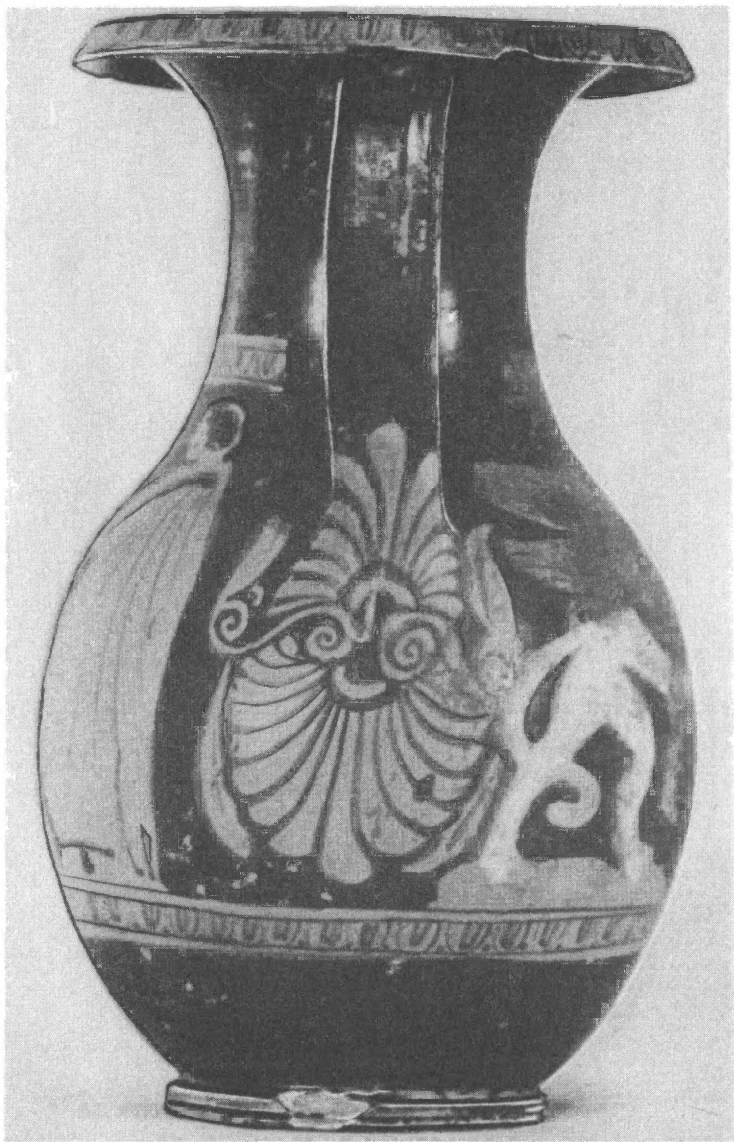

5-7. Дионис-Аполлон на грифоне преследует женщину. КМАК-51 (5 - сторона А, 6 - сторона Б, 7 - вид сбоку).

5.

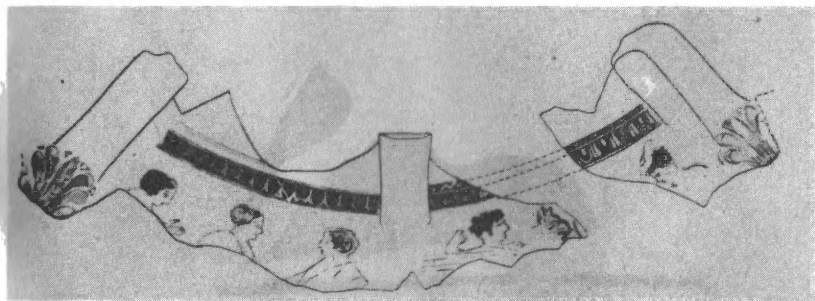

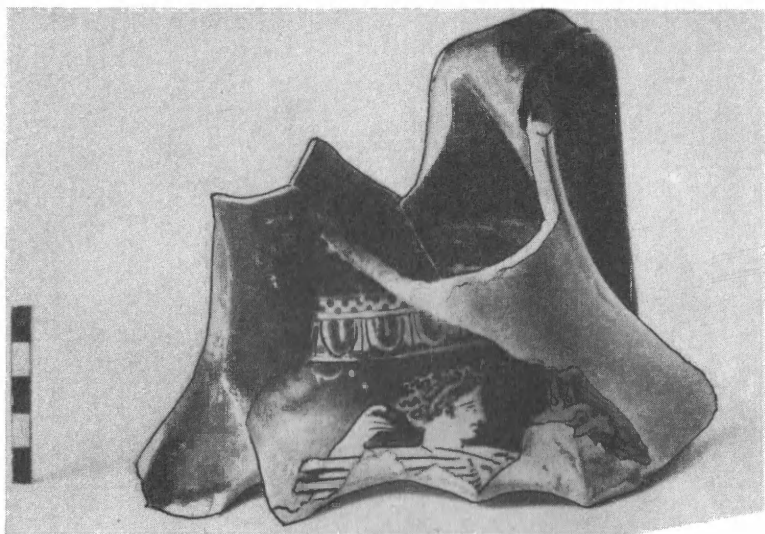

8-9. Дионис-Аполлон на грифоне преследует женщину (?), справа Гермес, ХИЛЗ
КВ-3214 (8 - прорисовка, 9 - профиль).

8.

9.

10–11. Дионис (Аполлон) в варварской одежде и убегаящая от него вправо женщина. ОАМ-22040 (10 – сторона А, 11 – сторона Б).

10.

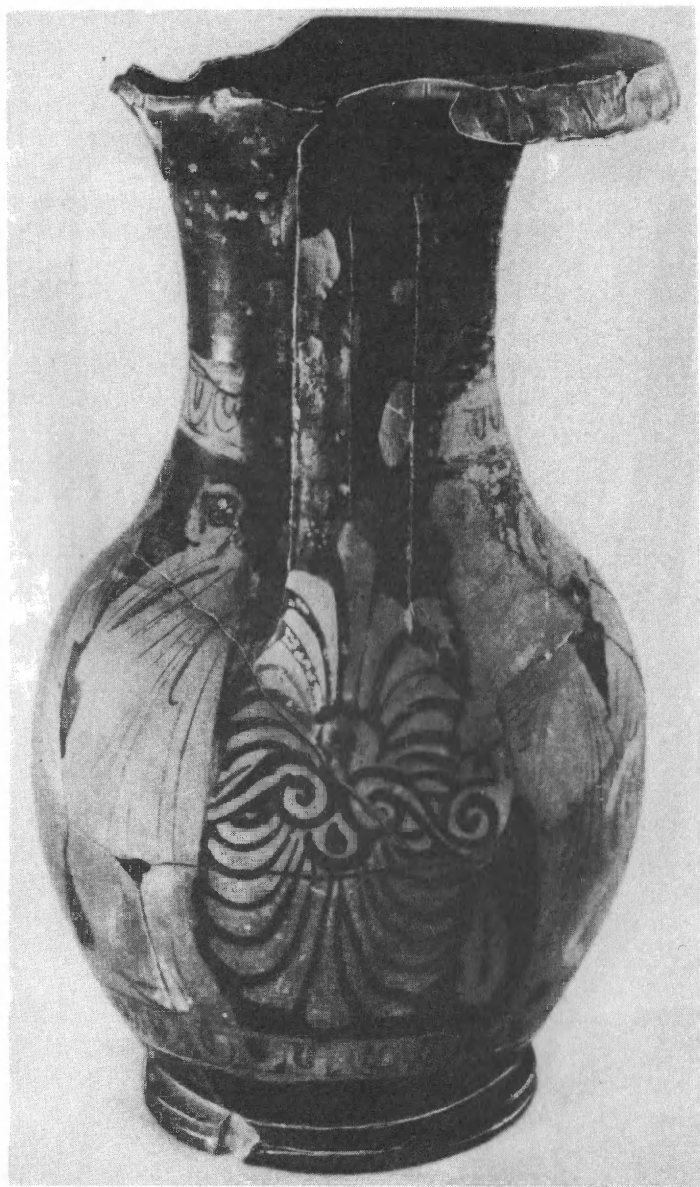

12-13. Дионис-Аполлон между двух женских фигур. КМАК-50 (12 - сторона А, 13 - вид сбоку).

12.

14. Эрот с тимпаном у алтаря между двух танцующих женщин. КМЛЛ (сторона А).

